

ISSN: 2663-6794

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

3
2019

№ 3
2019

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 3 (5)

2019

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық кеңес:

В.Ф. Зайберт – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
М.Е. Елеуов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
Т.В. Савельева – тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)
З. Самашев – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
С.Е. Әжіғали – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
И.Л. Қызласов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Москва, Ресей)
А.Г. Ситдиқов – ТР ҰҒА корр.-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы (Қазань, Ресей)
П.М. Кольцов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Элиста, Ресей)
Р.Х. Сулейманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан)
Н. Бороффка – археология докторы, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – археология докторы (Сент-Луис, АҚШ)
Т. Уильямс – археология докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

Ә.М. Манапова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Т.Б. Мамиров – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Ж. Құрманқұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Е.А. Смағұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
О.А. Артюхова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
М.Қ. Хабдулина – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
А.А. Нұржанов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
А.А. Бисембаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Ақтобе, Қазақстан)
Д.А. Воякин – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Е. Ақымбек – PhD (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова – тарих ғылымдарының кандидаты
Ғ.А. Базарбаева – тарих ғылымдарының кандидаты

Техникалық редакторы

З.М. Толенова – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Компьютерлік беттеу және дизайн:

О.В. Кузнецова

Редакцияның мекен-жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

Жылына 4 рет шығады

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландырылатын ЖТН BR05236565 жобасының шеңберінде жүзеге асырылады

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2019

© «Қазақстан археологиясы» журналы, 2019

Главный редактор

академик НАН РК, доктор исторических наук Б.А. Байтанаев

Редакционный совет:

В.Ф. Зайберт – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
М.Е. Елеуов – доктор исторических наук профессор (Алматы, Казахстан)
Т.В. Савельева – доктор исторических наук (Алматы, Казахстан)
З. Самашев – доктор исторических наук, профессор (Нур-Султан, Казахстан)
С.Е. Ажигали – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
И.Л. Кызласов – доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)
А.Г. Ситдилов – член-корреспондент НАН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия)
П.М. Кольцов – доктор исторических наук, профессор (Элиста, Россия)
Р.Х. Сулейманов – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан)
Н. Бороффка – доктор археологии, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – доктор археологии (Сент-Луис, США)
Т. Уильямс – доктор археологии, профессор (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

А.М. Манапова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Т.Б. Мамиров – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
Ж. Курманкулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Е.А. Смагулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
О.А. Артюхова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
М.К. Хабдулина – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
А.А. Нуржанов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
А.А. Бисембаев – кандидат исторических наук (Актобе, Казахстан)
Д.А. Воякин – кандидат исторических наук. (Алматы, Казахстан)
Е. Акымбек – PhD (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова – кандидат исторических наук
Г.А. Базарбаева – кандидат исторических наук

Технический редактор

З.М. Толенова – кандидат исторических наук, доцент

Компьютерная верстка и дизайн:

О.В. Кузнецова

Адрес редакции:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazakhstan@gmail.com
archeokz.com

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Historical Sciences B.A. Baitanayev

Executive Editors:

V.F. Zaibert – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
M.E. Eleuov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
T.V. Savelyeva – Doctor of History (Almaty, Kazakhstan)
Z. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Astana, Kazakhstan)
S.E. Ajigali – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
I.L. Kyzlasov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
A.G. Sitdikov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russia)
P.M. Koltsov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Elista, Russia)
R.H. Suleymanov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan)
N. Boroffka – Doctor of Archaeology, Professor (Berlin, Germany)
M. Frachetti – Doctor of Archaeology (St. Louis, USA)
T. Williams – Doctor of Archaeology, Professor (London, UK)

Editorial Board:

A.M. Manapova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
T.B. Mamirov – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Zh. Kurmankulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.A. Smagulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
O.A. Artyukhova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
M.K. Khabdulina – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
A.A. Nurzhanov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
A.A. Bisembayev – Candidate of Historical Sciences (Aktobe, Kazakhstan)
D.A. Voyakin – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.Sh. Akymbek – PhD (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

G.S. Jumabekova – Candidate of Historical Sciences
G.A. Bazarbayeva – Candidate of Historical Sciences

Technical Editor:

Z.M. Tolenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Computer layout and design:

O.V. Kuznetsova

Editorial address:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

The journal is published four times a year

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project BR05236565

© A. Kh. Margulan Archeology Institute, 2019

© Journal «Kazakhstan archeology», 2019

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Ғылым тарихынан – Из истории науки

Маргулан Д.А. (Алматы, Казахстан) К.И. Сатпаев и А.Х. Маргулан – история сотрудничества	7
Подушкин А.Н. (Шымкент, Казахстан) Николай Павлович Подушкин – учёный, археолог, человек (к 90-летию со дня рождения)	24
Савельева Т.В. (Алматы, Казахстан) Ахинжанов Сержан Мусатаевич: к 80-летию со дня рождения	37
Бедельбаева М.В. (Караганды, Казахстан) «Рыцарь без страха и упрёка» (к 110-летию со дня рождения С.С. Черникова)	46
Археологияның мәселелері – Вопросы археологии	
Таймагамбетов Ж. (Нур-Султан, Казахстан), Кунитаке С. (Нара, Япония) 60 лет со дня открытия многослойной палеолитической стоянки им. Ч. Валиханова	62
Калиева Ж.С. (Нур-Султан, Казахстан) Аппликация в декоре керамических сосудов раннего железного века Казахстана	72
Авизова А.К. (Шымкент, Казахстан), Есжан Е.А., Акылбек С.Ш. (Шаульдер, Казахстан) Погребения из могильника Бесиншитобе в Отрарском оазисе	86
Рогожинский А.Е. (Алматы, Казахстан) Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, Средневековье и Новое время	99
Железняков Б.А. (Алматы, Казахстан) Камни-кайраки – массовый источник по христианству XII–XIV вв. Центральной и Восточной Азии	122

Хабарлар – Хроника

Мерц В.К. (Павлодар, Казахстан) Археолог В.С. Волошин – на пути к истине	142
Таймагамбетов Ж.К. (Нур-Султан, Казахстан) Последняя археологическая экспедиция Гани Искакова (13.01.1970–23.06.2019)	153
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	162
Авторларға арналған ережелер – Правила для авторов	

CONTENT

From the history of science

Margulan D.A. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) K.I. Satpayev and A.Kh. Margulan – cooperation history (in Russian)	7
Podushkin A.N. (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>) Nikolay P. Podushkin – scientist, archaeologist, person (to the 90th anniversary since birth) (in Russian)	24
Savelyeva T.V. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Akhinjanov Serjan M.: to the 80th anniversary since birth (in Russian)	37
Bedelbayeva M.V. (<i>Karagandy, Kazakhstan</i>) «Knight without fear and reproach» (To the 110-th anniversary of birth of Sergei Chernikov) (in Russian)	46

Questions of archaeology

Taimagambetov Zh. (<i>Nur-Sultan, Kazakhstan</i>), Kunitake S. (<i>Nara, Japan</i>) 60 years from the date of opening of the multilayered paleolithic man site of Ch. Valikhanov (in Russian)	62
Kalieva Zh.S. (<i>Nur-Sultan, Kazakhstan</i>) Applique work in the decor of ceramic vessels of the Early Iron Age of Kazakhstan (in Russian)	72
Avizova A.K. (<i>Shymkent, Kazakhstan</i>), Yeszhan Y.A., Akylbek S.Sh. (<i>Shaulder, Kazakhstan</i>) Burials from Besinshitobe in the Otrar oasis (in Russian)	86
Rogozhinskiy A.E. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Signs of identity (tamga) and monuments of tamga use in Kazakhstan: antiquity, middle ages and modern times (in Russian)	99
Zheleznyakov B.A. (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Tomb stone-kayraks – mass source on Christianity of the 12–14th centuries in Central and Eastern Asia (in Russian) ..	122

Chronicle

Merz V.K. (<i>Pavlodar, Kazakhstan</i>) Archaeologist V.S. Voloshin – on the way to the truth (in Russian)	142
Taimagambetov Zh. (<i>Nur-Sultan, Kazakhstan</i>) Last archaeological expedition of Gany Iskakov (13.01.1970–23.06.2019) (in Russian)	153
List of Abbreviations	162
Submissions	

К.И. САТПАЕВ И А.Х. МАРГУЛАН – ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

© 2019 г. Д.А. Маргулан

Посвящается 120-летию К.И. Сатпаева и 115-летию А.Х. Маргулана

В этом году исполнилось 120 лет К.И. Сатпаеву и 115 лет А.Х. Маргулану. К.И. Сатпаев и А.Х. Маргулан родились в Баянауле Павлодарской области. Учились в 1920-е годы в Семипалатинском педагогическом техникуме. В последующем К.И. Сатпаев продолжил обучение в Сибирском технологическом институте (г. Томск), а А.Х. Маргулан – в Ленинградском государственном университете на факультете востоковедения. После окончания Томского института Каныш Имантаевич был направлен на работу в Карсакапай, где проработал с 1928 г. по 1941 г. – до образования в г. Алма-Ате Казахского филиала Академии наук СССР. А.Х. Маргулан в 1938 г. решением Президиума АН СССР был направлен из Института истории материальной культуры (Ленинград) в сектор истории КазФАН СССР, затем в 1946 г. – сектор археологии. С этого момента начинается история Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, бессменным руководителем которой А.Х. Маргулан оставался многие годы.

Ключевые слова: археология, К.И. Сатпаев, А.Х. Маргулан, КазФАН СССР, сотрудничество

Вместо Предисловия

Мне часто приходилось слышать разговоры отца с дядей моей мамы – Канышем Имантаевичем Сатпаевым. История сотрудничества двух великих казахских ученых создавалась и творилась не только в здании Академии наук, но и в нашем доме и в доме К.И. Сатпаева, куда мы часто навещались.

В процессе редактирования трудов отца, ознакомления с оставшимися документами и воспоминаниями, у меня возникло понимание событий, изложенное ниже. Думаю, что я недалеко от истины.

Начало сотрудничества

На протяжении 13 лет К.И. Сатпаев работал в Карсакапае. Он прекрасно знал все памятники, расположенные в данной местности. Каныш Имантаевич глубоко интересовался

историей своего народа, его фольклором. Об этом говорит факт издания в 1928 году в г. Москве эпического сказания «Ер Едиге» на казахском языке с предисловием К.И. Сатпаева.

В Карсакапе К.И. Сатпаев собрал ценные сведения по древним выработкам Жезказгана, составил сводку археологических памятников этого района, а также наскальных гравюр в местности Байконур.

Предложение А.Х. Маргулану работать в сфере археологии было не случайным. Солидное образование, его необычайный интерес к казахской истории, пытливый ум и трудолюбие, огромный опыт работы с архивными материалами – все эти качества отца обусловили предложение К.И. Сатпаева возглавить археологию в Казахстане.

Каныш Имантаевич поделился своими знаниями с А.Х. Маргуланом и они, по-видимому, выработали стратегию исследований памятников. Как геолога, К.И. Сатпаева особенно интересовала история горных выработок. Изучение этого вопроса находится на стыке нескольких наук: горного дела, геологии, металлургии, археологии и др., поэтому А.Х. Маргулану постоянно было необходимо консультироваться со специалистами, в первую очередь с К.И. Сатпаевым, обращаться к его трудам.

ЦКАЭ под руководством А.Х. Маргулана начала работать в Жезказган-Улытауском регионе. Одновременно с памятниками археологии обследовались древние выработки, сакральные объекты (мавзолей Джучи, Алаша-хана), петроглифы в местности Байконур и др.

А.Х. Маргуланом изучались литературные источники и архивные материалы по древнему горному делу и металлургии, труды геологов и, в частности, труды К.И. Сатпаева. Благодаря этим источникам, результатам полевых работ, советам К.И. Сатпаева появилась монография А.Х. Маргулана «Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы» [Маргулан А.Х., 2008а].

О книге, посвященной древним выработкам, появившейся в результате сотрудничества К.И. Сатпаева и А.Х. Маргулана

О древних выработках в казахских степях стало известно со времени первой российской академической экспедиции, работавшей в Казахстане в середине XVIII в. Развитие горного дела и металлургии на территории Сарыарки с древнейших времен было обусловлено полиметаллическими месторождениями, громадными массами, сосредоточенными на террито-

рии Центрального Казахстана. Здесь сохранилось большое число древних рудников, отвалов, карьеров, оплывших ям, забоев, шахт, штолен. Среди них выделяются грандиозные рудные объекты – комплексы Жезказган, Каражал (Шетский район), группы рудников Северного Прибалхашья, Каркаралинской, Баянаульской и Карагандинской степей, Северной Бетпакдалы, групп Имантау, Степняк, Бесоба.

Результаты топографических исследований, проведенных в советское время, свидетельствуют о том, как обширны и многочисленны древние рудные выработки Сарыарки. Они встречаются повсюду на огромном степном пространстве от Улытау и Жезказгана до Калбинского хребта, Алтая и Тарбагатая. Следы горных работ поражают тщательной продуманностью и целесообразностью их ведения. В результате усилий горных инженеров Жезказгана и лично К.И. Сатпаева из древних выработок Центрального Казахстана наиболее обстоятельно были изучены рудные выработки Жезказгана [Сатпаев, 1967, с. 68–69, 79; 1968, с. 53–87, 90–100; 1970, с. 45].

В Сарыарке известно два типа древних выработок: открытые и подземные. Открытый способ добычи и соответственно малые выработки небольшой глубины характерны для ранних этапов эпохи бронзы. Они представляют собой неглубокие ямы овальной формы, располагающиеся по простиранию рудного тела. В эпоху Бегазы-Дандыбая в горном деле наблюдается большой прогресс, многовековой опыт подводит древних горняков к освоению глубоко лежащих пластов руды, в результате чего появляется шахтный тип выработок.

Жезказган, Коунрад и Саяк относятся к одним из крупнейших месторождений меди в мире. Мощность окисленной медной руды в Жезказгане велика, ее нижний горизонт находится на глубине 50–60 м. Сокровища недр Жезказгана были открыты еще древними жителями Сарыарки. Их многовековые усилия привели к образованию крупнейшего центра древнего металлургического производства. Об этом свидетельствуют обширные и многочисленные карьеры, грандиозные отвалы и разносы, остатки поселений древних рудокопов Златоуст, Милыкудук, Айнаколь, Соркудук, где в культурных слоях обнаружены предметы материального производства: орудия труда, предметы бытового обихода, слитки меди, керамика, обломки тиглей, шлаки. В начале 1930-х годов древние выработки Жезказгана находились еще в нетронутom состоянии.

Древний массив Жезказгана стал объектом исследований после Великой Отечественной войны. Внимание к изучению древних выработок региона проявил президент только что созданной Академии наук КазССР К.И. Сатпаев [1970, с. 453].

Древним обитателям Сарыарки раскрылась суть обработки руды, заключающаяся в ее дроблении, измельчении и обогащении. Собственно, этот же процесс лежит в основе современного металлургического производства.

Древние горняки добытую руду сортировали и обогащали в несколько приемов. Предварительное очищение ее от пустых пород производилось в самом забое. Первоначальный этап обработки руды в древности проводился в стороне от выработок, в черте поселений рудокопов, вблизи водных источников – озер, рек,

колодцев, искусственных водоемов. Руслa рек преграждались плотинами из глыб гранита, поставленных на ребро. Серия плотин была обнаружена и обследована в Каркаралинской и Баянаульской степях, густая сеть плотин обследована возле древних выработок Жезказгана. Следы обогащения руды в виде многочисленных ям – остатков древних водоемов, отвалов, груд измельченных и промытых руд, «сплесков», «хвостов» присутствуют вблизи ряда древних выработок Центрального Казахстана: Саяке, Коунраде, Алтынсу, Шакпактасе, Жосалы, Майкаине, Бестобе, Степняке, Имантау, Жезказгане. Места обогащения руды с отвалами измельченной руды открыты во многих местах Центрального Казахстана К.И. Сатпаевым и др. На территории Сарыарки в эпоху бронзы места дробления и обогащения руды, как правило, находились рядом с древними плавильными центрами, что свидетельствует о комплексном характере производственных процессов (обогащение руды и плавка в одном месте). Следы древнего металлургического производства сконцентрированы в плавильных центрах Жезказгана (Милыкудук, Соркудук, Айнаколь), в обрыве реки Жезды [Сатпаев, 1970, с. 453].

В древности местами сбора воды для мокрого обогащения измельченной руды были «сплески» – группы ям, окруженные отвалами дробленной руды. Ямы представляли собой водосборные бассейны диаметром 3 м, глубиной 2–3 м. При отсутствии проточной воды бассейн снабжался водой из колодца, выложенного камнями и расположенного на дне большой ямы. В полупустынных районах использование колодцев для устройства водоемов и запруд в

металлургическом производстве имело огромное значение. Многолетние археологические раскопки позволили обнаружить и обследовать в древних плавильных центрах Жезказгана большую серию плавильных печей, относящихся к разному времени. По типу они различны. Наиболее раннюю серию плавильных печей составляют костровые ямы и каменные очаги, сложенные из валунов песчаника или кварцита в форме круга диаметром 1,5–2 м, глубиной до 60–80 см. На дне таких очагов или костровых ям прослеживаются остатки древесного угля, шлаки, обломки самородной меди. В подобных случаях мы имеем дело с более ранними формами плавки.

Другая серия древних плавильных печей, обнаруженных в Жезказгане и других районах Центрального Казахстана, представляет собой небольшие горны в виде круглых ям, обложенных тонкими сланцевыми плитами или обмазанных глиной с наклоном пода к устью, что специально сделано для циркуляции воздуха.

Распространенный тип плавильных печей, встречающихся в Жезказгане и других районах Казахстана, представляет собой сыродутные печи. Описание одной из них: печь прямоугольной формы с устьем полукруглого очертания. Основание погружено в грунт до 1 м. Наружные стены выведены кладкой из сланцевых плит с коробовым сводом высотой 0,6 м. Над сводом возвышается сопло в виде усеченного конуса. Размеры печи: длина 2 м, ширина 1 м, высота 1,2 м. Две другие печи, остатки которых сохранились на отдельных участках культурного пласта Милыкудука, гораздо более крупных размеров, чем предыдущая. Одна из них

шахтного типа: печь прямоугольной формы, разделена поперечной стенкой на две камеры, в одной из которых производилась плавка исходных продуктов, в другой – вторичных. Вторая печь самая крупная из всех плавильных печей Жезказганского металлургического центра. Величина печи наводит на предположение, что она была предназначена для кучевого обжига руды.

Материалы из плавильных печей Жезказгана свидетельствуют о том, что в качестве топлива при плавке руды использовался саксаул, степной кустарник, кизяк, а также кости животных. Так, в зольном слое плавильных печей Жезказгана прослежены остатки таволги, саксаула, кизяка и большое скопление обгорелых костей. По подсчетам геологов, для получения 15 кг черной меди требовалась тонна степного кустарника.

О загрузке плавильных печей Жезказгана свидетельствуют огромные скопления шлаков. Химический анализ показал, что шлаки происходят из различных плавильных центров разного качества: шлаки пористые и шлаки плотные (черные и темно-коричневые).

Наиболее крупным медеплавильным центром в бассейне р. Сарысу после Жезказгана было поселение древних металлургов Атасу, находившееся в 98 км к востоку от рудника Каражал (Жанааркинский р-н). Площадь поселения, занимавшего около 5 га, была покрыта обломками керамики, костями животных, рудодробильными орудиями, шлаками и горами медной руды и насыщена следами древнего металлургического производства: местами обогащения медной руды в виде бугров, рвов, остатков древних каналов, водосборных ям, плотин. При раскопках по-

селения в 1955 г. в обрыве протока были обнаружены следы древней мастерской в виде продолговатой ямы длиной 10 м, шириной 4,5 м с зольным слоем толщиной до 0,6 м. На дне мастерской были расположены подовые части трех плавильных горнов круглой формы диаметром 2–2,8 м с сохранившейся глубиной 25–30 см. На дне и вокруг печей обнаружены большие скопления шлаков, золы, угольков, груды измельченной медной руды, медные шарики, обломки бронзового шила и др. Значительное скопление каменных орудий, шлаков, слитков меди (один слиток весом до 5 кг), каменных льячек, обломков тиглей, форм для литья и других орудий обработки металла обнаружено в культурном слое жилища № 4 поселения Атасу вокруг большого домашнего очага, служившего не только для обогрева, но и для плавки медной руды.

Химический анализ шлаков из поселения Атасу, проведенный Т.А. Сатпаевой, свидетельствует о том, что для плавки использовались наиболее богатые медью руды (до 20–47%) верхнего горизонта, легко доступные для добычи.

Одним из крупных плавильных центров в древности было Северное Прибалхашье. Об этом свидетельствуют древние ямы с отвалами, «сплески», скопления шлаков со следами плавки медной и свинцовой руд, обнаруженными на южном склоне горы Карашоки, в Восточном Коунраде, горах Кенели, Тесиктас, Жаман-Кызыларай, Жангызтау. Мощные следы добычи и плавки руды обнаружены в Саяке I, III–V.

Значительные следы древнего металлургического производства находятся в Каркаралинской степи (Шетский район). Здесь, недалеко от

рудных выработок Кызылэспе, Акшагыл, Акжал, Каскаайгыр, Кызыладыр, Жалпак – известных полиметаллических месторождений находился один из основных плавильных центров Западно-Каркаралинской степи. Группа медеплавильных печей обнаружена на территории совхоза «Бесоба» (Каркаралинский р-н). Остатки древних плавильных печей обнаружены на поселении эпохи бронзы Бугулы I (Шетский р-н). В этом же регионе при раскопках поселения Шортанды–Булак были обнаружены следы металлургического производства. Группа древних плавильных печей обнаружена в ущельях главного Каркаралинского хребта. Здесь в эпоху бронзы находился крупнейший металлургический центр всей Каркаралинской степи, включая центры Актогайского, Шетского и Егиндыбулакского районов.

Остатки древних плавильных центров обнаружены горным инженером И.А. Могилевским в обрыве р. Каркаралинки на площади поселения Каркаралы, в северо-западных окрестностях г. Каркаралинска. В обрыве р. Каркаралинки местным краеведом В.Е. Ясенецкой также выявлены остатки ряда плавильных печей. Крупными плавильными центрами эпохи бронзы были поселения Каркаралинск II, III (Суукбулак), IV, находившиеся в окрестностях современного г. Каркаралинска.

Основной сырьевой базой для каркаралинских металлургических поселений в древности были рудники с радиусом расположения 2–30 км и более. Месторождения в районе Главного Каркаралинского хребта имели полиметаллический характер и содержали медь, свинец, цинк, сурьму, серебро, золото, реже олово. Олово для сплава бронзы добывали

в рудниках, расположенных в горах Шайтанды, между Каркаралинскими и Баянаульскими горами.

В Баянаульском горнометаллургическом центре обнаружены следы производства в виде скопления шлаков около выработок Жосалы, Шакпактас, Ескижурт, Казанауз и Сарыадыр. Все, за исключением Жосалы, находятся у северного подножия Баянаульского хребта, вблизи Баянаула и оз. Жасыбай.

Огромные скопления шлаков установлены на местах плавки руды в горах Куу, в урочище Каиндышат, вблизи древних выработок Ушкатын, Кентобе, Акшоқы, на северных склонах горы Бакты, в поселениях эпохи бронзы Шортанды-Булак, Каркаралы III, Тагибай-Булак, в горах Темирши. Мест нахождения шлаков установлено значительно больше, чем плавильных печей. Образцы шлаков, как продукта плавки руды в древности, были собраны во многих местах Центрального Казахстана. Их коллекции хранятся в музеях Жезказгана, Караганды, Балхаша, Алматы.

Слитки металла – конечного продукта металлургического производства, из которого создавались предметы труда и обихода и который был предметом экспорта, в значительном количестве обнаружены в ряде плавильных центров. Так, их много найдено на площади поселения Каркаралы I, три слитка черной меди обнаружены жителем в огороде вблизи р. Каркаралинки. Один из слитков в форме эллипса имел размеры 25×22 см, вес 7,2 кг. В обрыве р. Каркаралинки краеведом В.Е. Ясенецкой обнаружен слиток бронзы весом 400 г. Слитки бронзы обнаружены на поселениях Атасу, Шортанды-Булак, Каркаралы III, на поселениях и в могильниках Жезказгана, на вы-

работках Саяка. В Саяке III в древней штольне на глубине 12 м обнаружены два массивных слитка – бронзовый весом около 1 кг и железный весом 0,5 кг.

О характере металлургического производства отчетливое представление дают не только форма и структура древних плавильных печей, но и орудия обработки металла, образцы которых в значительном количестве найдены при раскопках поселений древних рудокопов и металлургов, на древних выработках и в металлургических центрах, а также в других местах. Это тигли, льячки, формы для литья, многочисленные молоты из камня и рога, использовавшиеся для чеканки и холоднойковки металла. Льячки многообразны по форме, часто в виде черпака со сливным носиком и вертикальной ручкой, а также в виде круглой чаши с прямыми стенками.

Наиболее интересную группу орудий обработки металла составляют формы для литья бронзовых орудий и украшений, обнаруженных в ряде поселений древних металлургов Центрального Казахстана. Необычайно оригинальная каменная форма, не имеющая аналогов на всем пространстве Евразии, найдена на стоянке Караганда 19. Она представляет собой подквадратную плитку из диорита, на гладкой поверхности которой фиксируется выразительный контур четырехлопастного углубления для литья бронзовой накладки крестообразной формы, образец которой найден в группе Сангру I.

Каменные формы для литья бронзовых орудий и украшений обнаружены в культурных слоях поселений Жезказгана – Милыкудуке, Соркудуке и Айнаколе. Найдено около 20 матриц, большинство из

них в обломках. Характерно то, что все литейные формы Жезказгана изготовлены из мягкого девонского песчаника в виде круглых, квадратных и прямоугольных плиток с хорошим бортовым обрамлением и превосходной шлифовкой. На гладких поверхностях этих плиток четко видны негативные изображения различных типов орудий, из которых наибольший интерес представляют матрицы вислообушного топора и плоского кельта. Хорошо сохранились литейные формы из Жезказгана – матрицы для отлива шильев, наконечников копий.

Значительной серией представлены каменные матрицы, использовавшиеся в качестве основы для холодной обработки металла способом вдавливания и тиснения, в результате чего создавались элементы гофрировки и рифления, выпуклой и пунсонной орнаментации. Матрицы представляют собой каменные бруски круглого, овального или прямоугольного очертаний, на которых вырезаны круглые ямки, бороздки различных форм и углубления, представляющие собой негативные изображения различных геометрических узоров. С помощью этих матриц способом вдавливания и тиснения создавались элементы бронзовых украшений. Среди каменных матриц наблюдаются каменные штампы со сквозными отверстиями для холодной штамповки бронзовых блях конусообразной формы, такие бляхи обнаружены на поселениях Каркаралы I, Шортанды-Булак и в др. местах.

В культурном слое поселения Милыкудук найдена матрица в виде прямоугольного бруска с отбитым концом. По гладкой поверхности бруска проходят четыре неглубокие бороздки в виде параллельных

рифлений, соответствующих форме гофрированных узоров на золотых и бронзовых изделиях. Украшения с таким орнаментом – бронзовая обоймочка и булавка, обернутые тонким листом из золота обнаружены в оградах подгруппы Айшрак.

Всего в Сарыарке обнаружены остатки 80 древних плавильных печей, из которых 30 – в Жезказгане, 25 – в Каркаралинской степи, 10 – в бассейне р. Сарысу, 10 – в Улытау. Чаще встречаются круглые печи калбинского типа, обложенные каменными плитами, врытыми на ребро, диаметром до 5 м, высотой 1,2–1,3 м. Все плавильные печи сопровождаются присутствием шлаков, нередко кремневых и бронзовых орудий, обломков керамики, характерной для эпохи бронзы.

Древние плавильные центры с поселениями сосредоточены вблизи крупных месторождений руд, в огромном горнорудном регионе, к которому относятся Жезказган, долина р. Сарысу, Северное Прибалхашье, Каркаралинские и Баянаульские степи и Северо-Восточный Казахстан. Здесь сохранилось громадное количество древних рудных выработок на медь, олово, золото, свинец и другие металлы. Многочисленные древние выработки, большое число плавильных печей, а также обнаруженные здесь многочисленные предметы из металла свидетельствуют о грандиозных масштабах металлургической индустрии на территории Сарыарки в эпоху бронзы, в ряде случаев сопоставимых с современными. Бурный рост металлургии и домашних промыслов происходит в эпоху средней бронзы (атасуский этап) и поздней бронзы (бегазы-дандыбаевская эпоха) [Маргулан А.Х., 2008а; 2008б]. В этот период техника добычи руды и

выплавки металла достигли высокого уровня развития, а техника обработки металла приобрела свои многообразные формы, о чем свидетельствуют многочисленные находки. Столь значительный прогресс был связан с тем, что из среды скотоводческих племен выделяются специализированные группы людей, из которых одни совершенствовались в строительном деле при сооружении мегалитических памятников таких, как Бегазы, Аксу-Аюлы, Бугулы III и др., другие – в горном промысле и металлургии, третьи – в художественной обработке металла.

Полиметаллические руды, где медь находится в соединении с оловом, серебром, цинком, свинцом и другими металлами, явились основой получения бронзы и обусловили характер металлургического производства. Результаты спектрального анализа руды и шлаков, их сравнительный анализ отражает сложную палитру естественных примесей разных металлов к меди и дают возможность сделать выводы о том, что плавка руды из полиметаллических месторождений имела комплексный характер, если в руде доминировал один металл (одна основа), то плавка осуществлялась раздельным способом, т.е. конечным продуктом плавки был один металл. Благодаря включению в состав казахстанской бронзы различных металлов, изделия из нее чрезвычайно устойчивы к коррозии. Бронзовые орудия отличаются высоким качеством, прочностью и массивностью. Бронзовые украшения, найденные в большом количестве в могильниках и на древних поселениях, изготовлены из сплава меди с серебром, золотом, цинком, свинцом, висмутом, мышьяком, сурьмой. Их состояние позволяет нам весьма

высоко оценить мастерство древних металлургов, искусство литейщиков и мастеров обработки металла. В течение тысячелетий находясь в погребенном состоянии под землей и подвергаясь воздействию воды, предметы из бронзы хорошо сохранились.

Значительным результатом археологических исследований в Центральном Казахстане явилось установление следов появления плавки железа в этом регионе с развитой древней металлургией.

Следующий ряд конкретных данных свидетельствуют о начале плавки железа в Центральном Казахстане в доскифское время. Штуфы железной руды были обнаружены в 1839 г. в культурном слое при раскопках «каменной палаты древних жителей», в 3 км к югу от древних выработок Куу русским горнопромышленником С. Поповым.

Груды хорошо отсортированной железной руды и железный шлак впервые были обнаружены при раскопках поселения Каркаралы III. Культура поселения датируется по керамике началом I тыс. до н.э. и входит в круг памятников бегазы-дандыбаевской культуры.

Значительное количество железного шлака, груды хорошо отсортированной и промытой железной руды обнаружены в культурном слое жилищ № 14 и 21 при раскопках поселения древних металлургов Шортанды-Булак. Шлаки и куски промытой железной руды выявлены на дне мастерской возле плавильного очага.

В культурном слое жилища № 21 поселения Шортанды-Булак впервые обнаружены железные наконечники стрел, по форме совершенно сходные с бронзовыми прототипами из групп Айшрак, Ортау, Балакулбол-

ды и др. Железные шлаки и железные наконечники стрел находились рядом с керамикой эпохи поздней бронзы, характерной для бегазы-дандыбаевского времени.

При раскопках жилища № 1 поселения эпохи поздней бронзы Тагибай-Булак (Баянаульский р-н) в культурном слое был обнаружен железный крючок. Крупный обломок железной иглы с петельчатым ушком обнаружен в 1956 г. Г.Н. Щербой на поселении Самембет (Каркаралинский р-н).

О добыче железной руды и ее плавке в эпоху поздней бронзы свидетельствует ряд древних рудников в Центральном Казахстане, где добывались железные руды: это выработки Восточно-Каркаралинского района Кентобе, Кенказган, Карашоки, Карашошак, Карсы, Жалпак, расположенные в горах Балабуркитты, Бакты и Мыржык. По результатам лабораторных исследований, отсортированная железная руда, найденная на дне мастерской поселения Каркаралы III, по составу совпадает с рудой из древнего рудника Кентобе, расположенного в 50 км на восток от поселения.

Места добычи железа в древности находились в урочище Абиш (рудник Кенказган) в 5 км к северо-востоку от Кентобе, рудник Акшоки, расположенный на северной стороне горы Бакты, в 60 км на восток от Каркаралинска.

Места добычи железа в древности находились также в горах Темирши Восточно-Каркаралинского района, Кызыларай в группе Саяк, на западной стороне Каркаралинских гор магнетитовые группы разносов Кызылэспе, Акшагыл, выработки Конуспай, Арзыкул. В Баянаульском районе выработки месторождений железа

находятся возле пикета Шакшак, на Мырзашоки, Сарытобе и Ушкан. Значительная группа древних выработок на железо сосредоточена в горах Котыр-Кызылтау и Манатау. Это выработки Уста, Темир, Каратемир, Алабуга. Древние выработки железа имеются и в атасуской группе.

Куски железной руды и железные шлаки, железные наконечники стрел обнаружены в комплексе с керамикой, бронзовыми изделиями и орудиями горного дела, характерными исключительно для эпохи поздней бронзы и все вместе составляющими основу бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Находки железного шлака и предметов из железа в памятниках бегазы-дандыбаевского времени в корне меняют сложившиеся представления о начале появления железа. Материалы свидетельствуют о том, что начальный этап плавки железа в Центральном Казахстане должен быть отнесен к доскифскому времени (IX–VIII вв. до н.э.).

Выявление огромного количества древних рудных выработок и многочисленных плавильных центров – свидетельство того, что объем производства металла в эпоху бронзы был значительным. Грандиозные отвалы Жезказгана, Кенказгана, Алтынтобе, Саяка, выработок Каркаралы, Баянаула, Караганды и многих других свидетельствуют о том, что из недр Центрального Казахстана было извлечено огромное количество руды и выплавлены значительные объемы металла.

Геологов, исследовавших отвалы древних выработок Центрального Казахстана, постоянно занимал вопрос о количестве извлеченной руды. Он впервые был поднят русским инженером И.П. Шангиным в

1816 г., когда в течение пяти месяцев им были обследованы древние выработки, раскнутые по степному пространству от Кокчетавского уезда до Северного Прибалхашья. В советское время подсчетом количества извлеченной руды из выработок Центрального Казахстана занимались К.И. Сатпаев, В.А. Пазухин, Г.Н. Щерба и др. Г.Н. Щерба писал: «Размеры выработок указывают на то, что добыча руды в наиболее крупных разработках достигала сотен тысяч тонн, т.е. была значительной даже по современным масштабам» [цит. по: Маргулан, 2001]. По подсчетам Г.Н. Щербы на месторождениях Центрального Казахстана до начала промышленной разработки в XIX в. было добыто около 10 млн. тонн руды, из которой выплавлено 450 тыс. тонн меди. По подсчетам С. Болла, а затем К.И. Сатпаева в Жезказгане в древности было добыто свыше 1 млн. тонн руды, содержащей не менее 10 тыс. тонн меди.

Перед учеными встает вопрос, для каких целей древними жителями Сарыарки было извлечено столько руды? Объемы извлеченных руд и масштабы металлургического производства, во много раз превышавшие потребность в нем жителей Сарыарки, свидетельствуют о существовании в древности экспорта металла. Металл, прежде всего, шел на удовлетворение хозяйственных и культурных потребностей племен, производство орудий труда, предметов обихода, предметов вооружения, украшений. Памятники эпохи бронзы в Центральном и Северо-Восточном Казахстане содержат большое количество изделий из меди, бронзы, золота, серебра и других цветных металлов, которыми изобилует наша страна. Значительной частью металлургического производ-

ства в древности было изготовление предметов вооружения — доспехов, различных типов ножей, кинжалов, боевых топоров, втоков, бронзовых наконечников копий и наконечников стрел, значительное количество которых обнаружено на поселениях Атасу, Аксу-Аюлы, Бегазы, Беласар, Бугулы III, Былкылдак I–III, Мырзашоки, Ортау и др.

Основная масса памятников Сарыарки давно разграблена. Как свидетельствуют архивные документы, кладоискательство в казахских степях, как способ обогащения, достигло апогея в 1830-х гг., к этому времени относятся интенсивные поиски россыпного золота. К поиску подземных сокровищ подключились крупные российские чиновники, офицеры и купцы-горнопромышленники, проводились они под эгидой изыскания золотоносных руд. Кладоискательство, поиски россыпного золота совмещались с добычей и плавкой руд. В этом особенно преуспели купцы Поповы, Сорокины, Мясниковы. Найденные кладоискателями бронзовые предметы и предметы из других металлов расходились по частным коллекциям или шли на переплавку. Большая коллекция бронзовых предметов из Центрального Казахстана хранится в Эрмитаже. И все же даже в разграбленных памятниках эпохи бронзы, особенно атасуского и бегазы-дандыбаевского этапов и в наше время обнаруживается большое число бронзовых предметов в виде орудий труда, оружия, предметов обихода, множества украшений.

В памятниках эпохи ранней бронзы Центрального Казахстана обнаружены первые образцы медных орудий и украшений, в том числе короткие клиновидные ножи, весьма похожие на свои каменные прото-

типы. В памятниках ранней бронзы Центрального Казахстана находки бронзовых орудий редки. Там господствуют, прежде всего, украшения из меди с геометрическим орнаментом. Большое количество бронзовых орудий и украшений обнаружено в памятниках среднего и особенно позднего периода эпохи бронзы.

Судя по материалам раскопок Жезказгана и поселений Каркаралы, в эпоху ранней и средней бронзы древние рудокопы использовали еще каменные орудия – отбойники, кайла, клинья, кирки и др. Переход от каменных орудий к металлическим был совершен во второй половине средней бронзы, при переходе от андроновской к бегазы-дандыбаевской культуре. В это время появляются бронзовые массивные орудия: кельты, кирки, кайла, ломы (пешни), вислообушные и плоские топоры, серпы, тесла, молоты и др. Из бронзовых орудий, сделанных в мастерских Центрального Казахстана, наиболее крупными, мощными, явно изготовленными для людей богатырского телосложения, были массивные четырехгранные бронзовые кирки с двумя тупо заостренными рабочими концами длиной до 40–50 см. По сравнению с грубыми каменными кайлами и отбойниками, множество которых найдено в древнейших карьерах Жезказгана, появление в Центральном Казахстане мощного металлического орудия – бронзовой кирки было значительным прогрессом, поскольку это орудие в работе было гораздо производительнее, чем старые каменные кайла. Внушительный внешний вид орудия говорит о том, что применение его позволяло древним рудокопам значительно эффективнее разрушать верхнюю кору месторождений и измельчать рудные жилы.

В музеях Жезказгана, Караганды, Балхаша, Алматы и др. хранятся предметы эпохи бронзы, среди которых орудия труда, предметы вооружения – доспехи, различные типы ножей, кинжалов, боевых топоров, втоков, бронзовых наконечников копий и наконечников стрел, предметы домашнего обихода, украшения.

Заключение

Зарождение и развитие горного дела и металлургии в Сарыарке с древнейших времен было обусловлено уникальными месторождениями полиметаллических руд, сосредоточенными в Жезказгане, Северном Прибалхашье, Каркаралинской, Баянаульской и Карагандинской степях. Благодаря этим сокровищам, во II тыс. до н.э. Центральный Казахстан на Евразийском континенте стал центром металлургии, когда медь и золото получали не только для потребностей местного населения, но также для широкого межплеменного обмена и экспорта. Свидетельством этого являются многочисленные древние выработки, следы металлургического производства в древних поселениях Милыкудук, Айнаколь, Соркудук, Атасу, Улытау, Каркаралы, Шортанды-Булак и многих других, сохранившихся до наших дней. В культурных слоях поселений обнаружены поды сыродутных печей, горные орудия, шлаки, литейные формы, груды отсортированных руд, места обогащения и флотации, дошедшие до нас в виде остатков древних искусственных водоемов, плотин, запруд. При раскопках поселений и гробниц выявлено множество предметов из бронзы – орудий труда, предметов вооружения и бытового обихода, украшений.

На территории Центрального, Северо-Восточного и Восточного

Казахстана сохранилось множество древних выработок, отвалов, карьеров, забоев, шахт, штолен. Среди них выделяются рудные объекты – комплексы Жезказган, Каражал, группы рудников Северного Прибалхашья, Каркаралинской, Баянаульской, Карагандинской степей, Северной Бетпақдалы.

Культура эпохи бронзы в Сарыарке развивалась постепенно, на протяжении многих сотен лет. Ее истоки прослеживаются в позднем неолите. Эта культура достигает своего расцвета к концу II и в начале I тыс. до н.э. (XI–XII вв. до н.э.). Расцвет металлургии бронзы в эту эпоху был подготовлен всем предшествующим развитием.

Наши далекие пращуры прошли долгий путь в несколько тысячелетий накопления опыта добычи и плавки руды, прежде чем пришли к расцвету в эпоху поздней бронзы. В V–IV тыс. появились первые признаки интереса к самородной меди. При раскопках неолитических стоянок в Жезказгане и Караганде обнаружены куски различных минералов – малахита, азурита, халькопирита, самородной меди. Эти минералы составляют основу руд, добываемых в Жезказгане и в наше время. Домашние очаги неолитических племен Жезказгана были сложены из медистого песчаника, содержащего значительный процент окисленной медной руды. Перед глазами неолитического человека ежедневно разворачивался удивительный процесс, когда при сильном костровом огне плиты из руды плавилась и образовывали прозрачные натеки. Этот эмпирический опыт имел решающее значение для истории человечества, человеческой цивилизации, он открывал перспективу ее безграничного развития. На

протяжении нескольких тысячелетий человек накапливал опыт плавки медной руды сначала на костре, затем в небольших ямах, обмазанных глиной (Милыкудук). Следы плавки руды на костре в местах ее добычи установлены на р. Жезды, на месторождении Алтыншоқы, на вершинах гор Жангызтау и Кызыларай, на юго-западных склонах Саякского массива. На дне домашних очагов террасовых неолитических стоянок Жезказгана (Петрохолм, Кресто 21, 33) сохранились скопления золы, смешанной с мелкими медными шариками, а также сильно прокаленные камни с прозрачными натеками.

На раннем этапе объем добычи и плавки медной руды был незначительный, отвалы древнейших выработок малозаметны, сильно задернованы, следы сортировки руды, ее дробления, обогащения и промывки отсутствуют. Здесь встречаются обломки керамики, характерные для ранней бронзы. По хронологической шкале эти выработки можно отнести к периоду, охватывающему половину III и начало II тыс. до н.э.

Более интенсивный характер добычи руды и плавки металла отмечается в начале II тыс. до н.э. (конец ранней и начало средней бронзы). С этого времени на территории Сарыарки отмечается заметный прогресс в древнем горном деле, связанный с внедрением идеи дробления и мокрого обогащения медной руды. Эти новшества делают руду легкоплавкой, доступной для восстановительной циркуляции. Для измельчения руды сначала использовались каменные, позднее бронзовые рудодробильные орудия. Такие орудия часто встречаются в местах древних рудоразработок, в «сплесках», на поселениях древних горняков и металлургов.

Начиная со второй половины средней бронзы (XIV–XIII вв. до н.э.) племена, обитавшие в Сарыарке, стали осваивать полиметаллические месторождения, что явилось новым мощным импульсом в развитии металлургии.

Карьеры и отвалы выработок эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н.э.) отличаются многочисленностью и грандиозностью, что свидетельствует о большой интенсивности работ по добыче и плавке руды в это время, о невиданном масштабе работ. К классическим памятникам горного дела и металлургии этого времени относятся уникальные рудные выработки Кресто-Воздвиженский, Златоуст, Раймунд в Жезказгане, громадные массивы выработок и металлургические центры Саяк, Коунрад, Кенказган, Тесиктас, Шурук, Шакпактас, Аулие, Имантау и др.

Представленные факты в целом свидетельствуют о совершенно самостоятельном возникновении и развитии металлургии в Сарыарке, что было обусловлено многочисленными медными, оловянными, свинцово-серебряными и полиметаллическими месторождениями. В эту историческую эпоху вместе с горным делом и металлургией отмечается громадный скачок в строительном деле и архитектуре, о чем свидетельствуют оседлые поселения с жилищами, имевшими толстые стены, памятники монументальной каменной архитектуры Бегазы, Бугулы, Сангру и др. Предметы, обнаруженные в памятниках, свидетельствуют о достигнутых высотах совершенства в домашних ремеслах, керамическом искусстве, в искусстве обработки металла, кости и камня.

Несомненно, Сарыарка, как центр древней цивилизации, имела

решающее значение для развития соседних регионов. В эпоху бронзы устанавливаются торговые и культурные связи между западными и восточными регионами Евразии. При этом ведущая роль в торговом обмене принадлежала казахстанскому металлу – меди, олову, бронзе, золоту.

Добычей и плавкой руд занимались большие группы людей, владевшие специальными знаниями и навыками в горном деле и металлургии. Иначе как можно объяснить огромный масштаб работ, сделанных в древности, многочисленные выработки, отвалы, «сплески», места обогащения и плавки руд? Распространение рудных выработок на огромной территории Сарыарки вплоть до самого центра пустыни Бетпакдала было обусловлено культурно-экономическим подъемом племенной организации. Этому способствовали горный промысел и металлургия, достигшие масштабных форм производства и ставшие ведущими отраслями хозяйства.

На высшем этапе развития бронзовой культуры на территории Сарыарки (X–VIII вв. до н.э.) наблюдается специализация труда и в других сферах деятельности человека – строительном деле, керамическом и ювелирном искусстве. Бурные социально-экономические процессы, охватившие данную эпоху связаны с ростом численности населения и ростом поголовья скота, что делает невозможным обитание человека в одном месте, в условиях обжитой родовой территории и устаревшего пастушеского скотоводства. Возникает необходимость в освоении новых территорий, расширении пастбищных угодий, передвижении племен с юга и юго-запад на север через пустыню Бетпакдала, что, в

свою очередь, стимулирует освоение месторождений и добычу руды в Бетпақдале. Вследствие этих процессов древние выработки широкой полосой идут по всему Центральному и Северо-Восточному Казахстану, тянутся по степям от Кокчетавских гор до пустыни Бетпақдала, от Майкаина до Северного Прибалхашья.

Открытие металла явилось революционным событием в истории человечества. Для зарождения и развития в Сарыарке горного дела и металлургии в древности были уникальные богатства недр, отсутствующие в иных местах земного шара. Это месторождения медных, оловянных и полиметаллических руд, сконцентрированные в южных широтах Центрального Казахстана и в северо-восточной части Сарыарки. Основные узлы древних выработок на медь были сосредоточены в Жезказгане, в Каркаралинской и Баянаульской степях, в Северном Прибалхашье, где добывались медь, олово и другие металлы. Это те места, где появился первый металл (медь), где впервые сформировалась древнейшая бронзовая культура.

В статье «Семь граней Великой степи» Первый Президент РК Н.А. Назарбаев поднимает вопрос о появлении на нашей земле до новой эры технологических новаций, что позволяет позитивно рассматривать нашу национальную историю [Назарбаев, 2018]. Задолго до указанной статьи была написана и издана монография «Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы», где А.Х. Маргулан на основе фактического материала приходит к выводу, что горное дело и металлургия наряду со скотоводством и земледелием были древнейшими видами хозяйственной деятельности протоказахских пле-

мен. В результате крупных объемов выплавленной меди в те далекие времена появилась меновая стоимость и экспорт меди. О масштабах этой формы деятельности говорит факт экспорта меди по караванным путям в древний Рим, Китай и другие страны.

Возвращаясь к теме статьи, необходимо остановиться на работе ученого «Древние казахские племена и образование Казахского ханства», где А.Х. Маргулан пишет о том, что на протяжении длительного исторического времени существовала тенденция к сближению древних протоказахских племен, что привело к образованию единого этноса. Образование в раннем средневековье Западно-Тюркского каганата было первым опытом и важнейшим этапом в истории объединения протоказахских племен, в значительной степени подготовившего последующую консолидацию племен и образование Казахского ханства. После распада каганата на основе древней военной тактики деления войск на мын (тысяча) и жуз (сто) формируется объединение «Үшжүз», в домонгольское время в результате усиления тенденции сближения племен появляется союз племен «алаш». Важнейшим этапом в процессе консолидации протоказахских племен было образование «Казахского ханства». В работе А.Х. Маргулана «Древние казахские племена и образование Казахского ханства» - первого государства в истории казахов описан памятник, имеющий для казахского народа огромное историческое значение. Как пишет ученый, во времена образования Казахского ханства на берегу р. Сарысу в Центральном Казахстане состоялся синклит, в котором приняли участие вожди крупных племен

трех жузов, и на скале Тамгалы-тас была высечена надпись на кыпчакском языке об объединении племен в единый казахский народ. Это место официального провозглашения казахского народа. В народе его называют «қазақтың ұран шақырып, қазақ біріккен жері». Одним из первых, кто открыл этот памятник, был К.И. Сатпаев. Его интересовала история этого памятника, и он посоветовал А.Х. Маргулану заняться ею. Результатом этого явилась монография «Древние казахские племена и образование Казахского ханства» [Маргулан, 2012]. Условием объединения племен в один народ и образование Казахского ханства явились общий язык и территория, кочевое скотоводство, составлявшее экономическую основу казахских племен, один уклад жизни, близкие обычаи и традиции, психофизические характеристики и

соответствующий им стереотип поведения обитателей Великой степи.

Общеизвестно, что в годы подготовки к юбилею Ч.Ч. Валиханова К.И. Сатпаев, знавший о том, что А.Х. Маргулан еще в студенческие и последующие годы занимался сбором материалов о Ч.Ч. Валиханове в ленинградских, московских и других архивах СССР, поручил Алькей Хакановичу возглавить группу ученых по подготовке к изданию трудов Ч.Ч. Валиханова. Группой чокановедов во главе с А.Х. Маргуланом были изданы «Избранные произведения» Ч.Ч. Валиханова в 1958 г. [Валиханов, 1958] и «Собрание сочинений» великого казахского ученого в пяти томах [Валиханов, 1961; 1962; 1964; 1968; 1972].

Таковы в общих чертах результаты сотрудничества К.И. Сатпаева и А.Х. Маргулана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. 641 с.
2. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 777 с.
3. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 2. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. 796 с.
4. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 3. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. 623 с.
5. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 4. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1968. 782 с.
6. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 5. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1972. 142 с.
7. Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14-ти томах. Т. 2. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джезказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук) / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 144 с. + вкл. 40 с.
8. Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14-ти томах. Т. 5. Алматы: «Алатау», 2008а.
9. Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14-ти томах. Т. 6. Алматы: «Алатау», 2008б. 494 с.
10. Маргулан А.Х. Собрание сочинений в 14-ти томах. Т. 13. Алматы, 2012.

11. Назарбаев Н.А. Семь граней Великой степи. URL: <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi> (дата обращения: 09.07.2019 г.).
12. Сәтпаев К.И. Избранные труды в 5-ти томах. Т. 1. Джекказганский медресен район. Алма-Ата: Наука, 1967. 280 с.
13. Сәтпаев К.И. Избранные труды в 5-ти томах. Т. 2. Полезные ископаемые Джекказган-Улутауского района. Алма-Ата: АН КазССР, 1968. 222 с.
14. Сәтпаев К.И. Избранные труды в 5-ти томах. Т. 5. Статьи, публицистика и материалы к биобиблиографии. Алма-Ата: АН КазССР, 1970. 326 с.

Сведения об авторе:

Марғұлан Дәнелъ Алякеевна – спецредактор 14-титомного «Собрания сочинений А.Х. Марғұлана» (г. Алматы, Казахстан); dmargulan@list.ru

Қ.И. СӘТПАЕВ ЖӘНЕ Ә.Х. МАРҒҰЛАН – ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ ТАРИХЫ

Д.Ә. Марғұлан

Биылғы жыл Қ.И. Сәтпаевқа 120 жыл және Ә.Х. Марғұланға 115 жыл толды. Қ.И. Сәтпаев пен Ә.Х. Марғұлан Павлодар облысының Баянауыл өлкесінде дүниеге келген. Екеуі де 1920-шы жылдары Семейдің педагогикалық техникумында оқыған. Кейіннен Қ.И. Сәтпаев оқуын Сібір технологиялық институтында (Том қ.), ал Ә.Х. Марғұлан Ленинград мемлекеттік университетінің шығыстану факультетінде жалғастырады. Том институтын бітіргеннен кейін Қаныш Имантайұлы Қарсақпайға жұмысқа жіберіледі де, онда 1928 жылдан 1941 жыл аралығында, яғни Алматыда КСРО Ғылым академиясының Қазақ филиалы ашылғанға дейін жұмыс істейді. Ә.Х. Марғұлан КСРО Ғылым академиясының шешімімен 1938 жылы Материалдық мәдениет тарихы институтынан (Ленинград) КСРО Ғылым академиясының Қазақ филиалының тарих секторына, содан соң 1946 ж. археология секторына жіберіледі. Осы кезден бастап ұзақ жылдар бойы Ә.Х. Марғұлан үздіксіз жетекшілік жасаған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының тарихы басталады.

Түйін сөздер: археология, Қ.И. Сәтпаев, Ә.Х. Марғұлан, КСРО Ғылым академиясының Қазақ филиалы, ынтымақтастық

K.I. SATPAYEV AND A.Kh. MARGULAN – COOPERATION HISTORY

D.A. Margulan

This year is the 120th birthday of K.I. Satpayev and 115th of A.Kh. Margulan. K.I. Satpayev and A.Kh. Margulan were born in Bayanaul. They studied in the 1920th in Semipalatinsk pedagogical technical school. Afterwards K.I. Satpayev continued training at the Siberian Institute of Technology (Tomsk), and A.Kh. Margulan – at the Leningrad State University at the faculty of oriental studies. After graduation of Tomsk institute Kanysh I. was directed to work to Karsakpay where he worked from 1928 to 1941 – before formation of Kazakh branch of the Academy of Sciences of the USSR in Alma-Ata. In 1938 by the decision of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR A.Kh. Margulan was sent from the Institute of history of material culture (Leningrad) to the sector of history of Kazakh branch of the Academy of Sciences of the USSR, then in 1946 – to the sector of archaeology. From this point begins the history of Central Kazakhstan archaeological expedition, whose permanent head for many years was A.Kh. Margulan.

Keywords: archaeology, K.I. Satpayev, A.Kh. Margulan, Kazakh branch of the Academy of Sciences of the USSR, cooperation.

REFERENCES

1. Valikhanov, Ch. Ch. 1958. *Izbrannyye proizvedeniya (Selected Works)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
2. Valikhanov, Ch. Ch. 1961. *Sobranie sochinenii v 5-ti tomah (Collected Works in 5 volumes)*, 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).

3. Valikhanov, Ch. Ch. 1962. *Sobranie sochinenii v 5-ti tomah (Collected Works in 5 volumes)*, 2. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
4. Valikhanov, Ch. Ch. 1964. *Sobranie sochinenii v 5-ti tomah (Collected Works in 5 volumes)*, 3. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
5. Valikhanov, Ch. Ch. 1968. *Sobranie sochinenii v 5-ti tomah (Collected Works in 5 volumes)*, 4. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
6. Valikhanov, Ch. Ch. 1972. *Sobranie sochinenii v 5-ti tomah (Collected Works in 5 volumes)*, 5. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
7. Margulan, A. Kh. 2001. *Sobranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*, 2. Almaty: “Dayk-Press” Publ. (in Russian).
8. Margulan, A. Kh. 2008a. *Sobranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*, 5. Almaty: “Alatau” Publ. (in Russian).
9. Margulan, A. Kh. 2008b. *Sobranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*, 6. Almaty: “Alatau” Publ. (in Russian).
10. Margulan, A. Kh. 2012. *Sobranie sochinenii v 14-ti tomah (Collected Works in 14 volumes)*, 13. Almaty (in Russian).
11. Nazarbayev, N.A. URL: <http://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi> (09.07.2019).
12. Satpayev, K. I. 1967. *Izbrannye trudy v 5-ti tomah (Selected Works in 5 volumes)*, 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
13. Satpayev, K. I. 1968. *Izbrannye trudy v 5-ti tomah (Selected Works in 5 volumes)*, 2. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
14. Satpayev, K. I. 1970. *Izbrannye trudy v 5-ti tomah (Selected Works in 5 volumes)*, 5. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).

About the Author:

Margulan Danel A. Special Editor of the “Collected Works of A.Kh. Margulan” in 14 volumes, Almaty, Kazakhstan; dmargulan@list.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 19.06.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 26.06.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 03.07.2019.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ПОДУШКИН – УЧЁНЫЙ, АРХЕОЛОГ, ЧЕЛОВЕК (к 90-летию со дня рождения)

© 2019 г. А.Н. Подушкин

В 2019 г. исполнилось 90 лет со дня рождения известного археолога Н.П. Подушкина. Творческий путь Николая Павловича начался в стенах КазПИ им. Абая. Первая полевая практика – участие в Южно-Казахстанской археологической экспедиции А.Н. Бернштама. Н.П. Подушкин работал в экспедициях А.Х. Маргулана в Центральном Казахстане, И.И. Копылова, Е.И. Агеевой, К.А. Акишева – в окрестностях Алматы, а также на юге и юго-востоке страны. В статье кратко изложены основные вехи творческого пути Н.П. Подушкина – от простого рабочего до начальника отряда и руководителя крупных археологических экспедиций. Второе призвание Н.П. Подушкина – педагогическая деятельность. В Чимкентском педагогическом институте, где он проработал с 1956 г., он вел такие ключевые курсы, как «Археология», «Историческое краеведение», «История древнего мира». Н.П. Подушкин – почетный гражданин г. Шымкента.

Ценность настоящей статьи заключается в том, что она снабжена редкими снимками, сделанными Н.П. Подушкиным на фотоаппарат «Зенит». Владению искусством фотографии Николая Павловича обучал в экспедициях А.Н. Бернштама известный в археологической науке специалист Л.И. Ремпель.

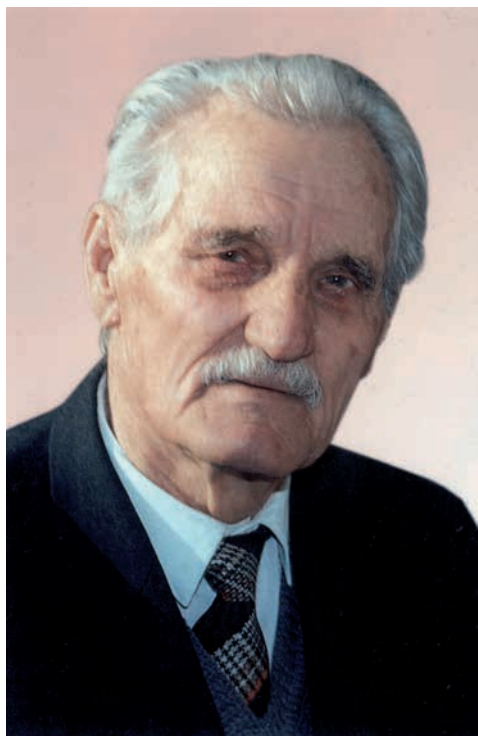
Ключевые слова: археология, Н.П. Подушкин, Южный Казахстан, КазПИ им. Абая, археолог, учитель-педагог, экспедиции

Николай Павлович Подушкин – известный ученый, археолог и педагог родился 1 января 1929 года в городе Талды-Курган, здесь же учился в средней школе им. Абая, которую окончил в 1948 г. По окончании школы Николай Павлович поступил на исторический факультет Казахского педагогического института имени Абая в городе Алма-Ата. Именно в стенах этого вуза молодой студент из глубинки приобщился к археологии. Вначале он был участником локальных экспедиций археологического отряда КазПИ под руководством Ивана Ивановича Копылова – педагога и исследователя, принимавшего активное участие в изучении памятников археологии округа Алма-Аты.

Но вскоре, причем уже по окончании первого курса, он оказался в

рядах полевой археологической экспедиции, которую тогда возглавлял один из основоположников археологической науки в Казахстане Александр Натанович Бернштам. Способствовал этому опять же Иван Иванович Копылов, который в тот период, будучи аспирантом, контактировал с Александром Натановичем в Ленинграде и, поскольку А.Н. Бернштам набирал людей в поисковую археологическую экспедицию по средней Сырдарье, он рекомендовал туда Николая Павловича.

Вот таким образом в составе Южно-Казахстанской археологической экспедиции Н.П. Подушкин начал свой длинный и плодотворный научный и практический путь в археологии Казахстана вначале в качестве простого рабочего, затем – начальни-

*Рис. 1. Николай Павлович Подушкин.
20.01.2004*

Fig. 1. Nikolay P. Podushkin. 20.01.2004

ка отряда и руководителя крупных археологических экспедиций.

Этапы этого пути отмечены следующим образом.

В 1949–1950 годах он был участником ЮКАЭ под руководством А.Н. Бернштама, которая обследовала регион на предмет первоначального изучения археологических объектов бассейна Сырдарьи (от впадения в эту реку р. Келес и до Отрарского оазиса включительно). Результатом стало выявление в этой зоне большого числа памятников городской культуры, часть которых подверглась топографической съемке, картографической фиксации, рекогносцировочным и стратиграфическим раскопкам (у Чардары – городище Актобе и могильник Узун-Ата, в Отрарском оазисе – городища Отрартобе, Кок-Мардан, Куйруктобе, Мардан-Куик, городище Алтынтобе и др.).

В полевых сезонах 1950–1951 годов Николай Павлович работал в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Алькея Хакановича Маргулана, которая исследовала памятники андроновской культуры эпохи бронзы. Были открыты и частично подвергнуты раскопкам могильники андроновской культуры по рекам Нура, Шерубай-Нура. Параллельно в 1950–1952 годы Н.П. Подушкин участвует в экспедициях ЮКАЭ под руководством А.Н. Бернштама, которая расширяет свои исследования в Южном Казахстане, включая объекты ранней городской культуры и погребальные памятники бассейна р. Арысь: проводятся рекогносцировочные и стационарные раскопки городища Жуантобе, вскрываются погребальные сооружения могильника Борижар.

В 1954–1955 годы в составе ЮКАЭ под руководством А.Н. Бернштама и Е.И. Агеевой Николай Павлович исследует городскую культуру Баба-Атинского оазиса (зона гор Каратау, Сузакский р-н ЮКО); здесь же он становится руководителем раскопок могильника эпохи бронзы Тау-Тары, а также работает в составе рекогносцировочного отряда, который вел раскопки шурфа на городище Кумкент.

Надо сказать, что участие в экспедициях конца 1940-х – начала 1950-х годов, где руководители и коллективы представляли собой исключительно интеллектуальное сообщество (чего стоят только имена А.Н. Бернштама, А.Х. Маргулана, Е.И. Агеевой, К.А. Акишева и др.), сформировали Николая Павловича не только как человека, но и профессионального ученого, который знания и навыки, приобретенные в полевых экспедициях, использовал на протяжении всей своей жизни. Например, уже тогда он научился фотографировать (и освоил все стадии получения

Рис. 2. ЮКАЭ-1949. Археологический лагерь на Сырдарье, ур. Каинда-Тогай. Крайний справа у палатки – И.И. Копылов

Fig. 2. SKAE-1949. Archaeological camp on the Syr Darya, mountain area Kainda-Togay. Rightmost at a tent – I.I. Kopylov

фотографий) и активно применял свое умение на практике, что для полевой археологии, где элемент фиксации всех циклов работ обязателен, немаловажно. Кажется, к этому искусству его приобщил известный ученый-искусствовед Лазарь Израилевич Ремпель, который был участником бернштамовских экспедиций.

Сложно сказать, каким образом у очень скромно одетого и малообеспеченного материально студента появился фотоаппарат (по тем временам вещь достаточно дорогая), но почти всегда Николай Павлович был со знаменитым в те годы пленочным «Зенитом», которым много фотографировал. В результате сейчас мы имеем почти бесценные черно-белые фотографии жизни, работы археологических экспедиций конца сороковых – начала пятидесятих годов XX века,

где фигурируют галереи личностей, стоящих у истоков казахстанской археологии, бытовые и рабочие моменты.

Свою поисковую археологическую деятельность Н.П. Подушкин успешно сочетал с научно-педагогической: в 1952–1955 годах он – аспирант по специальности «История» КазПИ им. Абая, а с 1953 г., по окончании института и соответствующего распределения, он начинает свою трудовую деятельность в качестве учителя истории средней образовательной

Рис. 3. ЮКАЭ-1949. Городище Кок-Мардан (Отрарский оазис). А.Н. Бернштам форсирует ров. Крайний справа – Н.П. Подушкин

Fig. 3. SKAE-1949. Ancient settlement Kok Mardan (Otrar oasis). A.N. Bernshtam crosses a ditch. Rightmost – N.P. Podushkin

школы № 8 им. Ленина (г. Шымкент; ныне колледж им. М.Х. Дулати). С 1956 г. Николай Павлович переходит работать в Чимкентский педагогический институт (ЧПИ), это образовательное учреждение на долгие годы станет местом приложения его педагогических и научных усилий: здесь в 1964 г. он основывает Археологический отряд ЧПИ, который успешно функционирует и поныне, являясь одним из немногих в Казахстане отрядов, более полувека ведущих исследования. Именно с полевой деятельностью этого отряда связана ключевая тематика научных интересов Н.П. Подушкина: он планомерно, на долгосрочной основе стал изучать оседло-земледельческие поселения верхнего и среднего течения реки Арысь.

Начались раскопки первых эталонных объектов арысской культуры Южного Казахстана (1964–1968 гг.: поселение Караултобе, Наймантобе; 1968–1970 гг.: городище Торткультобе и др.). Результатом этих усилий стала успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Ранние оседлые поселения долины Арыси (I–VIII вв.)» (Алма-Ата, 1970 г.; научный руководитель К.А. Акишев) [Подушкин Н.П., 1970а, 1970б].

Рис. 4. ЮКАЭ-1949–1953. Борижар.
Е.И. Агеева на раскопе склепа-науса.

Fig. 4. SKAE-1949–1953. Borijar.
E.I. Ageeva on the crypt-naus excavation

Параллельно Николай Павлович активно занимается научно-педагогической деятельностью: в Чимкентском педагогическом институте он ведет несколько ключевых курсов, в числе которых «Археология», «Историческое краеведение», «История древнего мира», самым тесным образом поддерживает связь

Рис. 5. ЮКАЭ-1950. Борижар. Археологический лагерь.
Человек с полотенцем – К.А. Акишев

Fig. 5. SKAE-1950. Borijar. Archaeological camp.
The person with a towel is K.A. Akishev

Рис. 6. ЮКАЭ-1950. Борижар. Раскопки науса.
В центре – Г.А. Кушаев

Fig. 6. SKAE-1950. Borijar. Excavation of a naus.
In the center – G.A. Kushayev

с другими образовательными, музейными и общественными учреждениями города («Детская туристическая станция им. Терешковой», «Южно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей», «Общество охраны памятников истории и культуры», средние школы города и области) [Подушкин Н.П., 1990; Подушкин Н.П., Подушкин А.Н., 2003].

Он часто встречается с учителями, школьниками, читает лекции на историко-культурную тематику, организовывает в стенах некоторых школ и учреждений краеведческие уголки и музеи (СПШ № 8; 5; детская туристическая станция). Аналогичный археологический центр-музей он создает в ЧПИ, и этот центр на многие годы становится своеобразной первоначаль-

ной «кузницей кадров» в сфере региональной археологии: здесь студенты получали представление о полевой, камеральной и кабинетной археологии, писали рефераты, дипломные работы на археологическую тематику.

Благодаря усилиям Николая Павловича и его научным связям многие из них вышли на республиканский и всесоюзный уровень. Например, начиная с 1968 г., студенты из Южного Казахстана впервые (а затем – на годы

вперед) становятся участниками Всесоюзной археологической студенческой конференции в Москве, а также – участниками многочисленных региональных археологических студенческих конференций (Алма-Ата, Ташкент, Ашхабад).

Многие выпускники исторического факультета ЧПИ (и нынешний директор Института археологии им. А.Х. Маргулана, д.и.н. Байтанаев Б.А.) посредством археологической

Рис. 7. ЮКАЭ-1950. Чардара. Сбор лагеря.
В кузове машины – Н.П. Подушкин, в кабине – Е.И. Агеева

Fig. 7. SKAE-1950. Chardara. Camp packing.
In the car body – N.P. Podushkin, in the cabin – E.I. Ageeva

практики оказались причастны к древней истории и в реалии соприкоснулись с полевой археологией; некоторые из них на определенный срок сделали археологию сферой применения своих профессиональных интересов, часть стала работать в учреждениях, так или иначе связанных с археологией и историей родного края. В их числе А.Н. Подушкин, А.А. Рустемов, А.Г. Донец, А.С. Мирзабаев, А.Н. Грищенко, П. Каратаев, А.А. Ержигитова и другие.

В 1970–1977 гг. как руководитель археологического отряда Чимкентского пединститута Н.П. Подушкин ведет раскопки цитадели городища Шымкент, затем – поселения Бургулюк, а также городища Отрартобе и Пшук-Мардан.

В 1978–1979 гг. Николай Павлович включается в охранные археологические работы регионального уровня, связанные со строительством в Южном Казахстане ирригационных сооружений. Осуществляются раскопки раннего поселения Актобе Чаянское, которое попадает в зону зато-

Рис. 8. ЮКАЭ-1950. Борижар, у с. Мамаевка. Раскопки катакомбы. В центре – Н.П. Подушкин

Fig. 8. SKAE-1950. Borijar, at the village of Mamayevka. Excavation of a catacomb. In the center – N.P. Podushkin

Рис. 9. ЮКАЭ-1950. Река Пскем у пос. Богустан (Бостандыкский р-н). Слева направо: Е.И. Агеева, А.Н. Бернштам, Г.И. Пацевич

Fig. 9. SKAE-1950. The Pskem River at the settlement of Bogustan (Bostandyk district). From left to right: E.I. Ageeva, A.N. Bernsham, G.I. Patsevich

пления Капчагайского водохранилища (Байдиевский р-н ЮКО) а также городища Майтобе и нескольких погребальных памятников кочевников позднего железного века, попавших в зону ирригационного освоения в Сузакском районе ЮКО.

Большая работа была проделана Н.П. Подушкиным в рамках проекта по паспортизации археологических объектов Южно-Казахстанской области: с 1984 по 1992 гг. вместе с А.Н. Подушкиным он руководил отрядом по

Рис. 10. ЮКАЭ-1950. Городище Кок-Мардан. Беседа. Слева – Н.П. Подушкин, в центре – Г.И. Пацевич

Fig. 10. SKAE-1950. Ancient settlement Kok Mardan. Conversation. At the left – N.P. Podushkin, in the center – G.I. Patsevich

выявлению, первоначальному обследованию, картографированию и сбору информации о памятниках археологии Южно-Казахстанской области, что впоследствии стало основой для издания «Свода памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Т. I» (Алма-Ата, 1994).

Николай Павлович Подушкин стоял у истоков исследования ранних земледельческих памятников бассейна Арыси и Средней Сырдарьи (городищ, поселений, погребальных сооружений), составивших источниковую базу арысской культуры Южного Казахстана IV в. до н.э. – IV в. н.э.

Педагогическая деятельность Н.П. Подушкина продолжилась и после выхода на пенсию: в 1998 году в должности доцента он покинул ЧПИ и стал работать профессором кафедры «История Казахстана» в университете «МИРАС» (г. Шымкент), в котором он преподавал до того момента, когда болезнь и почтенный возраст не стали серьезными препятствиями и по состоянию здоровья он вынужден был

прекратить работу (2010 г.).

Отдельное место в жизни Н.П. Подушкина занимала общественная деятельность. Он стоял у истоков создания «Славянского культурного Центра» в Южном Казахстане, несколько лет был его председателем. В девяностые годы такая работа требовала определенного мужества, так как не все правильно понимали консолидирующую роль национальных культурных центров в формировании толерантного интернационального общества современного Казахстана. И только через два десятилетия культурные национальные центры заняли свое достойное место в социуме нашего государства в рамках Большой и Малой Ассамблеи народов Казахстана как инструменты предсказуемой национальной политики.

Работал он и в ономастической комиссии Южно-Казахстанского областного акимата, на заседаниях ко-

Рис. 11. ЮКАЭ-1951. Городище Кок-Мардан (Отрарский оазис). В кадре: Н.П. Подушкин, за ним – Е.И. Агеева

Fig. 11. SKAE-1951. Ancient settlement Kok Mardan (Otrar oasis). In a shot: N.P. Podushkin, behind it – E.I. Ageeva

торой пытался научно обосновать и аргументировать необходимость сохранения истинно народных названий топонимов, гидронимов и оронимов без крена в беспредельный антропонимизм местечкового кланового происхождения.

Н.П. Подушкин как творческая личность знал и любил восточную поэзию, глубоко разбирался в истории, литературе и религии арабского мира. На столе у него часто можно было видеть томики стихов Омара Хайяма, горы литературы по исламу. Он никогда не был воинствующим атеистом (что ему часто приписывают), наоборот – популяризировал светское научное понимание великих монотеистических религий мира на уровне изучения истории появления, развития этих религий (в том числе

Рис. 12. ЮКАЭ-1951. Городище Кок-Мардан (Отрарский оазис). Холодный обед. В кадре: А.Н. Бернштам (полулёжа спиной); Е.И. Агеева (в платке, спиной); Л.И. Ремпель, А.М. Оразбаев, М. Морозов

Fig. 12. SKAE-1951. Ancient settlement Kok Mardan (Otrar oasis). Cold lunch. In a shot: A.N. Bernshtam (semi-lying back); E.I. Ageeva (wearing a scarf, back); L.I. Rempel, A.M. Orazbayev, M. Morozov

ислама), что нашло отражение в его последних публикациях. Совершенно естественно такая позиция кардинально расходилась с теологической точкой зрения и заканчивалась выраженным неприятием и «навешиванием ярлыков» вплоть до обвинения в экстремизме (!).

Самым тесным образом контактировал Николай Павлович с коллективом и администрацией Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. С момента переезда музея в новое здание Николай Павлович уделял много личного времени, выступая в роли консультанта

Рис. 13. ЦКАЭ-1951. Могильник андроновской культуры на р. Шерубай-Нура. Н.П. Подушкин – справа

Fig. 13. SKAE-1951. The burial ground of Andronov culture on the Sherubay-Nura River. N.P. Podushkin – on the right

по становлению экспозиции, формированию фондов музея – более того, большое количество артефактов, полученных в ходе археологических исследований, он передал музею. Здесь же он часто читал публичные лекции перед общественностью города, области и даже – проводил занятия, практику со студентами исторического факультета.

Между тем значительная часть коллекции из раскопок ранних поселений арысской культуры (поселения Караултобе, Торткультобе) хранится в Центральном Государственном музее Республики Казахстан (г. Алматы), а наиболее уникальные артефакты выставлены в основной экспозиции. Впоследствии по инициативе директора Центрального музея Республики Казахстан Нурсана Алимбая при этом учреждении был организован персональный фонд Николая Павловича и Александра Николаевича Подушкиных, который ежегодно пополняется новыми коллекциями и находками.

Николай Павлович по настоящему дружил с прессой, до конца своих дней он был внештатным корреспондентом областной общественно-политической газеты «Южный Казахстан», в которой публиковались за

Рис. 14. ЦКАЭ-1954. Городище Баба-Ата. В центре – Е.И. Агеева с дочерью Татьяной, рядом – Н.П. Подушкин

Fig. 14. SKAE-1954. Ancient settlement Baba-Ata. In the center – E.I. Ageeva with daughter Tatyana, nearby – N.P. Podushkin

многие годы огромное количество его статей, посвященных археологической, историко-культурной и охранной проблематике нашего края.

Его человеческие, профессиональные качества высоко ценили все крупные исследователи, стоявшие у истоков археологической и исторической школ Казахстана, как старшее поколение в лице А.Н. Бернштама, А.Х. Маргулана, Г.И. Пацевича, Е.И. Агеевой, К.А. Акишева, Г.А. Кушаева, А.М. Оразбаева, последующее в лице М.К. Кадырбаева, К.М. Байпакова, Л.Б. Ерзаковича, С.М. Ахинжанова, Б.Н. Нурмуханбетова, А.Г. Медоева, В.А. Грошева, А.Г. Максимовой, Б.Т. Туякбаевой, так и современное в лице З. Самаше-

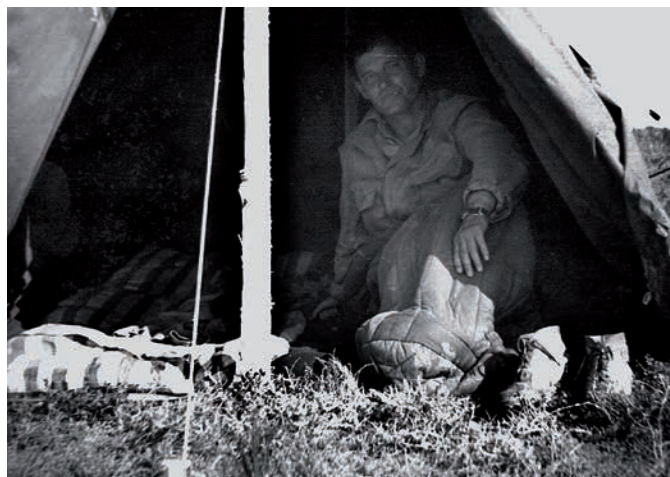

Рис. 15. Н.П. Подушкин, 1968. Торткультобе (Кумышка)

Fig. 15. N.P. Podushkin, 1968. Tortkultobe (Kumyshka)

Рис. 16. Оtrar, октябрь 1969. Слева направо: Н.П. Подушкин, второй и третий – члены экипажа, К.А. Акишев, К.М. Байпаков

Fig. 16. Otrar, October, 1969. From left to right: N.P. Podushkin, the second and third – crew members, K.A. Akishev, K.M. Baipakov

ва, В.Ф. Зайберта, А.Н. Марьяшева, М.К. Хабдулиной, Ф.П. Григорьева, Б.А. Байтанаева, М. Кожа, А.К. Акишева и других.

Знали Николая Павловича археологи и ученые ближнего и дальнего зарубежья: Л.И. Ремпель (Узбекистан), Л.М. Левина (Россия), Ф. Грене (Франция), Р.Х. Сулейманов (Узбекистан), Б.А. Раев (Россия). Со многими из казахстанских археологов Николая Павловича связывали не только профессиональные интересы, но и многолетняя дружба. Особенно это касается взаимоотношений с К.А. Акишевым, искренние и теплые отношения с которым поддерживались более полувека.

Н.П. Подушкин был прекрасным семьянином, ценности семьи для него всегда были основополагающими; не случайно поэтому он прожил счастливой семейной жизнью со своей супругой Раисой Игнатьевной более 60 лет. Очевидно, такая позитивная обстановка в семье предопределила еще одно качество – почти безмерное гостеприимство дома Подушкиных в Шымкенте.

Без преувеличения можно сказать, что с середины и в последние десятилетия прошлого века практически весь цвет казахстанской археологической науки побывал в скромной квартире Николая Павловича (количественный состав никогда не

Рис. 17. Пишук-Мардан, 1977. Слева направо: Л. Ерзакович, Б. Нурмуханбетов, Н. Подушкин, неизвестный

Fig. 17. Pshuk-Mardan, 1977. From left to right: L. Erzakovich, B. Nurmukhanbetov, N. Podushkin, unknown

имел значения): всегда всем хозяин и хозяйка находили уголок для отдыха, предлагали хороший стол-дастархан и создавали дружественную интеллектуальную атмосферу для позитивного общения. Не миновали этот гостеприимный дом и другие крупные казахстанские исследователи и общественные деятели: здесь были Нурбулат Масанов, Мурат Ауэзов.

Н.П. Подушкин был человеком своего времени, и как гражданин той эпохи он прошёл все ступени становления, расцвета и полного краха советско-коммунистического строя. Он искренне верил в идеалы марксистско-ленинской идеологии, был членом КПСС, и даже определенное время возглавлял партийную организацию факультета ЧПИ. На этот счет у него были свои принципы и твердые убеждения, которым он никогда не изменял – видимо, поэтому после развала Советского Союза в начале девяностых годов XX века он не рвал и публично не сжигал свой партийный билет, а также не выливал моря негатива и грязи на советско-социалистическое прошлое, как это делали и до сих пор делают некоторые «истинные партийцы», стоявшие у руля государства много лет и в одночасье потерявшие к нему интерес после того, как оно перестало обеспечивать их высокий достаток.

Будучи личностью сильной, он воспринял все произошедшее как историческую данность, хотя, как и миллионы советских людей с чистой совестью, сильно переживал. У него нашлись силы адаптироваться к новым условиям жизни, он продолжал интенсивно работать, несмотря на большие проблемы со здоровьем: после обширных инфарктов Николай Павлович дважды смотрел смерти в лицо, но судьба сохранила ему жизнь.

Что касается работы, то он действительно был работо-голиком, причем никогда не требовал в отношении себя каких-либо преференций: буду-

чи уже в почтенном возрасте, всегда аккуратно одетый, на работу он ходил пешком или ездил на городском транспорте; при этом практически никогда не опаздывал на лекции или общественные мероприятия. Насколько Николай Павлович любил свою работу, студентов, школьников и насколько ею дорожил свидетельствует такой факт: после наступления пенсионного возраста он три года (!) не оформлял документы на получение законной пенсии, считая, что он абсолютно работоспособный человек и пенсия ему просто не нужна. В наше время очень сложно представить, чтобы человек добровольно на достаточно длительный срок отказался от причитающейся ему пенсии, но этот реальный эпизод лишь подчеркивает полное отсутствие у Николая Павловича такого социально опасного явления как меркантилизм.

При всех положительных качествах Николай Павлович не был «легким» человеком – и в семье, и в обществе. Напротив, его внешний вид, сдержанная манера общения (он всегда, что называется, «держал дистанцию» и никогда не позволял собеседнику в отношении себя вольных формулировок или панибратства) создавали впечатление интеллектуальной сложной личности, не очень «удобной» и даже суровой.

Он имел свою точку зрения на все жизненные явления, которая зачастую расходилась с общепринятой, и практически не менял её, как и модель своего социального поведения: всегда держал слово, принятых стратегических решений также не менял, близко не подпускал к себе людей непорядочных, грязных на руку или хоть отдаленно причастных к коррупционным действиям. Видимо, поэтому сейчас фамилия «Подушкин» в студенческой и общественной среде нескольких поколений шымкентцев ассоциируется с подлинно чистой совестью, на которой нет никаких темных пятен.

Николай Павлович Подушкин как ученый-археолог является автором многих публикаций на археологическую, историко-культурную тематику, в их числе четыре монографии, он – Почетный гражданин города Шымкента, награжден государственными наградами.

Список основных трудов Н.П. Подушкина

Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алма-Ата: Энциклопедия, 1994. Т. I. 367 с. (в соавт. с К.М. Байпаковым, А.Н. Подушкиным и др.).

Очерки по истории и культуре Казахстана. Алматы: «Казакпарат», 2003. 380 с. (в соавт. с А.Н. Подушкиным).

История мировых религий. Алматы: «Арман-ПВ», 2012. 214 с. (в соавт. с А.Н. Подушкиным).

Религиоведение (факультативный курс). Учебная программа, 9 класс. Алматы: «Арман-ПВ», 2009. 20 с. (в соавт. с А.Н. Подушкиным).

Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 5. С. 71–75.

К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арысь (I–IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. С. 93–107.

Торткультобе – памятник оседлой культуры долины Арыси V–VIII вв. // Материалы научной конференции Чимкентского пединститута. Чимкент, 1970. 6 с.

Гончарные печи раннеземледельческих поселений долины Арыси (Южный Казахстан) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. С. 183–187.

О хозяйстве оседлого населения Арыси в I–IV вв. н.э. // В глубь веков. Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. С. 78–84.

Археологическая разведка в Чимкентской области // АО-1980. М.: Наука, 1981. С. 440.

Раскопки поселения-убежища в ущелье Бургулюк // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука КазССР, 1983. С. 177–181.

Памяти Кимая Акишевича Акишева // Мобилизованный археологией. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2004. С. 59–60.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения Арыси (I–VIII в.в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, 1970. 19 с.

2. Подушкин Н.П. Ранние оседлые поселения Арыси (I–VIII в.в.): дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, 1970. 183 с.

3. Подушкин Н.П. Археологические памятники Чимкентской области. Чимкент, 1990. 20 с.

4. Подушкин Н.П., Подушкин А.Н. Очерки по истории и культуре Казахстана. Алматы: «Казакпарат», 2003. 380 с.

Сведения об авторе:

Подушкин Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт (г. Шымкент, Казахстан); p_a_n_alex@mail.ru

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ПОДУШКИН –
ҒАЛЫМ, АРХЕОЛОГ, АДАМ
(туғанына 90 жылдығына орай)

А.Н. Подушкин

2019 ж. танымал археолог Н.П. Подушкиннің туылғанына 90 жыл толып отыр. Николай Павловичтің шығармашылық жолы Абай атындағы Қазақ педагогикалық институтының қабырғасында басталды. Алғашқы далалық тәжірибесі – А.Н. Бернштамның Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясына қатысуы. Н.П. Подушкин Ә.Х. Марғұланның Орталық Қазақстан, И.И. Копыловтің, Е.И. Агееваның, К.А. Ақышевтің – Алматы маңындағы, сондай-ақ еліміздің оңтүстік және оңтүстік-шығысындағы экспедицияларда жұмыс істеді. Мақалада Н.П. Подушкиннің шығармашылығының негізгі кезеңдері – қарапайым жұмысшыдан ірі археологиялық экспедиция жетекшілігіне дейінгі қызметтері қысқаша айтылған. Н.П. Подушкиннің екінші бейімділігі – педагогикалық қызмет. 1956 жылдан бастап жұмыс істеген Шымкент педагогикалық институтында «Археология», «Тарихи өлкетану», «Ежелгі дүние тарихы» секілді негізгі пәндерді жүргізді. Н.П. Подушкин – Шымкент қаласының құрметті азаматы.

Мақаланың басты құндылығы Н.П. Подушкиннің «Зенит» фотоаппаратымен өзі түсірген сирек суреттермен қамтамасыз етілуі болып отыр. Николай Павловичті суретке түсіруге үйреткен А.Н. Бернштам экспедициясында бірге болған археология ғылымындағы жақсы танымал маман Л.И. Ремпель болатын.

Түйін сөздер: археология, Н.П. Подушкин, Оңтүстік Қазақстан, Абай атындағы Қазақ пединституты, археолог, мұғалім-педагог, экспедициялар

NIKOLAY P. PODUSHKIN –
SCIENTIST, ARCHEOLOGIST, PERSON
(to the 90th anniversary since birth)

A.N. Podushkin

In 2019 were 90 years since birth of a known archeologist N.P. Podushkin. Career of Nikolay P. began in the Kazakh teacher's college of Abay. The first field practice was a participation in the Southern Kazakhstan archaeological expedition of A.N. Bernshtam. N.P. Podushkin worked in A.Kh. Margulan's expeditions in Central Kazakhstan, I.I. Kopylov's, E.I. Ageeva's, K.A. Akishev's – in the neighborhood of Alma-Ata and also at the south and southeast of the country. In the article are briefly stated main milestones of career of N.P. Podushkin – from the ordinary worker to the chief of group and head of large archaeological expeditions. The second aptitude of N.P. Podushkin was pedagogical activity. At Chimkent pedagogical institute, where he worked since 1956, he taught such key courses as "Archaeology", "Historical study of local lore" and "Ancient history". N.P. Podushkin is an honourable citizen of Shymkent.

Value of the present article is that it is supplied with rare photos made by N.P. Podushkin with Zenit camera. Nikolay P. was trained art of photography in A.N. Bernshtam's expeditions by L.I. Rempel, a famous specialist in archaeology.

Keywords: archaeology, N.P. Podushkin, Southern Kazakhstan, Abay Kazakh pedagogical institute, archaeologist, teacher-mentor, expeditions

REFERENCES

1. Podushkin, N. P. 1970a. *Rannie osedlye poseleniya Arysi (I–VIII v.v.) (Early settled settlements of Arys (I–VIII centuries))*: thesis dis. Candidate of historical sciences. Alma-Ata: Ch.Ch. Valihanov History, Archeology and Ethnography Institute (in Russian).

2. Podushkin, N. P. 1970b. *Rannie osedlye poseleniya Arysi (I–VIII v.v.) (Early settled settlements of Arys (I–VIII centuries))*: Dissertation Candidate of historical sciences. Alma-Ata: Ch.Ch. Valihanov History, Archeology and Ethnography Institute (in Russian).

3. Podushkin, N. P. 1990. *Arheologicheskie pamyatniki Chimkentskoy oblasti (Archaeological monuments of the Chimkent region)*. Chimkent (in Russian).

4. Podushkin, N. P., Podushkin, A. N. 2003. *Ocherki po istorii i kulture Kazakhstana (Essays on the history and culture of Kazakhstan)*. Almaty: “Kazakparat” Publ. (in Russian).

About the Author:

Podushkin Alexander N. Doctor of Historical Sciences, Professor, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent, Kazakhstan; p_a_n_alex@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 16.05.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.05.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.05.2019.

АХИНЖАНОВ СЕРЖАН МУСАТАЕВИЧ: к 80-летию со дня рождения

© 2019 г. Т.В. Савельева

Сержан Мусатаевич Ахинжанов родился в 1939 г. в г. Алма-Ате. После окончания средней школы в 1957 г. поступил в Казахский государственный университет им. С.М. Кирова на исторический факультет, со второго курса он был переведен в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова на кафедру археологии. В 1964 г. Сержан Мусатаевич с отличием окончил исторический факультет Университета по специальности «археология». Наставником по специальности и руководителем дипломной работы был известный ученый Л.Р. Кызласов.

С.М. Ахинжанов продолжил обучение, поступив в аспирантуру при Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР. В 1968 г., после окончания аспирантуры, молодой ученый был оставлен в ИИАЭ АН КазССР для работы в отделе средневековой истории. В 1969 году С.М. Ахинжанов был переведен в отдел археологии, где принимал активное участие в исследовании городища Отрар. В 1973 г. С.М. Ахинжанов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Кипчаки и их политическое взаимоотношение с Хорезмом в XI–XIII вв.». С 1984 г. Сержан Мусатаевич стал заведовать лабораторией археологической технологии.

Ключевые слова: археология, С.М. Ахинжанов, кипчаки

В течение многих лет Сержан Мусатаевич возглавлял один из отрядов Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, проводил раскопки на городище Отрар. С 1982 по 1986 гг. руководил работами Шульбинской археологической экспедиции в Восточном Казахстане. С 1982 по 1991 гг. был начальником одной из крупных археологических экспедиций - Центрально-Казахстанской.

В 1989 г. вышла его монография «Кипчаки в истории средневекового Казахстана», которая принесла автору широкую известность в кругах на-

учной общественности – археологов, историков, востоковедов СССР и за рубежом. Книга стала значительным событием в исследовании кипчаков – народа, сыгравшего важную роль в политической, экономической и культурной жизни Евразии.

Велика была роль кипчаков в этногенезе казахов и других тюркских народов: из среды кипчаков вышли представители правящих династий Мамлюкского Египта; представители кипчаков в XIII в. возглавляли Делийский султанат; кипчаки принимали активное участие в жизни Хорезма и Руси, из кипчаков форми-

ровались крупные контингенты войск в Грузии, Венгрии, Хорезме. Важным событием их истории явилось создание в XII в. государства с центром в Сыгнаке. Кыпчакская проблема, таким образом, играет большую роль не только в жизни древних народов Казахстана и Средней Азии, но и в истории Восточной Европы.

Сержан Мусатаевич в своей монографии уделил большое место проблеме взаимодействия кыпчаков и Хорезма – части фундаментальной проблемы взаимодействия города и степи, земледелия и скотоводства. Он одним из первых поставил вопрос о так называемой степной цивилизации, дефиниция которой стала предметом дискуссий в науке особенно в последние годы. Талантливая многоплановая книга С.М. Ахинжанова опередила время и поэтому остается остро востребованной и сейчас, о чем свидетельствует факт ее нескольких переизданий – для научных работ случай достаточно редкий.

История кыпчаков средневекового Казахстана изучена неравномерно, хотя благодаря работам советских исследователей (историков, археологов, лингвистов, этнографов), многие вопросы в настоящее время получили объяснение в научной литературе. Большой вклад внесли в это дело А.Х. Маргулан, А.Н. Кононов, Л.П. Потапов, Н.А. Баскаков, С.Г. Агаджанов, Л.Р. Кызласов, Г.А. Федоров-Давыдов, С.А. Плетнева, Р.Г. Кузеев, Ю.А. Зуев, С.Г. Кляшторный, Б.Е. Кумекон, Ф.Х. Арсланова, Д.Г. Савинов, К.Ш. Шаниязов.

Наиболее исследованными можно считать вопросы, связанные с пребыванием кыпчаков в южнорусских степях в предмонгольское время, где они были известны окружающим их народам под именем половцев, их

взаимоотношениями на протяжении более чем двухсотлетней истории с Древней Русью.

Прослежено время пребывания кыпчаков в составе государства кимаков, сложившегося к концу I тыс. н.э. в восточных пределах Казахстана. Большой интерес представляют процессы взаимодействия и взаимовлияния языков славянских и тюркских, в частности, кыпчакских племен и народов, находившихся в тесном общении в начале II тыс. н.э., на анализе тюркских лексических элементов «Слова о полку Игореве» – выдающегося памятника древнерусской литературы.

И все же следует отметить, что многие вопросы исторического прошлого кыпчакских племен, населявших основную территорию Казахстана, остаются еще не до конца раскрытыми. До сих пор неясно их происхождение, их взаимоотношения с племенами кимаков, а также с другими этносами, с которыми им приходилось сталкиваться, и государственными образованиями. Они, конечно, не могли не оставить заметного следа в общественной жизни и деятельности как кыпчакских племен, так и окружавших их народов и государственных образований, таких как Хорезм.

В своей монографии С.М. Ахинжанов показал как велика роль кыпчаков в сложении казахской народности, ибо они являются одним из крупнейших компонентов в этногенезе казахов, а также сыграли важную роль в этногенезе других тюркоязычных народов. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что даже для периода их ранней этнической истории имеются известия об их пребывании в более или менее разнящихся этнических

коллективах (например, на Алтае, в Монголии, в Хорезме и других местах), а также то, что кыпчаки в качестве существенных этнических компонентов входили в состав современных тюркоязычных народов: узбеков, каракалпаков, киргизов, башкиров, туркмен, алтайцев и др.

Другое обстоятельство заключается в том, что все письменные источники, ставшие достоянием науки, использовались по отношению к этому народу весьма неравномерно как в историко-политическом, так и в территориальном аспектах. Следует отметить, что исследователи в первую очередь обращали и в основном обращают внимание только на известия, которые могли бы пролить свет на историю западных кыпчаков, иначе именуемых в европейских хрониках команнами, а в русских летописях — половцами. Такие исследования, прежде всего, служили дополнением к написанию истории Древней Руси, Венгрии, Византии, тюркоязычных племен и народов Южной Сибири, причем, кыпчako-половецкий материал был лишь иллюстрацией к тому или иному историческому эпизоду из жизни указанных государств и народов.

В последние 20 лет интерес к проблеме кыпчаков в восточной части Евразийских степей резко повысился, о чем свидетельствуют работы археологов, историков, этнографов научных учреждений Казахстана и Южной Сибири, Санкт-Петербурга и Средней Азии.

Б.Е. Кумекон на основе тщательного источниковедческого анализа историко-географических сведений, содержащихся в средневековых арабo- и персоязычных сочинениях IX—XI вв., исследует историю кимаков — племени, которое на определенном

историческом отрезке времени имело теснейшие связи с кыпчакскими племенами настолько близкие, что почти все современные исследователи, включая и самого Б.Е. Кумекова, считают, что кимаки и кыпчаки — это один и тот же этнический коллектив. Автор «реконструирует» основные этапы сложения и развития кимакского союза племен с середины IX до середины XI в., по-новому представляет социально-экономический строй кимакского общества, этногеографию кимакского объединения. Эта весьма интересная работа, фундированная ценным материалом, является как бы основой для продолжения изучения кимако-кыпчакской истории в последующие века, а именно в XI—XIII вв.

В монографии «К этнической истории узбекского народа» К.Ш. Шаниязов исследует историю кыпчаков как одного из основных компонентов в сложении узбекского народа. Работа в основном построена на историко-этнографическом материале; автор изучает историю той части кыпчаков, которые вследствие бурных событий послемонгольского времени ушли из Дешт-и Кыпчака в Среднюю Азию, где постепенно переходили к оседлости, теряя свои родовые и племенные названия и сливаясь с местными земледельческими группами населения. В то же время вся первая глава книги К.Ш. Шаниязова посвящена описанию общей картины истории кыпчаков — с первых известий об их появлении на исторической арене вплоть до монгольского нашествия. В этой главе дана историография кыпчакского вопроса и все факты традиционной исторической жизни кыпчаков в том виде, в котором она сейчас зафиксирована в русско-советской исторической науке.

В последние годы появились исследования А.Ш. Кадырбаева, посвященные роли тюркоязычных народов, прежде всего кыпчаков, в этнической, культурной и политической жизни средневекового Китая.

Вопросам происхождения кыпчаков, степени и формы их участия в этногенезе многих тюркоязычных народов Южной и Западной Сибири посвящены работы Д.Г. Савинова, многие годы занимающегося изучением истории древних народов Южной Сибири в древнетюркскую эпоху по данным письменных источников и археологических изысканий. Д.Г. Савинов считает, что южные районы Западной Сибири были одной из основных областей кыпчакского этногенеза на всех этапах его развития.

Остальные немногочисленные исследования по истории кыпчаков, живших на территории Казахстана, предпринимались, как правило, в фрагментарном, справочном виде. В данном случае активом для любого исследователя кыпчакской проблемы могут быть имеющиеся переводы из различного круга источников, в основном восточных, и комментарии к ним, а также небольшие по объему исследования, выполненные учеными разных поколений, среди которых можно назвать имена В.В. Бартольда, В.Ф. Минорского, П. Пелльо, Д.А. Расовского, К. Цегледи, К. Менгеса и некоторых других.

О взаимоотношениях кыпчаков и Хорезма специальных работ нет вообще. Лишь в капитальном труде В.В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» затрагиваются некоторые стороны политических взаимоотношений хорезмшахов и кыпчаков. Они не могут, разумеется, воссоздать общей картины развития кыпчакского общества Казахста-

на на протяжении даже сравнительно большого хронологического периода, сколь бы ни была велика их ценность в решении того или иного конкретного вопроса. Поэтому в исторической литературе по этому периоду еще много нерешенных вопросов. Среди них одним из важных является проблема взаимоотношений кыпчаков с крупнейшим государством Средней Азии, каким стал Хорезм в начале II тыс. н.э.

Взаимоотношения Хорезма и племен Дешт-и Кыпчака являются частью кардинальной проблемы, играющей большую роль в изучении этнических процессов региона, где издревле устанавливались постоянные связи населения земледельческих оазисов со скотоводческим тюрко-язычным кочевым населением Дешт-и Кыпчака в предмонгольское время.

Следует отметить, об этом упоминал и С.М. Ахинжанов, что слабость источниковедческой базы и малоизученность исследуемой проблемы, к сожалению, не позволили рассмотреть все затронутые в монографии проблемы, многие из них только поставлены. Однако исследование в целом дает представление об основных этапах этнической и политической истории кыпчаков Казахстана в эпоху средневековья.

Между тем, научные поиски С.М. Ахинжанова, учителями которого были выдающиеся ученые Л.Р. Кызласов в МГУ и А.Х. Маргулан в годы аспирантуры в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, всегда отличались новизной подходов к проблемам археологии, тщательностью аргументов в доказательстве тех, либо иных, зачастую спорных, положений.

Еще студентом С.М. Ахинжанов увлекался проблемами неолита Северного Казахстана, а будучи уже известным кыпчаковедом, работал в Отраре, где вел раскопки разновременных памятников, в том числе и соотносимых с кангюями – предками кыпчаков.

Империя Кангюй – владение Кангу-Тарбан – Кыпчакское государство – Казахское ханство – свидетельство политогенеза Государственности на территории Казахстана, этногенеза казахов.

С 1990 г. Сержан Мусатаевич занял должность заместителя начальника экспедиции по составлению Свода памятников истории и культуры Казахстана.

В сфере его научных интересов было исследование Великого Шелкового пути, он изучал древние города на юге Казахстана и в Жетысу (Семиречье), участвовал в международных экспедициях, в том числе и экспедиции ЮНЕСКО «Степной путь» в 1991 г., выступал с яркими докладами на симпозиумах и конференциях по тематике диалога культур и цивилизаций на Шелковом пути.

Что бы ни делал С.М. Ахинжанов, все у него получалось талантливо, ярко, увлекательно. Его любили, ему подражали и не случайно «Ахинжановские чтения», которые ежегодно проводятся с 1993 года, привлекают внимание ученых разного возраста, пользуются популярностью.

Тематика чтений различна – это и вопросы изучения культур каменного века, исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа,

древних тюрок и урбанизации. Они собирают широкий круг участников из Казахстана, России, стран Средней Азии и дальнего зарубежья.

«Ахинжановские чтения» стали своеобразным полигоном для молодых исследователей, где они зачастую впервые приобретают опыт публичных выступлений, участия в научных дискуссиях [Заседание..., 1993; Акынжан, 2017; Байпаков, 2017]. Публикация материалов «Ахинжановских чтений» – это хорошая возможность молодым исследователям заявить о себе в науке. За прошедшие годы возмужали в научном отношении молодые исследователи, которые делали доклады и сообщения, участвовали в дискуссиях первых чтений, многие стали кандидатами наук, среди них есть и доктора наук. Главное – «Ахинжановские чтения» продолжают лучшие научные традиции казахстанской археологии, в развитии достижений которой принимал активное участие Сержан Мусатаевич Ахинжанов.

С.М. Ахинжанов – автор более 50 научных и научно-исследовательских работ по истории средневековья и археологии Казахстана. В том числе одной из ярких фундаментальных его работ является монография «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана», которая принесла автору широкую известность.

Умер Сержан Мусатаевич Ахинжанов в 1991 г., похоронен в г. Алматы.

Список основных трудов С.М. Ахинжанова

Автореферат:

Ахинжанов С.М. Кипчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом в XI - начале XIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1973.

Монографии:

Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 293 с.

Кипчаки в истории средневекового Казахстана / Под ред. К.М. Байпакова. Алматы: Ғылым, 1995. 296 с. 2-е изд.

Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Ғылым, 1999. 296 с. Изд. испр.

Главы в книгах:

Памятники эпохи бронзы. Белокаменка // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 34 (в соавт. с А.Г. Максимовой, А.С. Ермолаевой).

Памятники средневековых кочевников. Темир-Канка II // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 132–135 (в соавт. с Ю.И. Трифоновым).

Памятники средневековых кочевников. Белокаменка // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 141–143 (в соавт. с Ю.И. Трифоновым, А.С. Ермолаевой).

Памятники средневековых кочевников. Акчий III // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 168–176 (в соавт. с Ю.И. Трифоновым).

Этнокультурная принадлежность памятников средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 243–246.

Заключение // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 274–276.

Статьи:

О внешнем облике кипчаков-половцев // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВ АН. Май 1969 года. Л., 1969. С. 40–42.

Кипчаки и Хорезм в канун Монгольского нашествия // Вестник АН КазССР. 1970. № 1. С. 45–49.

К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. 1972. № 2. С. 64–69 (в соавт. с Л.Б. Ерзаковичем).

Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII - начале XIII века // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 59–70.

К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 49–59.

Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 81–93.

Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трёхрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 65–79.

Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46–53.

Этнонимы «кимак» и «кипчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С. 106–122.

Исследование каменной крепости в Каратау // АО–1982. М.: Наука, 1984. С. 150.

К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Прииртышья VIII–X вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. науч. конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 156–181 (в соавт. с Ю.И. Трифоновым).

Кимаки — уран-каи (Уранкаи) // ИККНАЯО. Тез. докл. XXIX сессии Постоянной междунар. алтаистической конф. М., 1986. Т. 1. С. 77–79.

Этногенетические процессы на территории Казахстана в конце I тыс. н.э. (кимак и кипчак) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. II. С. 106–117.

К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). Алматы: Ғылым, 1992. 218 с. (в соавт. с Т.Н. Нурумовым, Л.А. Макаровой).

Древние караванные пути кимак и кипчак // Историко-культурное наследие кимак и кипчак / Павлодар. гос. ун-т им. С. Торайгырова [сост. Н.Е. Кузембаев]. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 12.

К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Историко-культурное наследие кимак и кипчак / Павлодар. гос. ун-т им. С. Торайгырова [сост. Н.Е. Кузембаев]. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 13–18 (в соавт. с Л.Б. Ерзаковичем).

Из истории взаимоотношений кипчак и Хорезма в XII - начале XIII века // Историко-культурное наследие кимак и кипчак / Павлодар. гос. ун-т им. С. Торайгырова [сост. Н.Е. Кузембаев]. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 19–27.

Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Историко-культурное наследие кимак и кипчак / Павлодар. гос. ун-т им. С. Торайгырова [сост. Н.Е. Кузембаев]. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 28–37.

Этнонимы «кимчак» и «кипчак» // Историко-культурное наследие кимак и кипчак / Павлодар. гос. ун-т им. С. Торайгырова [сост. Н.Е. Кузембаев]. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 38–47.

Кипчак в X–XIII вв.: историографический обзор // Историко-культурное наследие кимак и кипчак / Павлодар. гос. ун-т им. С. Торайгырова [сост. Н.Е. Кузембаев]. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 48–57.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акынжан (Ахинжанова) Л. Археолог Сержан Ахинжанов. Имя на Шелковом пути // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 181–185.

2. Байпаков К.М. Сержан Ахинжанов – выдающийся археолог и востоковед Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 174–180.

3. Заседание Института археологии, посвященное памяти С.М. Ахинжанова // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 1993. № 5 (191). С. 92.

Сведения об авторе:

Савельева Тамара Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); tsavelieva@mail.ru

**АҚЫНЖАНОВ СЕРЖАН МҰСАТАЙҰЛЫ:
туғанына 80 жыл толуына орай**

Т.В. Савельева

Сержан Мұсатайұлы Ақынжанов 1939 жылы Алматы қаласында дүниеге келген. 1957 жылы орта мектепті бітіргеннен кейін С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің тарих факультетіне оқуға түседі де, екінші курстан соң М.В. Ломоносов атындағы Москва мемлекеттік университетінің археология кафедрасына ауыстырылады. 1964 ж. Сержан Мұсатайұлы университеттің тарих факультетін «археология» мамандығы бойынша үздік бітіреді. Мамандық бойынша тәлімгері және дипломдық жұмысының жетекшісі танымал ғалым Л.Р. Кызласов болды.

С.М. Ақынжанов Қазақ КСР ҒА Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының аспирантурасына түсіп, білім алуын одан әрі жалғастырады. 1968 ж. аспирантураны бітірген жас маман ҚазКСР ҒА ТАЭИ-ның ортағасырлар тарихы бөлімінде қалдырылады. 1969 ж. С.М. Ақынжанов археология бөліміне ауыстырылып, Отырар қаласын зерттеуге белсене араласады. 1973 ж. С.М. Ақынжанов «Қыпшақтар және олардың XI–XIII ғғ. Хорезммен саяси қарым-қатынасы» тақырыбындағы кандидаттық диссертациясын қорғайды. 1984 жылдан бастап Сержан Мұсатайұлы археологиялық технологиялар лабораториясының меңгерушісі болды.

Түйін сөздер: археология, С.М. Ақынжанов, қыпшақтар

**AKHINJANOV SERJAN M.:
to the 80th anniversary since birth**

T.V. Savelyeva

Serjan M. Akhinjanov was born in 1939 in Alma-Ata. After graduation of high school in 1957 he entered the Kazakh State University of S.M. Kirov to the department of history, from the second year he was transferred to Lomonosov Moscow State University to the department of archaeology. In 1964 Serjan M. graduated with honors from the department of history of the University majoring in “archaeology”. A famous scientist L.R. Kyzlasov was his mentor in the specialty and a head of the thesis.

S.M. Akhinjanov continued training, having entered the postgraduate study at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of history, archaeology and ethnography of the Academy of Science of Kazakh SSR. In 1968, after graduation from postgraduate study, a young scientist was left at the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Academy of Science of KazSSR to work in the department of medieval history. In 1969 S.M. Akhinjanov was transferred to the department of archaeology where he took active part in the research of ancient settlement Otrar. In 1973 S.M. Akhinjanov defended the master’s thesis on a subject: “Cumans and their political relationship with Khwarezm in the 11–13th centuries”. Since 1984 Serjan M. began to manage laboratory of archaeological technology.

Keywords: archaeology, S.M. Akhinjanov, cuman

REFERENCES

1. Akynzhan (Ahinzhanova), L. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and protection)*, 1. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 181–185 (in Russian).
2. Baipakov, K. M. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological heritage of Central Kazakhstan: study and protection)*, 1. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 174–180 (in Russian).
3. 1993. In *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. Nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)*, 5 (191), 92 (in Russian).

About the Author:

Savelyeva Tamara V. Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; tsavelieva@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 11.06.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.03.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 13.03.2019.

**«РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА»
(к 110-летию со дня рождения С.С. Черникова)**

© 2019 г. М.В. Бедельбаева

Статья посвящена жизни и научной деятельности С.С. Черникова (1909–1976) – известного археолога, исследователя древней истории Восточного Казахстана, 110-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. С 1947 по 1972 гг. он являлся бессменным руководителем Восточно-Казахстанской археологической экспедиции. Фундаментальные работы С.С. Черникова внесли существенный вклад в разработку хронологии памятников эпохи бронзы региона и определение общих контуров социально-экономической истории древних обществ. Крупным открытием и знаковым памятником, вошедшим в мировой фонд археологии, стали его раскопки известного «Золотого кургана» в Шиликтинской долине.

Ключевые слова: археология, С.С. Черников, Восточный Казахстан, эпоха бронзы, древняя металлургия, ранние кочевники, курган

*Рис. 1. Сергей Сергеевич Черников.
1960-е годы*

Fig. 1. Sergey S. Chernikov. 1960s

Дождливым октябрём 1976 г. в стенах обычной коммунальной ленинградской квартиры, где проживали пять семей, завершил свой жизненный путь учёный, археолог, доктор исторических наук, посвятивший свою жизнь изучению древней истории Восточного Казахстана и открывший знаменитых золотых «летающих оленей» долины Шиликты. Скромный человек, он покинул этот мир тихо без громких прощаний. Авторитетный научный журнал «Советская археология» не счел необходимым разместить на своих страницах некролог памяти ученого, как это полагалось в те годы. Его памяти, юбилейным датам не посвящали научных конференций ни тогда, ни в наше время, как это принято в отношении многих из тех блестящих археологов, с кем он работал вместе в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР.

Сергей Сергеевич Черников... Это имя с особым уважением произносят в Казахстане и на заседаниях научных форумов, и в студенческих аудиториях, и в полевых лагерях археологов. Учёный, который стоял у истоков создания Восточно-Казахстанской археологической экспедиции* [*ВКАЭ – прим. авт.] и являлся её бессменным руководителем, пока не перестало биться его сердце. Его находки и открытия были на слуху, его суждения вызывали споры, его лекции воспринимались студентами с неизменным интересом, а тексты его авторства в фундаментальных академических изданиях по истории древнего Казахстана, вышедших в 50–70-е гг. прошлого столетия, служили основой для формирования профессиональных компетенций специалистов-историков.

Имя С.С. Черникова стоит в одном ряду с именами А.Н. Бернштама, С.И. Руденко, М.П. Грязнова и других представителей ленинградской археологической школы, полевые и теоретические исследования которых внесли значительный вклад в развитие археологии Казахстана и подготовку национальных научных кадров. В г. Ленинграде – центре академической и вузовской науки – проводили свои первые научные изыскания основатели казахстанской археологической школы А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев.

С.С. Черников, в отличие от М.П. Грязнова и других ленинградских авторитетных специалистов, не осуществлял руководство диссертационными исследованиями казахстанских археологов, но, несомненно, оказал значительную помощь в их профессиональном становлении. Он выступил официальным оппонен-

том при защите К.А. Акишевым 4 декабря 1953 г. в Ленинграде первой в истории казахстанской археологии кандидатской диссертации. В рамках ВКАЭ под руководством С.С. Черникова приобретали первый опыт полевой экспедиционной деятельности М.К. Кадырбаев [будучи студентом Ленинградского госуниверситета – прим. авт.], А.М. Оразбаев и А.Г. Максимова [в качестве руководителей отрядов ВКАЭ – прим. авт.].

В Казахстане его знали многие и понятно почему весть о безвременной кончине учёного не оставила ученых равнодушными. В отличие от хранивших молчание центральных академических изданий СССР в журнале «Известия АН Казахской ССР» был опубликован некролог, написанный М.К. Кадырбаевым. Учёный отмечал, что монографии и научные статьи С.С. Черникова явились весомым вкладом в изучение древней истории степных племен Казахстана и выражал сожаление, что прервалась работа над главным трудом жизни ученого – «Очерки древней истории Восточного Казахстана» [Кадырбаев, 1976, с. 88–89].

Чувство потери осталось не только у коллег учёных, но и у многих, кто не связал свою жизнь с археологией, но прошёл через экспедиции вместе с С.С. Черниковым, прежде всего, у студентов и преподавателей Усть-Каменогорского педагогического института. Доктор исторических наук, профессор Н.В. Алексеенко позднее напишет в своих воспоминаниях: «Нет, далеко не все, кто работал с ним, стали учеными. Но все, кого судьба порадовала общением с этим человеком, на всю жизнь сохранили ощущение близости с ученым, гражданином, нашим Сергеем Сергеевичем» [Алексеенко, 2011, с. 83].

Думается, что это ощущение близости рождалось вследствие открытости С.С. Черникова как человека, его оптимизма и мужественного характера, который позволял преодолевать непростые жизненные испытания, среди которых были и опалённые войной годы. С.С. Черников ушёл на войну добровольцем в народное ополчение Ленинграда, хотя мог попытаться получить бронь и продолжать свои научные изыскания в эвакуации, тем более, что в предвоенные годы он сделал серьёзный задел для работы над диссертацией. Именно гражданская позиция учёного особенно впечатляла коллег. Поэтому мы сочли уместным вынести в заголовок биографического очерка о Сергее Сергеевиче слова известного археолога Л.Р. Кызласова, тоже фронтовика, который подчёркивал, что ВКАЭ была создана «...истинным рыцарем без страха и упрека, защитником Ленинграда в дни блокады, капитаном С.С. Черниковым» [Кызласов, 2017, с. 72].

Казалось, военная служба была с детства предопределена будущему учёному – он родился в 1909 году в г. Белгород в семье капитана 6-го Финляндского стрелкового полка императорской армии С.Ф. Черникова. Но его отец умер в 1911 г. и главную роль в воспитании будущего гражданина сыграла мама – учитель школы, вместе с которой Сергей Сергеевич переехал в г. Санкт-Петербург, ставший для него впоследствии главным городом жизни.

После окончания в 1926 г. 101-й средней школы С.С. Черников учился в Ленинградском университете на факультете языкознания и материальной культуры по египтологическому уклону. В 1930 г. он перевелся на музейно-краеведческое

отделение Ленинградского историко-лингвистического института, где получил специальность музейного работника по истории доклассового общества. Окончив обучение в институте, с 1932 г. молодой специалист работал инспектором научных учреждений в г. Новосибирск, а затем, вернувшись в Ленинград, служил научным сотрудником в Русском музее, преподавал историю в школе и Доме Красной Армии, был коллектором в экспедициях Центрального геологоразведочного института, с которым сотрудничал и во время учёбы в 1930–1931 гг. [Длужневская, 2011, с. 234–235].

Опыт работы в геологических экспедициях и историческое образование стали определяющими факторами, благодаря которым С.С. Черников в 1935 г. был принят на должность младшего научного сотрудника в Государственную академию истории материальной культуры [ГАИМК, с. 1937 г. Институт истории материальной культуры АН СССР – прим. авт.]. Так он окончательно связал свою жизнь с археологией. Учёный будет верен не только профессии, но и своему научному учреждению, где в дальнейшем проработает всю жизнь. Такая же последовательность и преданность будут отличать его и в выборе объекта научных исследований, каковым навсегда останется древняя история Восточного Казахстана.

В 1935 г. С.С. Черников впервые приехал в Казахстан в качестве начальника археологического отряда Казахской экспедиции ГАИМК под руководством А.А. Иессена, а в 1937–1938 гг. уже действовал в статусе руководителя всей экспедиции [Длужневская, 2011, с. 34]. Впрочем, должности начальника и руководителя тогда имели скорее официальный

статус, так как фактически С.С. Черников осуществлял археологическую разведку единолично, объезжая степь верхом на лошади и с благодарностью принимая гостеприимство жителей казахских аулов, ведь именно их поддержка очень помогала исследователю при весьма скромном финансировании работ [Алексеев, 2011, с. 81].

Перед экспедицией, организованной в интересах народного хозяйства ресурсами нескольких организаций – ГАИМК, Союзникельоворазведкой (трест «Калбаолово») и Главзолоторазведкой (Джеламбетская партия), ставилась задача изучения древних выработок на золото, олово и медь в Восточном Казахстане и Кокчетавской области Северного Казахстана. В ходе раскопок, проведённых С.С. Черниковым в районах Калбинского и Нарымского хребтов, были исследованы древние выработки и полученные результаты свидетельствовали, что в верховьях р. Иртыш в конце II – начале I тыс. до н.э. существовал один из крупных очагов древнего горного дела и первобытной металлургии.

Краткая информация о раскопках С.С. Черникова была опубликована в 1939 г. в рамках «Обзора полевых археологических исследований ИИМК Академии наук СССР в 1938 г.». Тогда же была издана первая научная статья С.С. Черникова – «Древняя добыча меди в верховьях Иртыша». Однако основные результаты работы он сможет обобщить и опубликовать только после войны, защитив в 1947 г. кандидатскую диссертацию и издав в 1949 г. в г. Алма-Ата свою первую монографию – «Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая». Первенство учёного в данной проблематике долгие

годы было неоспоримым и в 1967 г. К.А. Акишев особо отметит: «Работа С.С. Черникова до сих пор является одним из первых в СССР трудов, специально посвященных развитию металлургии и горного дела в древности» [Акишев, 1967, с. 65].

Испытания периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. капитан С.С. Черников – «рыцарь без страха и упрёка» – пройдёт с честью: его ратный путь отмечен 15-ю орденами и медалями, среди которых орден Красной Звезды и Отечественной Войны II степени, медали «За оборону Ленинграда» и «За взятие Берлина».

Командир дивизии, в которой служил С.С. Черников, генерал-майор артиллерии Д.И. Скоробогатов в своих мемуарах дал высокую оценку действиям учёного на фронте: «Надо сказать, что большинство офицеров химической службы кроме своих непосредственных обязанностей выполняли работу и не по специальности. Так, начальник химической службы нашей дивизии капитан С.С. Черников, ныне доктор исторических наук, сумел найти свое место среди офицеров оперативного отдела штаба дивизии. Это был почти бессменный оперативный дежурный, который мог в любой момент толково доложить обстановку на участке дивизии; он оформлял оперативную карту, а при передвижении штаба дивизии вел колонну штабных машин. Его часто можно было видеть и на наблюдательном пункте командира дивизии, где капитан помогал в организации и ведении разведки, в управлении огнем» [Скоробогатов, 1976].

Именно в годы войны в критических ситуациях особо ярко проявились организаторские способности С.С. Черникова, его инициативность,

решительность, ответственность и умение работать с людьми. Приведём в подтверждение наших слов выдержку из наградного листа к его первому ордену Красной Звезды: «При прорыве обороны противника в районе Долгая Нива – Пустой Конец левый берег реки Нарва 11.2.1944 г. 1426 легко-артиллерийский полк имел задачу в течение ночи занять огневые позиции прямой наводкой на 150–200 метров от переднего края. Получив задачу проконтролировать в отдельности каждое орудие и оказать помощь командирам подразделений в исполнении боевой задачи, капитан Черников, несмотря на трудности условия местности, сильный оружейно-пулеметный, артиллерийско–минометный огонь воодушевлял бойцов, организовывал их личным примером, помог командирам подразделения выполнить в срок боевую задачу...» [Наградной лист].

После демобилизации в 1946 г. С.С. Черников вернулся на работу в Ленинградское отделение ИИМК [с 1959 г. Ленинградское отделение Института археологии АН СССР – прим. авт.]. Сначала он занимался научными исследованиями в секторе бронзы и раннего железа, а с 1951 г. и до своей кончины – в секторе Средней Азии и Кавказа [Академическая археология, 2013, с. 394]. В 1947–1972 гг. он будет регулярно приезжать в Казахстан для проведения археологических исследований в качестве руководителя ВКАЭ.

Организационные способности и исследовательский опыт С.С. Черникова оказались особенно востребованы в Казахстане в первые послевоенные годы. В республике активно развивалась научная инфраструктура, была создана Академия

наук Казахской ССР, разворачивались широкомасштабные археологические исследования. Усилиями А.Х. Маргулана в 1946 г. был образован сектор археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова [далее ИИАЭ АН КазССР – прим. авт.], приступила к работе Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция. Летом 1947 г. С.С. Черников провёл первый послевоенный полевой сезон ВКАЭ. Вместе с тем, когда А.Х. Маргулан вынужден был на время отказаться от руководства сектором, ленинградский учёный с 1 декабря 1947 г. был назначен на должность заведующего сектором археологии по совместительству на полставки [Бейсенов и др., 2017, с. 34].

Выполняя функции руководителя сектора археологии, С.С. Черников уделял внимание не только работе ВКАЭ, но, в целом, организации археологических исследований в Казахстане, и опубликовал в 1950 г. в «Известиях АН Казахской ССР» статью «Основные проблемы археологического изучения Казахстана». В данной статье, проанализировав работу действовавших на тот момент четырёх археологических экспедиций, включая ВКАЭ, он сформулировал основные задачи дальнейших археологических исследований в Казахстане в свете изучения проблем палеолита и неолита, эпохи бронзы, племенных союзов ранних кочевников и варварских государств [Бейсенов и др., 2017, с. 43]. Системный поход к изучению культурно-исторического наследия Казахстана будет характерен для учёного и в дальнейшем. Так, выступая рецензентом первого в СССР уникального издания, каковым стала опубликованная в 1960 г. «Археологическая

карта Казахстана», С.С. Черников не ограничился рядом обоснованных замечаний по содержанию издания, но и изложил своё видение дальнейших задач археологической науки Казахской ССР. Среди них – разработка республиканского перспективного плана археологических работ, сплошное территориальное обследование республики и плановая работа пяти экспедиций (Западно-Казахстанской, Центрально-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Семиреченской и Южно-Казахстанской) [Черников, 1963, с. 317].

После того как 25 февраля 1950 г. А.Х. Маргулан вновь был утверждён в должности заведующего сектором, С.С. Черников получил возможность полностью сосредоточиться на организации работы ВКАЭ.

Экспедиция являлась совместным проектом ИИМК АН СССР и ИИАЭ АН КазССР. Также деятельность экспедиции финансировалась Казгидроэнергостроем, так как одной из главных задач являлось обследование зоны затопления Бухтарминской ГЭС [в долине р. Иртыш от устья Бухтармы до озера Зайсан – прим. авт.], а в 1955 г. – зоны затопления Шульбинской ГЭС [от Усть-Каменогорска до ст. Шульба – прим. авт.]. Работа экспедиции носила комплексный характер, ставя задачу максимально широкого охвата полевыми исследованиями памятников различных исторических периодов. На это была нацелена и организационная структура экспедиции, включавшая палеолитический, андроновский и ранне-кочевнический отряды [так они назывались в документации экспедиции – прим. авт.].

В целом, в 1947–1956 гг. участниками экспедиции под руководством С.С. Черникова была проделана

на огромная работа, к наиболее значимым результатам которой следует отнести раскопки палеолитической стоянки Пещера [самой древней на тот момент стоянки на территории Казахстана – прим. авт.], неолитического поселения у деревни Усть-Нарым, андроновских поселений у деревень Мало-Красноярка, Трушниково, аула Канай, могильников эпохи ранних кочевников в долине Шиликты, у озера Сарыколь, в районе сёл Кулажорга, Баты и других. Результативными были и археологические обследования, позволившие нанести на карту большое количество ранее не известных археологических объектов. Всего по данным С.С. Черникова с учётом довоенных экспедиций было зарегистрировано 3045 курганов, 33 пункта древних выработок, 21 пункт наскальных изображений, 6 пунктов находок палеолитических орудий (из них одна стоянка), 8 пунктов находок неолита (из них две стоянки) и 11 поселений андроновской культуры [Черников, 1960, с. 140].

Результаты работ ВКАЭ регулярно освещались С.С. Черниковым в научных статьях, но разносторонний характер полученных материалов мотивировал исследователя задуматься о воплощении идеи, реализацию которой он считал своим долгом – написание труда «Очерки древней истории Восточного Казахстана». Работа над книгой велась в плановом порядке в рамках проблематики исследований сектора Средней Азии и Кавказа ЛО ИИМК АН СССР [Гурина, 1958, с. 113].

В силу своих научных интересов учёный в первую очередь систематизировал и проанализировал материал, полученный на поселениях андроновской культуры. Немаловажным в определении приоритетов,

как мы полагаем, являлось взаимодействие с М.П. Грязновым, который возглавлял сектор. В конечном счёте, многолетний авторский труд увенчался изданием новой монографии С.С. Черникова «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» [Черников, 1960]. Во Введении автор указал, что рассматривает данную монографию как часть будущих «Очерков...» и в этом контексте публикация представлялась как запланированный шаг на намеченном пути, как один из очерков.

Вместе с тем, не исключено, что решение С.С. Черникова поторопиться с публикацией книги было мотивировано конкуренцией за научное первенство с А.Г. Максимовой, которая в составе ВКАЭ до 1954 г. руководила андроновским отрядом и выполнила основной объём работы, связанный с раскопками поселений эпохи бронзы. Надо отдать должное Анне Георгиевне и Сергею Сергеевичу – они не предавали публичной огласке случившийся между ними конфликт. Детали этой ситуации стали известны после публикации А.Е. Рогожинского, основанной на материалах из личного дела А.Г. Максимовой [Рогожинский, 2017, с. 146–148]. Ученик А.Г. Максимовой видит в данном конфликте, в первую очередь, вину С.С. Черникова, с чем трудно спорить, но вывод о том, что этот инцидент обнажил глубокие противоречия между «центром» и «периферией», представляется нам преувеличением. Суть случившегося была сугубо в конфликте научных интересов двух учёных, в ситуации, когда они разрабатывали в разных учреждениях (союзном и республиканском) похожие плановые темы на основе одних и тех же археологических материалов. С.С. Черников работал над плановой темой в ЛО

ИИМК АН СССР, а А.Г. Максимова в ИИАЭ АН КазССР была исполнителем плановой темы «История Восточного Казахстана в эпоху бронзы» и готовила к защите диссертацию по данной теме. Объектом исследования двух учёных являлись полевые материалы, многие из которых в ходе раскопок непосредственно получала А.Г. Максимова, но действуя в составе ВКАЭ, руководимой С.С. Черниковым. Понятно, что С.С. Черников использовал в полном объёме право руководителя ВКАЭ на работу с полученными материалами, что вызывало небезосновательные опасения у А.Г. Максимовой в том, удастся ли ей обеспечить научное первенство, без которого диссертация утратила бы свою актуальность. Своеобразной «страховкой» для исследовательницы явилось копирование без санкции руководителя экспедиции материалов, высылаемых в Ленинград, и «работа на опережение»: быстрое написание текста диссертации и его опубликование в «Трудах ИИАЭ АН КазССР» до выхода монографии С.С. Черникова [Максимова, 1959]. Однако защита диссертации А.Г. Максимовой состоялась только после издания С.С. Черниковым монографии. Эта «задержка» и тот факт, что С.С. Черников опубликовал в своей монографии сводную археологическую карту Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей, составленную А.Г. Максимовой, признав лишь причастность исследовательницы к работе над картой, а не её авторство, являются далеко не лучшими событиями в жизни учёного. Правда, насколько нам известно, это единственный случай такого рода в научной биографии С.С. Черникова, который, напротив, всегда помогал молодым исследователям.

Интересно, что в дальнейшем научном соревновании двух исследователей ближе к истине оказалась всё же А.Г. Максимова. Мы имеем в виду оценку в научном сообществе предложенных учёными по итогам работы ВКАЭ вариантов периодизаций андроновской культуры Восточного Казахстана. Большинство археологов признали правомерность выделения А.Г. Максимовой двух этапов – фedorовского и позднебронзового. В то же время С.С. Черников, приняв за основу предложенные С.В. Киселевым общие хронологические рамки андроновской культуры, выделил четыре этапа в её развитии: I – усть-буконьский; II – канайский (XVI–XII вв. до н.э.), III – малокрасноярский (XII–IX вв. до н.э.), IV – трушниковский (IX–VIII вв. до н.э.). Такая периодизация вызвала серьёзные возражения М.П. Грязнова, М.Н. Комаровой, В.С. Сорокина [Кузьмина, 2008, с. 72].

Особенно категоричен был в своих суждениях ленинградский учёный В.С. Сорокин, руководивший Западно-Казахстанской экспедицией. В своей рецензии он положительно оценил монографию С.С. Черникова только как источник информации о многолетних раскопках ВКАЭ, сделав вывод, что «...исследовательская её часть слаба, а оригинальные выводы автора не только не обогащают науку, но подчас дают неправильную ориентировку» [Сорокин, 1962, с. 130]. Однако, С.С. Черников и в ответе на рецензию В.С. Сорокина, и в дальнейших исследованиях будет настаивать на своей точке зрения.

Несмотря на дискуссионность выводов С.С. Черникова, его авторитет среди исследователей эпохи бронзы был высоким. В частности, именно он выступил с основным докладом

на Всесоюзном совещании по вопросам андроновской культуры в декабре 1964 г. в Ленинграде. В этом же году в рамках работы ВКАЭ им были продолжены полевые исследования объектов эпохи бронзы: в селе Предгорное близ г. Усть-Каменогорска раскопан андроновский могильник [Бентович, 1966, с. 138]. Вместе с тем, данное научное направление к этому времени уходит для учёного на второй план. Точка будет поставлена 29 мая 1970 г. на защите докторской диссертации С.С. Черникова «Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы», на которой официальными оппонентами выступили О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов и А.И. Тереножкин. Часть диссертации, посвящённая эпохе бронзы, представляла собой переработанный вариант ранее опубликованной монографии, где автор оставил без существенных изменений свои основные выводы по вопросам периодизации андроновской культуры Восточного Казахстана. Поэтому после выступления соискателя вновь разгорелась дискуссия о правомерности выделения усть-буконьского и других этапов, что, в целом, не повлияло на положительные итоги защиты и Учёный совет ИА АН СССР единогласно присудил С.С. Черникову учёную степень доктора исторических наук [Успехи среднеазиатской археологии, 1972, с. 61].

Докторской диссертацией С.С. Черников завершил и многолетние исследования неолитических памятников в Восточном Казахстане. Нельзя не отметить тот факт, что систематические исследования в данном направлении в Казахстане были начаты с 1950 г. палеолитическим отрядом ВКАЭ [руководители Э.Р. Рыгдылон, И.И. Гохман, И.М. Павлюченко – прим. авт.]. В ходе работ были

впервые раскопаны объекты палеолита и неолита на территории Казахстана, в том числе и неолитическое поселение у деревни Усть-Нарым. В 60–е годы XX века в ЛО АН СССР С.С. Черников был исполнителем ряда тем, связанных с анализом полученных ВКАЭ неолитических материалов. Так, в 1960–1962 гг. в рамках серии «Свод археологических источников» им велась работа над книгами «Неолитические памятники Казахстана» (совместно с А.А. Формозовым) и «Дюнные стоянки Казахстана (неолит и энеолит)» (по неизданным коллекциям таких памятников, как Семипалатинские дюны, Мало-Красноярка, Капрак-коль, Тургай). Данные книги не были подготовлены к публикации и С.С. Черников далее продолжил работу над темами «Карта неолитических памятников Казахстана» и «Поселение Усть-Нарым», которые, в конечном счёте, переросли в сводную работу по неолиту Казахстана, завершённую в 1968 г. [Бентович, 1970, с. 122]. К сожалению, свой труд «Неолит Казахстана» исследователь не опубликовал, но после защиты им докторской диссертации данная рукопись была введена в научный оборот. Её, в частности, использовала Л.А. Чалая, аспирантка Л.Р. Кызласова, при подготовке кандидатской диссертации на тему «Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана», а С.С. Черников выступил официальным оппонентом на защите диссертации [Чалая, 1971].

Занимаясь рутинной, повседневной работой в экспедициях, С.С. Черников, конечно же, как и каждый археолог, мечтал о ярких уникальных находках. Нельзя сказать, что изученные им артефакты периода неолита и эпохи бронзы не были важными и резонансными. Но

настоящая удача ждала учёного в третьем направлении исследований ВКАЭ – изучении памятников эпохи ранних кочевников. Результатом стали раскопки знаменитого Золотого кургана в долине Шиликты. Сейчас казахстанцев уже не удивить находками такого уровня, так как археологические раскопки К.А. Акишева, З. Самашева, А.Т. Толеубаева, А.З. Бейсенова значительно продвинули вперёд изучение сакской эпохи и открыли миру великолепные образцы богатого культурно-исторического наследия Великой Степи. Но на рубеже 50–60–х гг. прошлого столетия открытия С.С. Черникова были настоящей сенсацией.

Археологическую разведку в Шиликты С.С. Черников провёл ещё в 1949 г., в результате чего в центре долины был обнаружен могильник из 57 курганов, а в других местах долины ещё четыре могильника. В этом же году при раскопках кургана № 7 был найден ряд изделий из золота, выполненных в характерном зверином стиле. Однако, наиболее сенсационные находки предметов раннесакской культуры были получены С.С. Черниковым в 1960 г. в ходе раскопок кургана № 5, относящегося по своим размерам к «царским» элитным курганам, который будет впоследствии назван «золотым» в силу значительного количества обнаруженных изделий древних мастеров, изготовленных из листового золота. Среди находок были и украшавшие колчан для стрел искусно выполненные золотые нашивные бляшки в виде «летающих оленей» – так назвал позу изображённых животных С.С. Черников [Черников, 1965, с. 31]. Уникальные находки были переданы на хранение в ГосЭрмитаж, где находятся и в настоящее время.

В 1971–1972 гг. в Шиликты силами ВКАЭ будут проведены раскопки курганов № 35, 2-а, 10, однако, таких ярких результатов, какие принёс полевой сезон 1960 г., больше получить не удастся. В последующем финансирование раскопок ВКАЭ на союзном уровне будет прекращено и исследования памятников долины Шиликты будут продолжены в 2003 г. археологической экспедицией КазНУ им. аль Фараби под руководством А.Т. Толеубаева.

Итоги раскопок 1960 г. и их научную интерпретацию С.С. Черников представил в изданной в 1965 г. научно-популярной книге «Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось “скифское искусство”». Проблема генезиса скифо-сарматского звериного стиля в искусстве была предметом научных дискуссий, в рамках которых сформировались три гипотезы о месте происхождения данного стиля – центральноазиатская, переднеазиатская и полицентрическая. Находки С.С. Черникова усилили позиции сторонников центральноазиатской гипотезы. Как отмечал К.А. Акишев, золото Шиликты «...послужило причиной возрождения, но уже в новом варианте, старой

геродотовской версии о приходе скифов с востока» [Акишев, 1967, с. 71]. С.С. Черников поддержал гипотезу А.Н. Бернштама, согласно которой саки Средней Азии и Казахстана были прямыми потомками племен поздней бронзы, обитавших на этой территории. Развивая идеи, изложенные в своей книге, С.С. Черников, выступил на Третьей конференции по скифо-сибирской археологии [Москва, декабрь 1972 г. – прим. авт.] и обосновал вывод о местных корнях происхождения «звериного стиля», возводя его к неолитической эпохе [Скифо-сибирский звериный стиль, 1972, с. 6].

В конце 60–первой половине 70–х гг. прошлого столетия основной научной темой для С.С. Черникова становится исследование процессов классообразования и политогенеза у ранних кочевников. Эта тема разрабатывалась им в рамках пятилетнего плана ЛОИА АН СССР (1971–1975 гг.), согласно которому научным направлением работы отделения являлось исследование исторических форм и особенностей развития и смены общественно-экономических формаций [Хлобыстина, 1976, с. 126–127]. Помимо ряда публикаций в ма-

Рис. 2. На V совещании по проблемам археологии Средней Азии. 06.04.1968 г.

Fig. 2. At the 5 meeting on the problems of archaeology of Central Asia. 04/06/1968

териалах различных конференций и сборниках статей он активно представлял итоги своих исследований, выступая с докладами на заседаниях сектора Средней Азии и Кавказа ЛО ИА АН СССР: «Ранние кочевники Восточного Казахстана» (05.02.1971 г.), «Хронология памятников ранних кочевников Восточного Казахстана» (28.04.1972 г.), «Социальный строй ранних кочевников Восточного Казахстана и их политическая история» (12.01.1973 г.).

В отличие от М.П. Грязнова, который оставался одним из наиболее последовательных сторонников ограниченности социального развития ранних кочевников военно-демократическим уровнем, С.С. Черников выявлял процессы постепенной классовой дифференциации и возникновения государства у кочевников. Он выделял период «военной демократии» (VII–IV вв. до н.э.) и «время примитивной государственности в степях», начиная с позднескифского (IV–III вв. до н.э.) и, особенно, с хунно-сарматского периодов.

Завершая характеристику научных исследований С.С. Черникова, нельзя не отметить и его значительный вклад в развитие краеведения и музейного дела в Восточном Казахстане. Длительным и плодотворным было сотрудничество учёного с Усть-Каменогорским областным музеем [ныне Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей – прим. авт.]. С.С. Черников в своей монографии специально под-

Рис. 3. С.С. Черников с директором Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея Р.П. Столбовой. Усть-Нарым, 1952. Фото из архива ВКОИМК

Fig. 3. S. Chernikov with the director of the East Kazakhstan Regional Museum of History and Local Lore R.P. Stolbova. Ust-Narym, 1952. Photo from the Museum's archive

черкнул, что считает своим долгом особо поблагодарить сотрудников музея за неизменную помощь в работе [Черников, 1960, с. 9]. В свою очередь музейные работники за многое благодарны учёному – значительная часть коллекции музея, который является одним из самых крупных в Казахстане, была сформирована в результате раскопок, проведённых ВКАЭ, а знаменитый золотой олень Шиликты стал официальной эмблемой музея.

С.С. Черников успел многое сделать, стал известным учёным, но остался при этом доступным в общении, открытым, доброжелательным человеком. Таким запомнил его Н.В. Алексеенко, который писал:

«Есть и будут еще блестящие исследования. Обогадилась и будет обогащаться наука новыми открытиями. Но не будет другого Сергея Сергеевича. Не в том смысле, что он был исключительно выдающимся ученым, а в том, что он был самим собой. Славным товарищем, умещавшимся в таком же спальнике, как и все члены экспедиции, евшим одну с нами кашу.

Распевавшим во все горло те же песни, часто собственного сочинения. Он умел делать открытия, но начисто лишен был способности – даже мысленно! – становиться на пьедестал» [Алексеев, 2011, с. 82].

Давайте таким образом
С.С. Черникова и мы.

Список основных публикаций С.С. Черникова

Авторефераты:

Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Тезисы кандидатской диссертации, защищённой в Учёном совете ЛО ИИМК АН СССР 03.IV.1947 // КСИ-ИМК. 1948. Вып. 23. С. 96–100.

Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1970. 60 с.

Монографии:

Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 112 с.

Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА СССР. 1960. № 88. 272 с.

Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с.

Статьи:

Древняя добыча меди в верховьях Иртыша // КСИИМК. 1939. Вып. 2. С. 22–23.
Работы в Казахстане по обследованию древних рудных разработок // КСИ-ИМК. 1940. Вып. 2. С. 31–32.

Восточно-Казахстанская область. Калбинский и Нарымский хребты. 1935 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчёты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 292–296.

Наскальные изображения Верховий Иртыша // СА. 1947. Т. 9. С. 251–282.

Древнее горное дело в районе г. Степняк (По материалам обследования 1938 г.) // Изв. АН КазССР. 1948а. № 46. Сер. археол. Вып. 1. С. 13–32.

Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая // КСИИМК. 1948б. Вып. 23. С. 96–100.

Отчёт о работах Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Изв. АН КазССР. 1949. № 67. Сер. археол. Вып. 2. С. 37–58.

Основные проблемы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. 1950. № 77. Сер. историч. Вып. 5. С. 63–70.

Восточно-Казахстанская экспедиция // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 144–150.

К вопросу о составе древних бронз Казахстана // СА. 1951. Т. XV. С. 140–161.

Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане // Вестник АН КазССР. 1951. № 12 (81). С. 63–70.

Отчёт о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Изв. АН КазССР. 1951. № 108. Сер. археол. Вып. 3. С. 64–80.

Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 48. С. 81–92.

Пещера Конур-Аулие // Изв. АН КазССР. 1953. Сер. геол. Вып. 16. С. 121–124.

Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 29–49.

Некоторые итоги работы Восточно-Казахстанской (Бухтарминской) археологической экспедиции (на сессии Отделения исторических наук и пленума ИММК, посвящённых итогам археологических исследований 1955 г.). М.; Л.: б/и, 1956. С. 23–26.

О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 43–60.

К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 12–21.

Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИЭ. 1957. Вып. 26. С. 28–33.

Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году // КСИИМК. 1959. Вып. 73. С. 99–106.

О термине «ранние кочевники» // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 17–21.

Памятники архитектуры ойрат-калмыков // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института, языка, литературы и истории. Элиста: б/и, 1960. Вып. 1. С. 115–134.

Рецензия:

Археологическая карта Казахстана (реестр памятников и альбом карт). Академия наук Казахской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. Изд-во АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Составители карты: Е.И. Агеева. К.А. Акишев (отв. ред.), Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. [Рецензия] // СА. 1963. № 1. С. 314–317.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. 416 с., 88 илл.

2. Акишев К.А. Археология в Казахстане за советский период // СА. 1967. № 4. С. 62–78.

3. Алексеенко Н.В. Наш Сергей Сергеевич Черников // Краеведы Восточного Казахстана: пособие / Сост. Жиенбекова Ж.М., Захарова Т.Б. Усть-Каменогорск: Издательский отдел Центральной городской библиотеки, 2011. С. 80–83 [URL: <https://ru.calameo.com/read/002950357c7f3348ca0a9>] (дата обращения: 16.08.2019 г.).

4. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 11–64.

5. Бентович И.Б. Сектор Средней Азии и Кавказа в 1963 и 1964 гг. // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 135–138.

6. Бентович И.Б. Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1967 и 1968 гг. // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 122–124.

7. Гурина Н.Н. О работе сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК в 1956 г. // КСИА. 1958. Вып. 72. С. 113–116.

8. *Длужневская Г.В.* Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЭлекСис, 2011. 296 с.
9. *Кадырбаев М.К.* Сергей Сергеевич Черников: [1909–1976. Некролог] // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 6. С. 88–89.
10. *Кожин П.М.* Всесоюзное совещание по вопросам андроновской культуры // КСИА. 1966. Вып. 106. С. 118–120.
11. *Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринТА, 2008. 358 с., илл.
12. *Кызласов Л.Р.* Слово об Алеке Маргулане // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 70–75.
13. *Максимова А.Г.* Эпоха бронзы Восточного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 86–150.
14. Наградной лист С.С. Черникова. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie36765132/ (дата обращения: 16.08.2019 г.).
15. *Рогожинский А.Е.* Труженица археологии (А.Г. Максимова) // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 146–148.
16. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии: Материалы Третьей конференции по скифо-сибирской археологии. М.: Наука, 1976. 272 с.
17. *Скоробогатов Д.И.* Однополчане (Военные мемуары). М.: Воениздат, 1976. 239 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/skorobogatov_di/03.html (дата обращения: 16.08.2019 г.).
18. *Сорокин В.С.* Рец.: С.С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // СЭ. 1962. Вып. 1. С. 124–130.
19. Успехи среднеазиатской археологии. 1972. Вып. 1. 96 с.
20. *Хлобыстина М.Д.* Работа сектора Средней Азии и Кавказа в 1969–1973 гг. // КСИА. 1976. Вып. 147. С. 126–129.
21. *Чалая Л.А.* Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: б/и, 1971. 22 с.
22. *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА СССР. 1960. № 88. 272 с.
23. *Черников С.С.* Археологическая карта Казахстана (реестр памятников и альбом карт). АН КазССР. Институт истории, археологии и этнографии. Изд-во АН КазССР, Алма-Ата, 1960. Сост. карты: Е.И. Агеева. К.А. Акишев (отв. ред.), Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова // СА. 1963. № 1. С. 314–317.
24. *Черников С.С.* Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с.

Сведения об авторе:

Бедельбаева Марина Васильевна – кандидат исторических наук, заведующая музеем археологии и этнографии, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); bmv_1967@mail.ru

«ЕШ НӘРСЕДЕН ТАЙСАЛМАЙТЫН ЕР МІНЕЗДІ,
АДАМГЕРШІЛІК ПЕН АР-НАМЫСТЫ СЕРІ»
(С.С. Черниковтың туғанына 110-жыл)

М.В. Беделбаева

Мақала осы жылы туылғанына 110 жыл толатын белгілі археолог, Шығыс Қазақстанның ежелгі тарихын зерттеген С.С. Черниковтың (1909–1976) өмірі мен ғылыми қызметіне арналған. Ол 1947 жылдан бастап өмірінің соңғы күндеріне дейін (1972 ж.) Шығыс Қазақстан археологиялық экспедициясының тұрақты жетекшісі болды. С.С. Черниковтың іргелі зерттеулері осы өңірдің қола дәуірінің ескерткіштерінің мерзімін және ежелгі қоғамдардың әлеуметтік-экономикалық тарихының жалпы сұлбасын анықтауға елеулі үлес қосты. Оның ең ірі ашуы және маңызды ескерткіші, әлемдік археология қорына енген Шілікті аңғарындағы танымал «Алтын қорғанды» қазуы болып табылады.

Түйін сөздер: археология, С.С. Черников, Шығыс Қазақстан, қола кезеңі, ежелгі металургия, ежелгі көшпенділер, қорған

«KNIGHT WITHOUT FEAR AND REPROACH»
(To the 110 - th anniversary of birth of Sergei Chernikov)

M.V. Bedelbayeva

The article is devoted to life and scientific activity of S.S. Chernikov (1909–1976) – a famous archaeologist, researcher of the ancient history of East Kazakhstan, whose 110th anniversary is celebrated this year. From 1947 to the 1972 he was a permanent head of the East Kazakhstan archaeological expedition. Fundamental works of S.S. Chernikov made a significant contribution to the development of chronology of the Bronze age sites of the region and to the definition of General contours of the socio-economic history of ancient societies. A major discovery and an important site included in the world Fund of archaeology, began his excavation of the famous “Golden mound” in Chilikty valley.

Keywords: archaeology, S. Chernikov, East Kazakhstan, Bronze era, ancient metallurgy, early nomads, mound

REFERENCES

1. *Akademicheskaya arheologiya na beregah Nivy (Academic archeology at the Neva river)*. 2013. Saint Petersburg: “Dmitry Bulanin” Publ. (in Russian).
2. Akishev, K. A. 1967. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 4, 62–78 (in Russian).
3. Alekseenko, N. V. 2011. In Jienbekova, Zh. M., Zaharova, T. B. (comp.) *Kraevedy Vostochnogo Kazakhstana (Local Lore East Kazakhstan)*. Ust-Kamenogorsk (in Russian).
4. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan)*, 1, 11–64. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ. (in Russian).
5. Bentovich, I. B. 1966. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)*, 108, 135–138 (in Russian).
6. Bentovich, I. B. 1970. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)*, 122, 122–124 (in Russian).
7. Gurina, N. N. 1958. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)*, 72, 113–116 (in Russian).
8. Dluzhnevskaya, G. V. 2011. *Arheologicheskie issledovaniya v Centralnoi Azii i Sibiri v 1859–1959 gg. (Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959)*. Saint Petersburg: “ElekSis” Publ. (in Russian).
9. Kadyrbayev, M. K. 1976. In *Izvestiya Akademii nauk KazSSR. Ser. obshchestv. nauk (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social Sciences Series)*, 6, 88–89 (in Russian).

10. Kozhin, P. M. 1966. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)*, 106, 118–120 (in Russian).
11. Kuzmina, E. E. 2008. *Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kulturnoi obshchnosti (Classification and periodization of monuments of the Andronovo cultural community)*. Aktobe: “PrintA” Publ. (in Russian).
12. Kyzlasov, L. R. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan)*, 1, 70–75. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ. (in Russian).
13. Maksimova, A. G. 1959. In *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 7, 86–150 (in Russian).
14. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie36765132/
15. Rogozhinskiy, A. E. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan)*, 1, 146–148. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ. (in Russian).
16. *Skifo-sibirskii zverinyi stil v iskusstve narodov Evrazii (Scythian-Siberian animal style in the art of the peoples of Eurasia)*. 1976. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
17. Skorobogatov, D. I. 1976. Odnopolchane. (Voennye memuary) (Fellow soldiers (War memoirs)). Moscow: “Voenizdat” Publ. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/skorobogatov_di/03.html (in Russian).
18. Sorokin, V. S. 1962. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 1, 124–130 (in Russian).
19. *Uspekhi sredneaziatskoi arheologii (Successes of Central Asian archaeology)*, 1972, 1 (in Russian).
20. Hlobystina, M. D. 1976. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)*, 147, 126–129 (in Russian).
21. Chalaya, L. A. 1971. *Neolit Severo-Vostochnogo i Centralnogo Kazakhstana: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. (Neolithic of North-East and Central Kazakhstan: author. dis. ... cand. hist. sciences)*. Moscow (in Russian).
22. Chernikov, S. S. 1960. In *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on archaeology of the USSR)*, 88 (in Russian).
23. Chernikov, S. S. 1963. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 314–317 (in Russian).
24. Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka Zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos «skifskoe iskusstvo» (The mystery of the Golden Barrow. Where and when did “Scythian art” originate?)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Bedelbayeva Marina V. Candidate of historical sciences, director, Archaeology and ethnography museum, Saryarka archaeological Institute, academician E.A. Buketov Karagandy State University, Karagandy, Kazakhstan; bmv_1967@mail.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 16.08.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 23.08.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.08.2019.

60 лет со дня ОТКРЫТИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ им. Ч. ВАЛИХАНОВА

© 2019 г. Ж. Таймагамбетов, С. Кунитаке

В этом году исполнилось 60 лет со дня открытия Хасаном Алпысбаевичем Алпысбаевым палеолитической стоянки им. Ч. Валиханова. Справедливости ради следует сказать, что вначале исследователь назвал памятник «Палеолитическая стоянка Карасу» по названию близлежащего села, а впоследствии переименовал его в честь ученого-просветителя Ч.Ч. Валиханова. Палеолитическая стоянка им. Ч. Валиханова находится в 143 км к северу от г. Шымкент, на правом берегу третьей надпойменной террасы р. Арыстанды (Байдибекбийский р-н, Туркестанская обл.). Предварительное исследование, проведенное Х.А. Алпысбаевым, позволило установить, что памятник содержит пять культурных слоев, залегающих *in situ*. Слои располагаются на разных уровнях от современной дневной поверхности и разделяются стерильными прослойками разной мощности.

Ключевые слова: археология, стоянка им. Ч. Валиханова, Х.А. Алпысбаев, культурные слои

Введение

Стационарные работы на стоянке им. Ч. Валиханова велись Х.А. Алпысбаевым в 1959–1962 гг. [Алпысбаев, 1960], Ж.К. Таймагамбетовым в 1983, 1989–1993 гг., эпизодически в последующие годы, и с 2018 по настоящее время Ж.К. Таймагамбетовым возобновлены раскопки совместно со специалистом из Института культурных ценностей С. Кунитаке (г. Нара, Япония) (рис. 1–4).

В районе расположения стоянки выделены четыре надпойменные террасы р. Арыстанды [Вислогузова, 1961]. Первая терраса – высота ее от уреза воды 1,5–1,8 м, сложена галечниками в основании и суглинками сверху; вторая (2–2,5 м) – гравийно-галечными отложениями с редкой примесью валунов; третья (9–12 м) – суглинками; четвертая (20 м) – суглинками, переслаивающимся с галечником.

Описание культурных слоев, выделенных Х. А. Алпысбаевым

Итак, *первый* культурный слой вскрыт Х.А. Алпысбаевым на площади 1200 м² и зафиксирован на глубине 2,30 м от нулевой линии [Алпысбаев, 1979]. Мощность культурного слоя колеблется от 8 до 12 см. Среди 537 каменных изделий выделено 34 нуклеуса, 456 отщепов, 13 пластин и 34 орудия труда. Последние представлены рубящими орудиями (2), скреблами (4), скребками (20), резцами (2), зубчато-выемчатыми орудиями (1), пластинами со следами утилизации (2) и отщепами со следами использования в работе (3). Индустрия указанного слоя относится к начальной стадии верхнего палеолита. Сырьевой материал – халцедон светлых оттенков. Определенное место в индустрии I культурного слоя занимают нуклеусы – разнообразные как

Рис. 1. Стоянка им. Ч. Валиханова. Общий вид
Fig. 1. Man site of Ch. Valikhanov. General view

по типу, так и по степени их использования (дисковидные двусторонней обработки, одно- и двухплощадочные призматические, неопределенной формы). Пластины с гладкой ударной площадкой, на спинке которых сохранена корка. Концевые скребки на пластинках, отщепах составляют значительную часть орудий. Некоторые из них дополнительно имеют еще ретушь на одной из боковых граней, как на спинке, так и на брюшке. Отличие от нижележащих мустьерских слоев, по словам Х.А. Алпысбаева, состоит в том, что здесь отсутствуют какие-либо очажные слои, угольки, кости животных.

В данном слое, наряду с грубообработанными скреблами, присутствуют и миниатюрные скребочки с полукруглым, тщательно отделанным лезвием. Несмотря на знакомство с новыми приемами обработки камня, сохраняются и старые, о чем свиде-

тельствуют дисковидные нуклеусы. Индустрия I культурного слоя стоянки им. Ч. Валиханова относится к начальной стадии верхнего палеолита.

Второй культурный слой вскрыт на площади 406 м² и залегает на глубине от 4,10 до 4,35 м. Мощность слоя от 20 см местами до 25 см. В слое выявлены остатки двух кострищ, охры, очажных пятен, обломков костей животных. Общее число каменного инвентаря состоит из 1233 предметов, среди которых: 51 нуклеус и нуклевидных обломков, отщепы (1114), пластина (1), орудия труда (67). Из числа орудий выделены: рубящие орудия (6), скребла (3), скребки (31), остроконечники (7), резцы (6), выемчатые орудия (1), отбойники (3), рубило (1) и пластины со следами использования в работе (9). Позднемустьерский возраст рассмотренных орудий не вызывает особых сомнений, который определяется как

Рис. 2. Стоянка им. Ч. Валиханова. Начало раскопок
Fig. 2. Man site of Ch. Valikhanov. Beginning of excavation

назначением, так и формой, и характером представленных орудий.

Третий культурный слой вскрыт на площади 240 м² и залегает на глубине 4,90 м от современной поверхности третьей надпойменной террасы р. Арыстанды. Мощность слоя от 15 см, местами до 20 см. Здесь обнаружены хорошо сохранившиеся кострища, многочисленные очажные пятна и обломки костей животных. Каменный инвентарь насчитывает всего 443 предмета, в том числе: нуклеусы (28), отщепы (330), пластины (5), сланцы (палеозойские) (5), орудия труда (75). Среди последних: рубящие орудия (10), скребла (6), скребки (39), остроконечники (2), резцы (7), отбойник (1), пластины со следами утилизации (2), отщепы со следами использования (7), галечное изделие (1). Орудия, выявленные в третьем культурном слое, типичные для позднего мустье.

Четвертый культурный слой вскрыт на площади в 140 м² и залегает на глубине от 5,25 до 5,55 м. Мощность культурного слоя местами доходит до 30 см. Здесь также выявлены каменные изделия, кострища, очажные пятна и остатки охры. Отличительной чертой является наличие обломков костей крупных животных. Среди 946 предметов выделены: нуклеусы (37), отщепы (817), пластины (12), желваки (4), сланцевые изделия (2), орудия труда (74). К последним отнесены: рубящие (13), скребла (8), скребки (10), остроконечники (7), резцы (3), зубчато-выемчатые (1), отбойники (4), пластина со следами использования в работе (1), отщепы со следами утилизации (27). Инвентарь данного слоя также датируется позднемустьерским временем.

Пятый культурный слой вскрыт на площади 198 м² и залегает на глубине 5,50 м от нулевой ли-

нии. Мощность его 10 см, местами до 30 см. Культурные остатки представлены обломками костей животных, каменными изделиями, угольками и частицами красной охры. Коллекция каменных изделий насчитывает 2605 предметов. Следует отметить, что для индустрии характерна техника скола грубых отщепов с дисковидных нуклеусов. Из числа каменных изделий выделены: нуклеусы (11), отщепы (2572), желваки (3), орудия труда (19). К последним отнесены: 2 рубящих орудия, 5 скребел, 2 скребка, 9 отщепов со следами утилизации и 1 отбойник. Как видно, орудийный набор не так уж богат по сравнению с индустрией вышележащих культурных слоев. На основе типологического анализа, данных геологии, каменный инвентарь слоя датируется позднемустерским временем.

О результатах исследований новых культурных слоев

С 1980 г. исследования палеолита в Казахстане ведутся под руководством Ж.К. Таймагамбетова. В 1983 г. были проведены разведочные работы в районе стоянки им. Ч. Валиханова и частичные раскопки на памятнике с целью уточнения стратиграфии [Таймагамбетов, 1984; 1986]. Стационарные работы проводились в 1989–1993 гг. и эпизодически в последующие годы [Таймагамбетов, 1990а–в; 1992а, б; 1995; Taimagambe-
tov, 1998а, б].

Шестой культурный слой выявлен нами в 1993 г. на глубине 7,20 м. Коллекции каменных изделий представляют невыразительные отходы производства. Вероятно, основные находки покоятся в другом месте, а мы затронули периферийную часть.

Однако представления о геологическом и геоморфологическом

Рис. 3. Стоянка им. Ч. Валиханова, 8-й культурный слой. Нуклеус

Fig. 3. Man site of Ch. Valikhanov, the 8th occupation layer. Nucleus

строении района палеолитической стоянки, выделенные в свое время А.В. Вислогузовой, нами пересматриваются. Три раскопа 1989–1993 гг., заложенные ниже старого раскопа Х.А. Алпысбаева, а также выше по течению, показали, что в строении разреза участвуют три пачки:

- верхняя – до глубины 3 м – имеет двучленное строение и по своему генезису относится к склоновым, делювиальным накоплениям. Верхняя половина делювия – рыхлая, макропористая, с многочисленными следами от корней растений и кротовыми. Нижняя половина имеет меньше следов от корней растений, она более плотная;

- средняя пачка – это хорошо диагностируемые лессово-почвенные слои, отражающие этап эолового

(преимущественно) и почвенного осадконакопления. Эта часть разреза накапливалась в стабильных, достаточно засушливых (аридных) условиях. Нижняя часть разреза на глубине 5–10 м относится в раскопе 3 к склоновым делювиальным накоплениям и хорошо подчеркивает палеорельф того времени. На этом участке выше по течению р. Арыстанды, вероятно, существовал мыс, на склонах которого в сторону долины происходило накопление делювия;

- нижняя (третья) пачка относится к аллювию Праарыстанды. В сложении этой пачки участвуют слои разнотекстурного гравийного песка с прослоями галечника. Отложения в общем напоминают современный аллювий р. Арыстанды.

Таким образом, разрезы раскопов следует интерпретировать иначе, чем это представлялось ранее. Понятиям об аллювиальном генезисе отложений, вмещающих культурные слои стоянки, противоречит также неодинаковое строение второй террасы. Так, на правом берегу она (или уровни, соответствующие второй террасе) сложены лессами; по левобережью – в разрезах террасы наблюдается нормальный песчано-гравийный и галечниковый аллювий.

Последовательность геологических событий по вновь полученным данным можно предполагать следующим образом.

Крупная депрессия тектонического происхождения, расположенная между горами Большого и Малого Каратау, залегает гипсометрически много ниже средней высоты положительных форм гор Каратау и служит естественной ловушкой (ветровая тень) для пыли, выносимой как с юга – со стороны Восточных Кызылку-

мов, так и с севера – песчаных массивов Моинкум. Даже в настоящее время пыльные бури, проносясь над хребтами гор Каратау, оставляют в зоне затишья большую часть своих осадков, которые перекрывают днища депрессий и склоны прилегающих гор. Река Арыстанды пересекает эту депрессию в меридиональном направлении с севера на юг, проложив свое русло в периферийной зоне лесового плато и коренного склона, меловыми и палеогеновыми породами.

Именно сочетание в разрезе правобережья р. Арыстанды аллювиальных, делювиальных, лессовых пачек позволяет нам считать, что р. Арыстанды действовала периодически и временами почти полностью исчезала во время аридных этапов, когда долина заполнялась делювиальными и золовыми (лессовыми) отложениями. Этот район находится в пустынной зоне, но его положение, как «метеорная» впадина, и относительная приподнятость над присырдарьинскими и предчуйскими песчаными пустынями определяли несколько отличающиеся микроклиматические условия, в которых существовали полупустыни на открытых пространствах и участки с тугаями и небольшими лесами на склонах гор Каратау, о чем свидетельствуют данные Л.Н. Чупиной.

Формирование золовых отложений и почв средней пачки совпадает с глубокой аридной фазой конца среднего и началом верхнего плейстоцена. Саму стоянку следует считать не аллювиальной, а лессовой.

Стратификация толщи на основе педогенных признаков, выполненная в 1993 г. профессором М.И. Дергачевой, подтвердила в целом предложенное стратиграфическое описание

Рис. 4. Стоянка им. Ч. Валиханова, 9-й культурный слой. Рабочая площадка
Fig. 4. Man site of Ch. Valikhanov, the 9th occupation layer. Work site

разреза, однако позволила уточнить ее расчленение и выделить в верхней части разреза толщу современной почвы (до глубины 1,5–2,0), лессовую толщу (до 3,8 м), формировавшуюся в более аридных условиях, чем предыдущая (с глубины 3,9 до 6 м и ниже).

В 2018–2019 гг. Казахстанско-Японская археологическая экспедиция Национального музея РК и Научно-исследовательского института культурных ценностей Нара во главе с профессором Садакатцу Кунитаке проводила работы по уточнению стратиграфического разреза на стоянке им. Ч. Валиханова в Южном Казахстане. Впервые, из-за отсутствия воды в р. Арыстанды, удалось заложить разведочную траншею сверху вниз до основания реки 2 м шириной и 25 м длиной. Всего площадь раскопа составила 50 м². В этом году раскопки были расширены и доведены до глубины 10 м.

Если ранее было известно о шести культурных слоях, залегающих *in situ*, то в результате работ последних двух лет впервые на стоянке в нижних отложениях выявлены еще три культурных слоя и общее число их достигло девяти, что свидетельствует об обитании первочеловека на протяжении длительного времени в одном и том же месте. Слои располагаются на разных уровнях от современной дневной поверхности и разделяются стерильными прослойками разной мощности.

Седьмой культурный слой залегает на глубине 6,90 м от нулевой линии. Мощность его 20 см. Этот культурный слой чуть выше, чем шестой культурный слой, обнаруженный Ж.К. Таймагамбетовым (7,20 м). Каменные изделия в основном – маленькие отщепы.

Восьмой культурный слой обнаружен впервые и залегает на глубине 8,40 м от нулевой линии. Мощ-

ность его 30 см. Здесь выявлено много каменных изделий. Особенно выделяется очень большое ядро сферы – заготовка (нуклеус) из светлого халцедона с многочисленными снятиями отщепов.

Девятый культурный слой обнаружен впервые и залегает на глубине 9,20 м от нулевой линии. Мощность его 20 см. Культурный слой важен для хронологии отложений. В девятом культурном слое обнаружены пластины и торцовый нуклеус для снятия пластин. Отметим выявление в этом году в культурном слое рабочей площадки – фиксации крупного нуклеуса и более 150 отщепов и пластин вокруг него. В будущем будет произведен ремонт нуклеуса.

Следует заметить, что фиксированные нами от репера 5–7 культурные слои были найдены между пятью ранее обнаруженным культурными слоями Х.А. Алпысбаева (5,50 м) и шестым культурным слоем, выявленным Ж.К. Таймагамбетовым (7,20 м). Восьмой и девятый культурные слои залегали ниже, чем шестой культурный слой, обнаруженный в свое время Ж.К. Таймагамбетовым (7,20 м). Здесь следует отметить, что 8 и 9 культурные слои залегали в лессе, мощность не превышала 10–15 см. Так, девятый культурный слой выявлен сейчас, когда в р. Арыстанды ушла вода. Предварительно можно сказать, что это самый низко залегающий культурный слой, он может относиться к начальному периоду верхнего палеолита.

Для проведения анализов от 5 до 9 культурного слоя были отобраны образцы почв. Это сделано с целью определения точной датировки памятника, что делается впервые для нижележащих слоев.

Фауна и флора стоянки

Не останавливаясь на классификации каменной индустрии, подробно описанной Х.А. Алпысбаевым и одним из авторов данной статьи, коротко скажем о фаунистических материалах стоянки.

Основная часть остеологического материала, за исключением нескольких отдельных фрагментов, состоит из мелких обломков костей животных, чаще всего трубчатых. В слоях обнаружены челюсти лошади, бизона, рога сайги и благородного оленя. Наличие костных остатков лошади и сайги свидетельствует о степном характере ландшафта. В пользу этого говорят и данные спорово-пыльцевого анализа, взятые из разреза палеолитической стоянки им. Ч. Валиханова. Состав спорово-пыльцевого анализа свидетельствует о сухом климате, что и способствовало накоплению лессовидных суглинков на стоянке.

Заключение

Стратифицированный материал многослойной палеолитической стоянки им. Ч. Валиханова, содержащий девять культурных слоев (!) и отражающий культурно-исторические этапы верхнего палеолита, дает возможность считать стоянку им. Ч. Валиханова опорным памятником при решении вопросов хронологии и периодизации палеолитических памятников Казахстана. Это одна из уникальных, многослойных палеолитических стоянок, связанная с антропогенными отложениями.

Работы на стоянке им. Ч. Валиханова будут еще продолжены и рассчитаны они на долгие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтысбаев Х.А.* Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане // ВАН КазССР. 1960. № 11. С. 103–106.
2. *Алтысбаев Х.А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 208 с.
3. *Вислогузова А.В.* Бассейн реки Арыстанды // Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1961. С. 10–23.
4. *Таймагамбетов Ж.К.* Периодизация эпохи палеолита Южного Казахстана (по материалам стоянки имени Ч. Валиханова): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 25 с.
5. *Таймагамбетов Ж.К.* Исследования каменной индустрии на стоянке им. Ч. Валиханова // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири: тез. докл. к региональной конф. (г. Иркутск, 13–15 октября 1986 г.). Иркутск: изд-во ИГУ, 1986. С. 72–73.
6. *Таймагамбетов Ж.К.* К проблеме эволюции каменной индустрии на стоянке им. Ч. Валиханова // Тез. докл. научн.-практ. конф., посвящ. 70-летию организации Чимкентского областного историко-краеведческого музея (10–12 октября 1990 г.). Алма-Ата, 1990а. С. 50–52.
7. *Таймагамбетов Ж.К.* О значении многослойной палеолитической стоянки им. Ч. Валиханова // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: тез. докл. Междунар. симпозиума. Новосибирск, 1990б. С. 281–283.
8. *Таймагамбетов Ж.К.* Палеолитическая стоянка им. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1990в. 128 с.
9. *Таймагамбетов Ж.К.* Геоморфологическая ситуация и стратиграфия многослойной палеолитической стоянки им. Ч.Ч. Валиханова // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке: тез. Междунар. симпозиума. Красноярск, 1992а. С. 234–237.
10. *Таймагамбетов Ж.К.* К характеристике каменных изделий из стоянки им. Ч.Ч. Валиханова // Валихановские чтения: тез. докл. республ. конф. (25–28 марта 1992 г.). Кокшетау, 1992б. С. 45–47.
11. *Таймагамбетов Ж.К.* Новые данные о стоянке им. Ч.Ч. Валиханова // Ата-Мура: сб. статей, посвящ. 75-летию Южно-Казахстанского музея. Шымкент, 1995. С. 43–45.
12. *Taimagambetov Zh.K.* De l'importance de la sequence paleolithique du site Ch.Ch. Valikhanov // Recherches archéologiques Au Kazakhstan. T. X, de Boccard. Paris, 1998а. P. 141–143.
13. *Taimagambetov Zh.K.* De l'importance de la station paleolithique a plusieurs niveaux "Tch. Valikhanov" // Prehistoire d'Anatolie Genese des deux mondes – Actes du colloque international (Liege, 28 avril – 3 mai 1997). Liege, 1998b. P. 845–848.

Сведения об авторах:

Таймагамбетов Жакен – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, главный научный сотрудник, Национальный музей РК (г. Нур-Султан, Казахстан); zhaken.taimagambetov@gmail.com

Кунитаке Садакатцу – доктор PhD, старший научный сотрудник, Национальный Институт культурных ценностей Нара (г. Нара, Япония); kunitakesadakatsu@gmail.com

Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ КӨПҚАТПАРЛЫ ПАЛЕОЛИТ ҚОНЫСЫНЫҢ АШЫЛҒАНЫНА 60 ЖЫЛ

Ж. Таймағамбетов, С. Кунитак

Үстіміздегі жылы Хасан Алпысбайұлы Алпысбаев ашқан Ш. Уәлиханов атындағы палеолит қонысының ашылғанына 60 жыл толды. Шындығын айтқанда, зерттеуші алғашында ескерткішті жақын маңдағы елдімекеннің атауына сай «Қарасу палеолит қонысы» деп атайды да, кейіннен ғалым-ағартушы Ш. Уәлихановтың құрметіне атауын қайта өзгертеді. Ш. Уәлиханов атындағы палеолит қонысы Шымкент қаласынан солтүстікке қарай 143 шақырым қашықтықта, Арыстанды өз. үшінші жайылмауісті террасаларының оң жағалауында орналасқан (Бәйдібек би ауданы, Түркістан обл.). Х.А. Алпысбаевтың алдын-ала жүргізген зерттеулері ескерткіштің in situ-ге жататын бес мәдени қабаттан тұратындығын анықтауға мүмкіндік берді. Қатпарлар қазіргі күндізгі үстіңгі қабаттан түрлі деңгейде орналасқан және әртүрлі зарарсыздандырылған қабаттардың қатпарларымен бөлінеді.

Түйін сөздер: археология, Ш. Уәлиханов атындағы қоныс, Х.А. Алпысбаев, мәдени қабат

60 years from the date of OPENING of the MULTILAYERED PALEOLITHIC MAN SITE of Ch. VALIKHANOV

Zh. Taimagambetov, S. Kunitake

This year marked the 60th anniversary of opening of Paleolithic man site named after Ch. Valikhanov by Khasan A. Alpysbayev. To be fair it is necessary to tell that in the beginning the researcher called the site “Paleolithic man site of Karasu” by the name of nearby village, and subsequently, renamed it into honor of the scientist-educator Ch.Ch. Valikhanov. Paleolithic man site named after Ch. Valikhanov is 143 km north of Shymkent on the right bank of the third overhead terrace of the Arystandy River (Baidibek area, Turkistan Region). Preliminary research conducted by Kh.A. Alpysbayev revealed that the monument contains five cultural layers lying in situ. The layers are located at different levels from the modern daylight surface and are separated by sterile layers of different power.

Keywords: archaeology, Ch. Valikhanov man site, Kh.A. Alpysbayev, cultural layers

REFERENCES

1. Alpysbayev, Kh. A. 1960. In *Vestnik Akademii nauk KazSSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 11, 103–106 (in Russian).
2. Alpysbayev, Kh. A. 1979. *Pamyatniki nizhnego paleolita Yuzhnogo Kazakhstana (The sites of the Lower Paleolithic of Southern Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Visloguzova, A. V. 1961. In *Putevoditel po geologicheskim marshrutam Yuzhnogo Kazakhstana (Guide to Geological Routes of Southern Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ., 10–23 (in Russian).
4. Taimagambetov, Zh. K. 1984. *Periodizaciya epohi paleolita Yuzhnogo Kazakhstana (po materialam stoyanki imeni Ch. Valihanova): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Periodization of the Paleolithic era of Southern Kazakhstan (based on materials from the Ch. Valikhanov site): abstract. dis. ... cand. hist. sciences)*. Novosibirsk (in Russian).
5. Taimagambetov, Zh. K. 1986. In *Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Vostochnoj Sibiri (Archaeological and ethnographic studies of Eastern Siberia)*. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 72–73 (in Russian).

6. Taimagambetov, Zh. K. 1990a. In *Tez. dokl. nauchn.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu organizatsii Chimbentskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* (The-sis. doc. scientific-practical Conf. The 70th anniversary of the organization of the Chim-kent Regional Museum of History and Local Lore). Alma-Ata, 50–52 (in Russian).
7. Taimagambetov, Zh. K. 1990b. In *Hronostratigrafiya paleolita Severnoi, Cen-tralnoi i Vostochnoi Azii i Ameriki* (Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central and East Asia and America). Novosibirsk, 281–283 (in Russian).
8. Taimagambetov, Zh. K. 1990v. *Paleoliticheskaya stoyanka im. Ch.Ch. Valikhanova* (Ch.Ch. Valikhanov paleolithic site). Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Taimagambetov, Zh. K. 1992a. In *Paleoekologiya i rasselenie drevnego chelove-ka v Severnoi Azii i Amerike* (Paleoecology and the resettlement of an ancient person in North Asia and America). Krasnoyarsk, 234–237 (in Russian).
10. Taimagambetov, Zh. K. 1992b. In *Valikhanovskie chteniya* (Valikhanov read-ings). Kokshetau, 45–47 (in Russian).
11. Taimagambetov, Zh. K. 1995. In *Ata-Mura*. Shymkent, 43–45 (in Russian).
12. Taimagambetov, Zh. K. 1998a. In *Recherches archeologiques Au Kazakhstan*. T. X, de Boccard. Paris, 141–143.
13. Taimagambetov, Zh. K. 1998b. In *Prehistoire d’Anatolie Genese des deux mondes – Actes du colloque international*. Liege, 845–848.

About the Authors:

Taimagambetov Zhaken. Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan; zhaken.taimagambetov@gmail.com

Kunitake Sadakatsu. PhD, Senior Researcher, Nara National Research Institute for Cultural Properties, Japan; kunitakesadakatsu@gmail.com

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 09.09.2019.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 16.09.2019.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 23.09.2019.

АППЛИКАЦИЯ В ДЕКОРЕ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА*

© 2019 г. Ж.С. Калиева

Представленная статья посвящена анализу керамических сосудов раннего железного века Казахстана, имеющих отличительную особенность в виде декоративных аппликаций. В ходе исследований изучен и проанализирован 191 керамический сосуд. Датируются сосуды ранним железным веком, хранятся в фондах научно-исследовательских учреждений и музеев Казахстана. В числе изученных образцов в восьми случаях были обнаружены остатки аппликаций на поверхности керамических сосудов и фрагментах керамики, что определило необходимость выявления и изучения данного феномена в гончарной продукции раннего железного века на территории Казахстана. Изучение аппликаций как элемента декора керамических сосудов раннего железного века Казахстана до сих пор не являлось предметом отдельного исследования, и настоящая статья имеет цель актуализировать проблему выявления, систематизации и анализа феномена декорирования аппликацией керамических сосудов различных исторических периодов.

Ключевые слова: археология, Казахстан, Алтай, Жетысу, ранний железный век, керамика, декор, аппликация, олово, золото, металл

Введение

Специальное изучение керамических изделий Казахстана, в частности керамических сосудов утилитарного или иного назначения, имеет сложную и многолетнюю историю. По мере накопления опыта в изучении керамических коллекций с каждым годом выявляются новые данные не только о морфологии, технике и технологии изготовления сосудов, но и сведения о духовном мире древнего общества, которые могла отразить в керамике определенная группа древних и средневековых гончаров [Куз-

нецова, Тепловодская, 1994; Ломан, 2003; Шевнина, 2014; Краева, 2015].

Если в изучении качественного состава сырья и способов изготовления керамики Казахстана с применением естественно-научных методов работа ведется в интенсивном русле, то иная сторона изучения керамических изделий и керамического производства, а именно выявление и определение неутилитарного назначения керамики, позволяющего открыть завесу над мировоззренческими основами древнего общества, имеет некий эпизодический характер. Вместе

*Работа выполнена при поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта BR05233709)

с тем, изучение в сфере морфологии, техники и технологии изготовления керамических коллекций в последние годы стало иметь преимущественно статистическую направленность, когда определенный качественный состав и количество керамических сосудов позволяют обнаружить аналогии, определить ареал и хронологию отдельно взятой археологической культуры. Тем не менее, не все специалисты уделяют должное внимание проблемам определения не утилитарного назначения керамических сосудов в системе мировоззрения древних.

Все названное в настоящий момент предопределяет необходимость выработки и определения конкретных критериев оценки места и назначения керамических сосудов как в быту, так и в обрядово-ритуальной, а также в эстетической составляющей древнего общества. Безусловно, данная трактовка и постановка проблемы не является обязующим постулатом к действию, а лишь имеет цель поднять вопрос и дискуссии на данную тему на страницах отечественных научных изданий.

Методы и методика исследований

Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода в изучении древнего гончарства, основанного на бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования, разработанного А.А. Бобринским [Бобринский, 1978, с. 11–15]. Выдвинутая им структура гончарного производства содержит 10 обязательных и две дополнительные ступени, которые между собой объединены в три последовательные стадии, такие, как подготовительная, созидательная и закрепительная [Бобринский, 1999, с. 8–11]. В данной работе внимание сосредоточено на тре-

тьей закрепительной стадии: ступень 11 – конструирование служебных частей и ступень 12 – орнаментация поверхности керамических сосудов.

Описание материала

В представленной статье мы рассматриваем конкретную особенность, выявленную в декоре керамических сосудов раннего железного века Казахстана, которая может выступать как хронологический и региональный маркер, а также быть одним из критериев для выявления мировоззренческих аспектов в духовном мире ранних кочевников.

Таким образом, рассматриваемая в статье особенность в декорировании керамических сосудов ранних кочевников заключается в применении техники аппликации при изготовлении керамических изделий. Под аппликацией и техникой ее изготовления мы понимаем общеизвестное определение, т.е. способ создания орнаментов, изображений путём нашивания, наклеивания на ткань, бумагу и т.п. разноцветных кусочков какого-либо материала (ткань, бумага, мех, соломка и т. п.) другого цвета или выделки, а также орнамент, изображение, созданные по такому способу, придающему им особую рельефность. В нашем случае аппликацией выступают свидетельства и остатки от металлических вставок на поверхности керамических сосудов из памятников ранних кочевников Казахстана.

В ходе исследований керамических коллекций, хранящихся в фондах научно-исследовательских учреждений и музеев Казахстана (Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Центральный государственный музей РК, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», Музей археологии «Гылым Ордасы», Восточно-

Рис. 1. Керамический сосуд. Берел, к. 10. 1 – общий вид; 2 – венчик сосуда с остатками адгезии и аппликации; 3 – фрагмент жемчужины с остатками адгезии и аппликации. Раскопки ВКАЭ под руководством З. Самашева. Фото Ж. Калиевой

Fig. 1. Ceramic vessel. Berel, barrow no. 10. 1 – general view; 2 – vessel corolla with remains of adhesion and applique; 3 – pearl fragment with remains of adhesion and applique. Excavations of the EKAЕ under the leadership of Z. Samashev. Photo by Zh. Kalieva

Казахстанский областной историко-краеведческий музей, Алматинский областной историко-краеведческий музей им. М. Тынышбаева), был изучен и проанализирован 191 сосуд раннего железного века, из которых в восьми случаях были обнаружены остатки аппликаций на поверхности керамических сосудов и фрагментах керамики.

Материалы могильника Берел

В целом, аппликации и их остатки были выявлены на четырех сосудах из курганов могильника Берел в Восточном Казахстане, на одном сосуде и на двух фрагментах керамики из фонда Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» и на одном сосуде из фонда Му-

зея археологии «Гылым Ордасы».

Преимущественно керамика с аппликациями превалирует в сосудах могильника Берел. Необходимо отметить, что керамическая коллекция Берела достаточно богата и разнообразна. Здесь преобладают высокие кувшины с овальным или округлым туловом, а также высоким горлом. Также многочисленны кувшины с шаровидным туловом и прямым горлом [Самашев, 2011].

Из всего разнообразия сосудов Берела необходимо выделить отдельную группу сосудов с аппликациями, которые обнаружены в погребениях курганов № 4, 10, 41, 73. Аппликации здесь представлены в виде остатков серой адгезии, а также остатков

покрытий-лент из металла (фольги) на поверхности керамических сосудов. Ленты пластичного и блестящего металла серебристо-белого цвета предположительно изготовлены из олова, возможно с примесью золота или серебра. Лентами преимущественно покрыты венчики и шейки керамических сосудов.

Один из интересных сосудов с оригинальным декором происходит из берелского кургана № 10 [Самашев, 2011, с. 137–139]. Керамический сосуд высокий, узкогорлый и красноглиняный (рис. 1, 1–3), окрашен красной минеральной краской и декорирован по вертикали лепными жемчужинами. Жемчужины расположены снаружи в четырех вертикальных, симметрично расположенных по отношению друг к другу рядах по всей высоте сосуда

(с венчика до придонной части сосуда). Размеры жемчужин составляют $2-2,5 \times 1-1,5$ см, расстояние между ними достигает 2–2,5 см. Всего насчитывается четыре вертикальных ряда по 11 жемчужин в каждом ряду, таким образом насчитывается 44 наклепленных на сосуд жемчужины.

На поверхности жемчужин и по венчику фиксируются следы серебристого покрытия, химический состав которого, к сожалению, на данный момент определить не удалось. В целом, благодаря рядам наклепных жемчужин, сосуд является уникальным.

На следующем сосуде из коллекции Берела, из кургана № 4 (рис. 2, 1–3), также выявлена серая адгезионная масса для аппликации и четко выделяется серебристое металлическое покрытие, собственно аппликация.

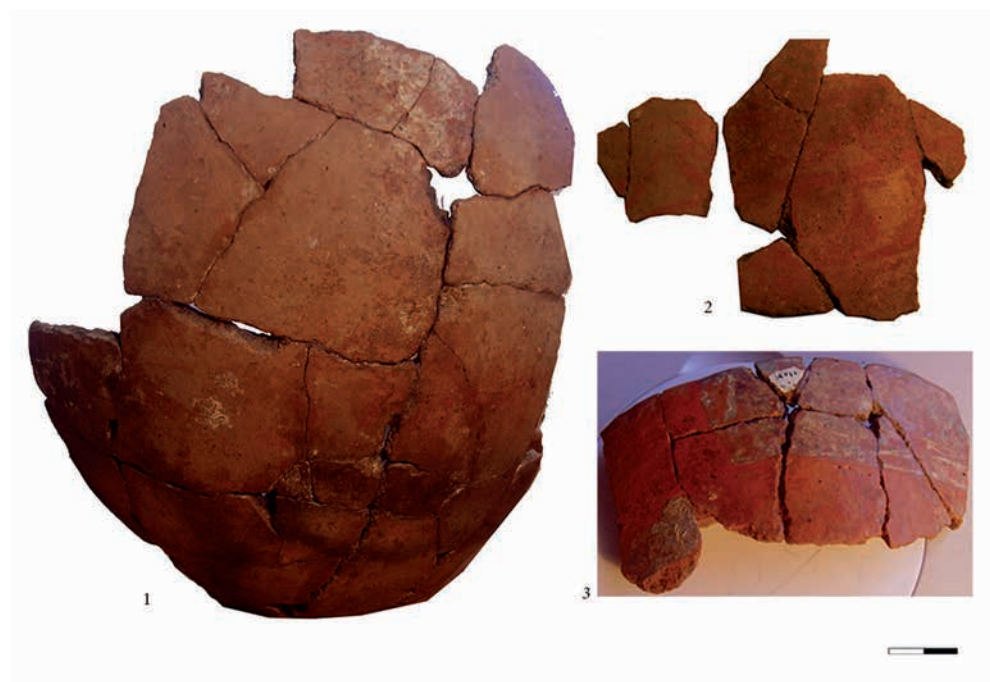

Рис. 2. Керамический сосуд. Берел, к. 4. 1 – общий вид; 2 – фрагмент боковины сосуда с ангобом; 3 – венчик сосуда с остатками адгезии и аппликации. Раскопки ВКАЭ под руководством З. Самашева. Фото Ж. Калиевой

Fig. 2. Ceramic vessel. Berel, barrow no. 4. 1 – general view; 2 – a fragment of the side of the vessel with engobe; 3 – the corolla of the vessel with remains of adhesion and applique. Excavations of the EKAЕ under the leadership of Z. Samashev, photo by Zh. Kalieva

Помимо аппликации, сосуд декорирован расписным орнаментом, который выполнен минеральной краской красного оттенка, схожей с ангобом (рис. 2, 2). Орнамент разделен на четыре условные зоны. Первая представлена в виде волнистых линий, вторая – в виде растительного орнамента, третья – в виде стилизованного изображения птицы и четвертая завершает композицию волнистыми полосами. Все четыре зоны разделены горизонтальными полосами (рис. 3).

Еще один сосуд с аппликацией из берелского кургана № 41 представлен кувшином с широким устьем, прямой шейкой, с грушевидным слегка раздутым туловом и плоским дном. Поверхность данного сосуда обработана твердым предметом. Также встречаются следы выбивания колотушкой. По краю венчика и по

горловине сосуда отчетливо видны следы и остатки ленты серебристого покрытия, сосуд также орнаментирован кольчатыми вдавлениями палочкой. Следы адгезионной массы и остатки аппликации в виде металлической ленты фиксируются по шейке и по венчику сосуда (рис. 4, 1–4).

Кувшин из берелского кургана № 73 также декорирован аппликацией. Сосуд представляет собой зауженный ко дну кувшин с вытянутой шейкой, раздутым грушевидным туловом. По венчику сосуда фиксируются следы серебристого покрытия в форме ленты шириной 1,5 см [Калиева, 2013, с. 228]. Местами по сосуду отмечена сероватая адгезионная масса (рис. 5, 1, 2).

В целом, декор керамики Берела достаточно разнообразен. В ходе анализа орнамента керамических

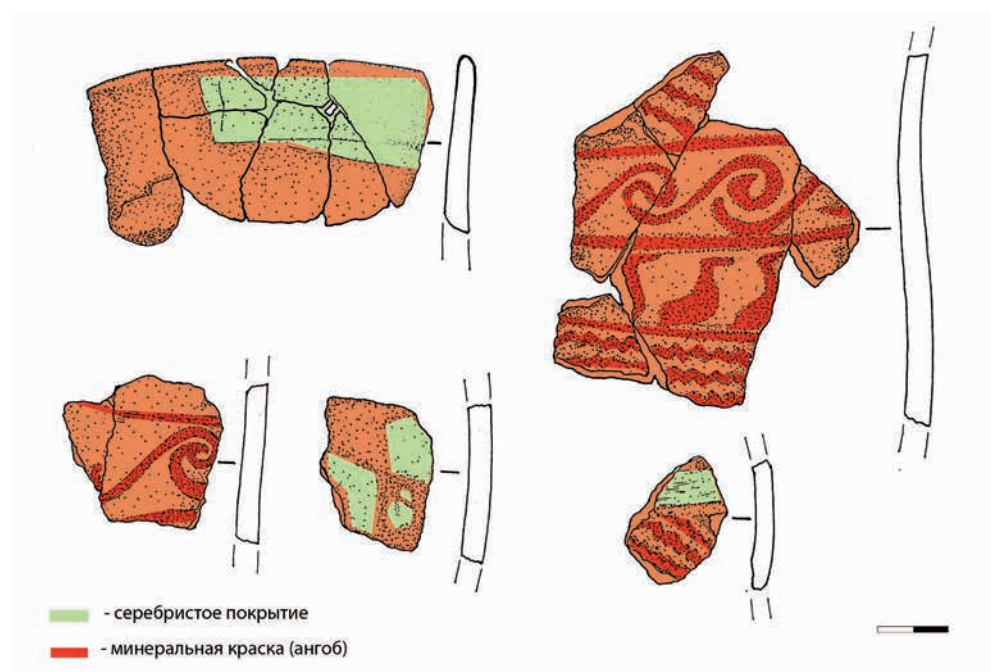

Рис. 3. Керамический сосуд. Берел, к. 4. Прорисовка Биримжанова М.

Fig. 3. Ceramic vessel. Berel, barrow no. 4. Drawing by Birimzhnov M.

Рис. 4. Фрагменты керамического сосуда. Берел, к. 41. 1 – общий вид; 2, 4 – венчик сосуда с остатками адгезии и аппликации; 3 – шейка сосуда с остатками адгезии и аппликации. Раскопки ВКАЭ под руководством З. Самашева. Фото Ж. Калиевой

Fig. 4. Fragments of a ceramic vessel. Berel, barrow no. 41. 1 – general view;
2, 4 – the corolla of the vessel with the remains of adhesion and appliqué;
3 – neck of the vessel with adhesion and appliqué remains.

Excavations of the EKAЕ under the leadership of Z. Samashev, photo by Zh. Kalieva

сосудов были зафиксированы подчеркнутые геометрические символы, треугольники, опущенные вершиной вниз, овальные полукруги, круги, вдавление палочкой, наlepной валик и лепные жемчужины. Наличие столь широкого разнообразия в декорировании сосудов берелской керамической коллекции, возможно, указывает на существование локальной системы знаков и символов, со сложной традицией отображения орнамента на поверхности сосудов ранними кочевниками. На данный вывод наталкивает ряд примеров, а именно наличие и особое расположение лепных деталей, зональное разделение сосуда и наличие аппликаций. Все названное, несомненно, указывает не только на

высокое мастерство гончарного производства племен раннего железного века Алтая, но и свидетельствует о сложном и глубоком духовном мире ранних кочевников Берела.

Наличие аппликаций в керамических коллекциях Берела определило необходимость выявления и изучения данного феномена в гончарной продукции раннего железного века на территории Казахстана. С этой целью были исследованы керамические коллекции, хранящиеся в фондах музеев Казахстана.

Анализ материала в музеях Казахстана

На данный момент были исследованы 40 керамических сосудов и отдельных фрагментов керами-

Рис. 5. Керамический сосуд. Берел, к. 73. 1 – общий вид; 2 – венчик сосуда с остатками адгезии и аппликации.

Раскопки ВКАЭ под руководством З. Самашева. Фото Ж. Калиевой

Fig. 5. Ceramic vessel. Berel, barrow no. 73. 1 – general view; 2 – the corolla of the vessel with the remains of adhesion and applique.

Excavations of the EKAЕ under the leadership of Z. Samashev, photo by Zh. Kalieva

ки, обнаруженных в разные годы на территории Восточного Казахстана. Большая часть керамических коллекций названного региона хранится в фондах Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея в г. Усть-Каменогорск [Калиева, 2014, с. 316–320]. Кроме того, были изучены сосуды раннего железного века, обнаруженные в разные годы на территории Жетысу, часть из которых хранится в фондах Алматинского областного историко-краеведческого музея им. М. Тынышбаева. Здесь были исследованы 17 керамических сосудов.

Большой пласт керамических коллекций хранится в фондах и экспо-

зициях Центрального государственного музея РК. К сожалению, нам удалось исследовать в данном музее лишь небольшую часть керамики, а именно 18 целых сосудов.

В числе исследованных керамических коллекций названных музеев, к сожалению, не зафиксированы факты наличия аппликаций в декорировании сосудов. Но, тем не менее, исследование и анализ керамики в фондах данных музеев необходимо продолжать в будущем.

Сосуд с аппликациями был выявлен и исследован в фондах Музея археологии «Гылым Ордасы». В фондах музея были проанализированы 23 керамических сосуда, из них лишь на

поверхности одного была выявлена аппликация (рис. 6, 1, 2). Аппликация расположена на венчике и представлена в виде остатков симметрично расположенных металлических пластин. К сожалению, идентифицировать исследованный сосуд, определить год и местонахождение артефакта не удалось, что затрудняет привязку данной находки к определенному региону. Тем не менее, опираясь на морфологические особенности, можно предположить, что он изготовлен в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.

Еще один сосуд из Алматинской области происходит из кургана № 59 могильника Каратума [Байпаков и др., 2016, с. 241–243], два фрагмента керамики с аппликацией из кургана № 4 могильника Алатау, Алматинской обл.

[Сейткалиев, 2015, с. 98–100] были выявлены в фондах Государственного историко-культурного заповедника музея «Иссык». Здесь проанализировано 73 целых керамических сосуда эпохи раннего железа.

Один сосуд с аппликацией представляет собой чашу (рис. 7, 1). Невооруженным глазом остатки аппликации на данном сосуде не прослеживаются. Лишь с применением стереоскопического бинокулярного микроскопа МБС-10 удалось выявить белую адгезионную массу с остатками металлической фольги (позолотой) на венчике (рис. 7, 2, 3) и тулове (рис. 7, 4) сосуда. Также в постоянной экспозиции музея находятся два фрагмента со вставками из золотой фольги, происходящие из кургана № 4 мо-

Рис. 6. Керамический сосуд с остатками адгезии и аппликацией.
Фонд Археологического музея «Гылым ордасы», шифр МА24/3, ГОМА № 309.
1 – общий вид; 2 – венчик сосуда с остатками адгезии и аппликации.
Фото Ж. Калиевой

Fig. 6. Ceramic vessel with adhesion residues and applique. Fund of the Archaeological Museum «Gylym Ordasy», cipher MA24/3, GOMA no.309. 1 – general view; 2 – the corolla of the vessel with the remains of adhesion and applique. Photo by Zh. Kalieva

гильника Алатау (рис. 8). В связи с тем, что доступ к исследованию был ограничен, детальный анализ данных фрагментов не был произведен. Вместе с тем, наличие крепежных отверстий на одном фрагменте золотой фольги ставит под сомнение, что данный экземпляр был использован в качестве аппликации в декоре указанного фрагмента керамики и возможно использовался для декорирования одежды либо иного убранства.

Таким образом, необходимо отметить, что применение аппликаций в декорировании керамических сосудов

раннего железного века на данный момент выявлено лишь в памятниках Алтая и Жетысу и требует дальнейшего проведения комплексных исследований керамических коллекций из других регионов Казахстана.

Обсуждение материала

Если провести широкие аналогии в технике декорирования керамических сосудов, необходимо отметить находку, сделанную А.И. Тереножкиным в 1950 г. близ села Глеваха (Васильковский р-н, Киевская обл.). В ходе изучения кургана раннего железного века им была обнаружена

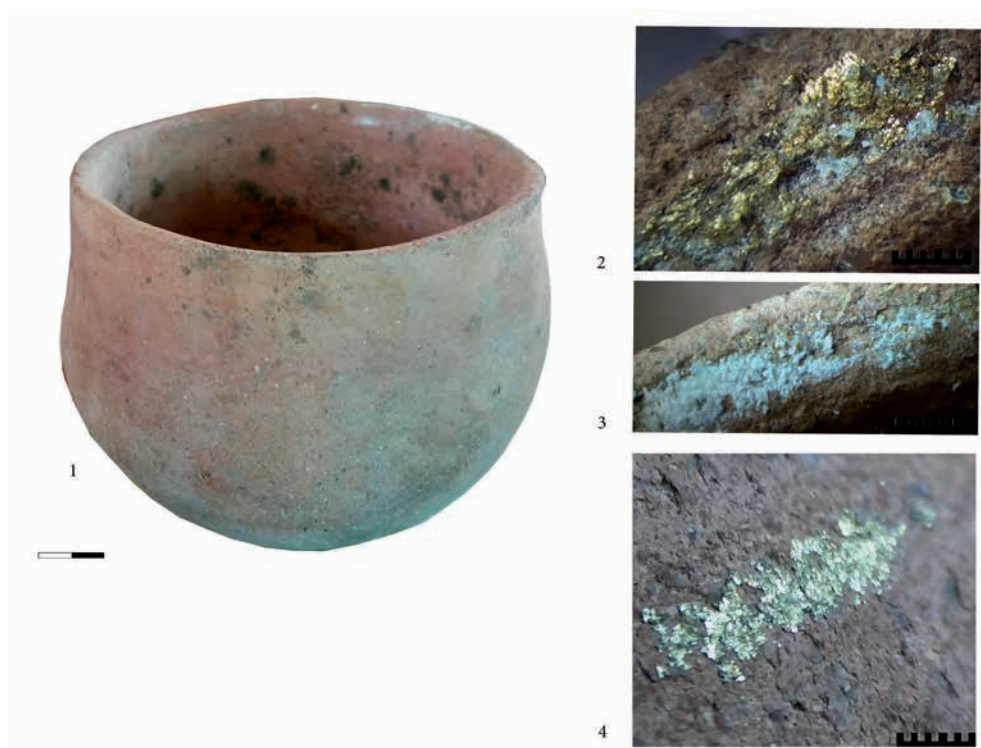

Рис. 7. Керамический сосуд. Мог. Каратума, к. 59. Фонд Государственного историко-культурного заповедника музея «Иссык», шифр ЕКМ НТК 107 (по: [Байпаков и др., 2016]). 1 – общий вид; 2 – венчик сосуда с остатками адгезии и аппликацией (позолотой); 3 – венчик сосуда с остатками адгезии и аппликацией (позолотой); 4 – тулово сосуда с остатками адгезии и аппликацией (позолотой). Фото Ж. Калиевой

Fig. 7. Ceramic vessel. The burial ground of Karatuma, borrow no. 59. Fund of the State Historical and Cultural Reserve of the Issyk Museum. Cipher EKM NTK 107 (by: [Baipakov et al, 2016]). 1 – general view; 2 – corolla of the vessel with adhesion residues and applique (gilding); 3 – corolla of the vessel with adhesion residues and applique (gilding); 4 – body vessel with adhesion residues and applique (gilding).

Photo by Zh. Kalieva

Рис. 8. Фрагмент керамического сосуда с листами золотой фольги. Могильник Алатау 2010, к. 4. Постоянная экспозиция Государственного историко-культурного заповедника музея «Иссык» (по: [Сейткалиев, 2015]). Фото Ж. Калиевой

Fig. 8 – a fragment of a ceramic vessel with sheets of gold foil. Burial ground Alatau, 2010, borrow no. 4. Permanent exhibition of the State Historical and Cultural Reserve of the Issyk Museum (by: [Seitkaliev, 2015]). Photo by Zh. Kalieva

корчага высотой 74 см [Тереножкін, 1954, с. 80–97]. Сосуд примечателен тем, что орнаментирован по плечу тремя округлыми вертикальными выступами и имеет следы от накладных золотых бляшек и лент. Также как и в случае с сосудами из Алтая и Жетысу на месте расположения (крепления) пластин сохранилась белесая адгезия. Подробное исследование данного сосуда провела сотрудник Института археологии НАН Украины Е.Е. Фиалко.

Е.Е. Фиалко, опираясь на хронологическую датировку находок из Глевахи (конец VII – начало VI в. до н.э.), предполагает, что традиция в орнаментации сосудов Алтая с применением аппликации, возможно, за-

имствована из Европейской Скифии и была ассимилирована местными племенами [Фиалко, 2008, с. 33]. На наш взгляд, данная гипотеза является спорной и требует более тщательного изучения. Мы солидарны с мнением В.И. Молодина, считающего регионы Средней Азии и Казахстана как некую прародину оформления форм и специфических черт в декоре посуды ранних кочевников [Молодин, 2000, с. 113].

Аналогию использования аппликаций на поверхности сосудов Берела можно также найти в керамических изделиях пазырыкской культуры. В случае с анализом сосудов из могильников Ак-Алаха-3 и Берел можно отметить, что прямой аналогии-

ей выступают лишь морфологические особенности, а именно форма, строение, техника внешней обработки и орнаментация. Вместе с тем, в обоих случаях используется аппликация, но разница заключается в материале исполнения декора. В керамике Ак-Алаха-3 использованы аппликации из кожи [Полосьмак, 1994, с. 69–70], тогда как на образцах из мог. Берел – металл.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что в изучении аппликаций в декоре керамических сосудов раннего железного века Казахстана четко определяется круг вопросов и проблем как прикладного, так и концептуального характера.

Среди прикладных проблем необходимо назвать отсутствие конкретных сведений о химическом составе непосредственно металлических или иных вставок на поверхности изделий, не только из памятников Казахстана, но Евразийских степей в целом. Кроме того, актуально определение химического состава адгезионной массы. Проблема анализа состава скрепляющего вещества, а именно ответ на вопрос «Каково происхождение склеивающей массы – органическое или минеральное?» - остается открытым.

Среди концептуальных можно назвать проблему изучения места появления и определение ареала феномена декорирования с применением аппликаций, а также установление цели и назначения специфического приема орнаментации. Носила ли данная традиция утилитарный характер или имела некие ритуальные, обрядовые цели. Изготавливалась ли посуда специально, либо же производилась повсеместно в быту. Для поиска ответа на данный вопрос необ-

ходимо проведение комплексных исследований, что требует изучение не только погребений, но и поселений раннего железного века.

Еще одним важным и нерешенным аспектом в изучении керамических коллекций, в том числе в исследовании аппликаций в декорировании керамики, можно назвать проблему терминологии. Необходимо отметить, что в рамках статьи, а именно в историографии проблемы применения аппликаций в керамике, чаще используется термин «цементирующая масса» [Тереножкин, 1954; Фиалко, 2008], что, на наш взгляд, является некорректным определением. Термин «цементирующий» конкретизирует состав склеивающей массы, тогда как использованный нами термин «адгезия» определяет процесс (т.е. склеивание, спайка, скрепление). Таким образом, клейкое, скрепляющее вещество минерального либо органического происхождения, необходимое для фиксации элементов аппликации на поверхности керамического изделия, предлагается именовать как адгезия или адгезионная масса.

В целом, в ходе исследовательских работ остро встал ряд методологических и организационных проблем в изучении аппликаций в декоре керамических сосудов. Ранее было отмечено, что в отдельных случаях аппликации были видны невооруженным глазом, в других остатки аппликаций были выявлены с применением бинокулярной микроскопии. Этот факт наталкивает на мысль о необходимости внедрения и применения более щадящей камеральной обработки обнаруженных фрагментов и керамических сосудов. Более тщательная первичная очистка позволит сохранить достаточно хрупкие, а иногда и микроскопические элементы декора керамических сосудов.

Хотя из всей массы представленных в статье исследованных артефактов лишь небольшой процент составила керамическая посуда с аппликациями, это не говорит о том, что работа в данном направлении малоперспективна. Вполне вероятно, что для изучения данного феномена необходимо привлечение широкого спектра специалистов как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля, и разработки новых методик в изучении сложносоставного декора и аппликаций в орнаментации сосудов, что, безусловно, позволит приоткрыть завесу над сложным и интересным миром древних.

Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность ру-

ководителю Восточно-Казахстанской археологической экспедиции З. Самашеву за предоставленную возможность работы с керамической коллекцией могильника Берел. Автор благодарен руководству и сотрудникам Центрального государственного музея РК, Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык», музея археологии «Гылым Ордасы», Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, Алматинского областного историко-краеведческого музея им. М. Тынышбаева за предоставленную возможность работать с керамическими коллекциями, хранящимися в фондах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Москва: Наука, 1978. 269 с.
2. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Научн. ред. Бобринский А.А., сост. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самара: СГПУ, 1999. С. 8–11.
3. *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В.* Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.
4. *Калиева Ж.С.* Результаты технико-технологического анализа керамических коллекций Береля // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 2013. Т. II. С. 226–229.
5. *Калиева Ж.С.* Техничко-технологический анализ керамических коллекций из памятников раннего железного века Восточного Казахстана // Всадники великой степи: традиции и новации. Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 2014. Т. IV. С. 316–320.
6. *Краева Л.А.* Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 90–99.
7. *Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М.* Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
8. *Ломан В.Г.* Общие принципы выделения историко-культурной информации по данным гончарной технологии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Ред. М. Жолдасбеков. Астана: Күлтегін, 2003. С. 146–151.
9. *Молодин В.И.* Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий: коллективная монография. Отв. ред.: Молодин В.И., Деревянко А.П. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 86–120.

10. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 127 с.
11. Самашев З. Берел. Berel. Алматы: «Таймас», 2011. 236 с.
12. Сейткалиев М.К. Аварийные раскопки большого кургана в окрестностях г. Алматы // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий: матер. тематич. научн. конф. (г. СПб., 23–27 ноября 2015 г.). Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: «Скифия-принт», 2015. С. 98–100.
13. Тереножкин О.И. Курган біла с. Глеваха // Археология. 1954. Т. IX. С. 80–97.
14. Фиалко Е.Е. Аппликация в декоре лепной посуды раннего железного века // РА. 2008. № 1. С. 28–34.
15. Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана: Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. Т. 4. 235 с.

Сведения об авторе:

Калиева Жанаргуль Сериковна – магистр археологии, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нур-Султан, Казахстан); zhkalieva@mail.ru

**ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІНІҢ ҚЫШ
ЫДЫСТАРЫНЫҢ БЕТІНДЕГІ АППЛИКАЦИЯ**

Ж.С. Калиева

Ұсынылған мақала сәндік қолданба түрінде өзіндік ерекшелігі бар ерте темір дәуіріндегі қыш ыдыстарды талдауға арналған. Зерттеу барысында ерте темір дәуірінен қалған және Қазақстанның ғылыми-зерттеу мекемелері мен мұражайларының қорларында сақталған 191 қыш ыдыстар зерттелді және талданды. Зерттелген керамикалық ыдыстардың ішінде сегіз жағдайда керамикалық ыдыстардың беткі жағындағы қалдықтар мен керамика фрагменттері табылды, олар Қазақстандағы ерте темір дәуірінің қыш бұйымдарындағы осы құбылысты анықтау және зерттеу қажеттілігін анықтады. Қазақстанның ерте темір дәуіріндегі керамикалық ыдыстардағы декор элементі ретінде қосымшаларды зерттеу әлі жеке зерттеу тақырыбы болған жоқ, және бұл мақала әртүрлі тарихи кезеңдердегі керамикалық ыдыстардағы декорация құбылыстарын анықтау, жүйелеу және талдау мәселелерін өзекті етуге бағытталған.

Түйін сөздер: археология, Қазақстан, Алтай, Жетісу, ерте темір дәуірі, қыш ыдыс, сәндеу, аппликация, қалайы, алтын, метал

**APPLIQUE WORK IN THE DECOR OF CERAMIC VESSELS OF THE EARLY
IRON AGE OF KAZAKHSTAN**

Zh.S. Kalieva

Presented article is devoted to the analysis of ceramic vessels of the early Iron Age of Kazakhstan, which have a distinctive feature in the form of decorative appliqué works. During the research, 191 ceramic vessels with dates of the early Iron Age, which are stored in the fund of Scientific research institutions and museums of Kazakhstan, were studied and analyzed. Among the studied exemplars in eight cases were found remains of appliques on a surface of ceramic vessels and fragments of ceramics that defined need of identification and studying of this phenomenon for pottery of the early Iron Age in the territory of Kazakhstan. The study of ornaments as an element of decor in ceramic vessels of the early Iron Age of Kazakhstan has not yet been the subject of a separate study, and this article aims to actualize the problem of identifying, systematizing and analyzing the phenomenon of decorating applique works in ceramic vessels of various historical periods.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Altai, Zhetysu, the early iron age, ceramics, decor, applique, tin, gold, metal

REFERENCES

1. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy (Pottery of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bobrinsky, A. A. 1999. In: Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktualnye problemy izucheniya drevnego goncharstva (Actual problems of the study of ancient pottery)*. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 8–11 (in Russian).
3. Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zakharov, S. V. 2016. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zhelezhnogo veka v Semirechye (Karatuma burial ground. Necropolis of the Early Iron Age in Semirechye)*. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza (in Russian).
4. Kalieva, Zh. S. 2013. In: *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v Astane (Proceedings of a branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology in Astana)*, II, 226–229 (in Russian).
5. Kalieva, Zh. S. 2014. In: *Vsadniki velikoi stepi: tradicii i novacii. Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v Astane (Horsemen of the great steppe: traditions and innovations. Proceedings of a branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology in Astana)*, IV, 316–320 (in Russian).
6. Kraeva, L. A. 2015. In: *Samara Scientific Bulletin*, 3 (12), 90–99 (in Russian).
7. Kuznetsova, E. F., Teplovodskaya, T. M. 1994. *Drevnyaya metallurgiya i goncharstvo Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient metallurgy and pottery of Central Kazakhstan)*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).
8. Loman, V. G. 2003. In: Joldasbekov, M. (ed.). *Stepnaya civilizaciya Vostochnoi Evrazii. T. 1. Drevnie epohi (Civilization of Eastern Eurasia. T. 1. Ancient eras)*. Astana: "Kultegin" Publ., 146–151 (in Russian).
9. Molodin, V. I. 2000. In: Molodin, V. I., Derevyanko, A. P. (eds.). *Fenomen altaiskikh mumii (The phenomenon of Altai mummies)*. Novosibirsk: IAEt SB RAS Publ, 86–120 (in Russian).
10. Polosmak, N. V. 1994. «*Steregushchiye zoloto grify*» (*Ak-Alakhshiye kurgany*) («*Vultures guarding gold*» (*Ak-Alakh mounds*)). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Samashev, Z. 2011. *Berel*. Almaty: "Taymas" Publ. (in Russian, in English).
12. Seytkaliev, M. 2015. In: Savinov, D. G. (ed.). *Ranniy zheleznyy vek Yevrazii ot arkhaiski do rubezha er (The Early Iron Age of Eurasia from Archaic to the Turn of the Era)*. Saint Petersburg: "Scythia-print" Publ., 98–100 (in Russian).
13. Terenozhkin, O.I. 1954. In *Arkheologiya (Archaeology)*, IX, 80–97 (in Ukrainian).
14. Fialko, E. E. 2008. In *Rossiiskaya arkheologiya (Russian archaeology)*, 1, 28–34 (in Russian).
15. Shevnina, I. V. 2014. *Goncharstvo neoliticheskikh plemen Torgaya (Pottery tradition of Neolithic Torgay)*. Astana: Branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ. (in Kazakh, Russian and English).

About the Author:

Kalieva Zhanargul S. Magistr of archeology, scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Nur-Sultan, Kazakhstan; zhkalieva@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсеті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 25.08.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 02.09.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 09.09.2019.

ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕСИНШИТОБЕ В ОТАРСКОМ ОАЗИСЕ

© 2019 г. А.К. Авизова, Е.А. Есжан, С.Ш. Акылбек

В статье публикуются новые материалы из раскопок городища Бесиншито́бе в Отарском оазисе. В основе памятника залегают руины архитектурного сооружения кангюйского времени, в оплыве и завале которого были произведены захоронения усопших. Систематическое изучение его началось в 2015 г. и продолжается по настоящее время. За четыре полевых сезона были выявлены около 50 погребений, 19 из них обнаружены и вскрыты в 2018 г. Все они представлены впускными погребениями в простых ямах без дополнительных конструкций. Проследить форму могильной ямы не всегда удавалось, однако в большинстве случаев она имела узкую продолговатую форму с закругленными углами. По обряду эти погребения различаются. Выделяются погребения без сопроводительного инвентаря, захоронения в глиняных сосудах, помещенных в могильные ямы и погребения с инвентарем. Наиболее ранними являются погребения с сопроводительным инвентарем. Ориентация костяка головой на северо-запад и на северо-запад с небольшим отклонением к северу, а также отсутствие сопроводительного инвентаря позволяет считать захоронения первой группы мусульманскими. Большая часть из этих могил датируется караханидским временем, остальные предварительно относятся к XIII–XV вв.

Ключевые слова: археология, Отарский оазис, городище, впускные погребения, искусственная деформация черепа, керамика, монета, наконечники стрел, погребения в сосудах

Введение

В 2015 г. археологический отряд Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова начал раскопки на городище Бесиншито́бе [Байпаков, Авизова, 2015, с. 182–214]. Работы первого полевого сезона (траншея I) позволили выявить здесь остатки крупного монументального сооружения начала I тыс. н.э., возведенного на глинобитной платформе. В 2016 и 2017 гг. раскопочные работы велись на верхней площадке бугра (раскопы I и II). Юго-западная стена центрального сооружения прослежена в длину на 2,5 м, северо-западная

стена – на более чем 9 м [Байпаков и др., 2016, с. 395–413; Байпаков и др., 2017, с. 17–22]. При вскрытии западного и северо-западного участка центральной части древней постройки были обнаружены 29 разновременных впускных погребений. Все они совершены в ямах, впущенных в руины этого сооружения.

Описание материала

В 2018 г. работы велись в северо-западной части верхней площадки городища. Раскоп размерами 12×13 м был заложен рядом с раскопом II 2017 г. (рис. 1). Два длинных помещения, обнаруженные на этом участке

здания, были вскрыты лишь частично (рис. 2). Полы помещений зафиксированы на уровне конца VI яруса (рис. 3). Из завала конструкций и пола получены керамическая курительница и фрагменты лепной керамики. При вскрытии помещений центрального здания обнаружены еще 19 захоронений (рис. 4). Из них 18 зафиксированы на глубине 0,6–1,25 м от поверхности холма, одно – на глубине 2 м.

Самыми многочисленными являются погребения, для которых не характерен сопроводительный инвентарь (15 из 19). Из них шесть принадлежало детям (погребения № 30, 31, 33, 34, 36, 39), восемь – взрослым индивидуумам (погребения № 30, 32, 35, 37, 40, 41, 44, 45, 47).

Детские погребения имеют различную степень сохранности. В некоторых могилах отдельные кости смещены или вовсе отсутствуют. Для них характерно вытянутое положение на спине головой на СЗ. В двух случаях костяк ориентирован головой на ССЗ. В одном случае череп погребенного ребенка покоился на правой височной кости. В других погребениях – череп на затылке, лицо обращено вверх. В остальных могилах череп представлен отдельными костями. Руки умерших лежали вдоль туловища, иногда руки согнуты в локте, ноги расположены параллельно друг другу. Лишь один из них уложен со слегка согнутой в коленях правой ногой, а кости левой ноги смещены.

Рис. 1. Контуры раскопов 2015–2018 гг.

Fig. 1. Outline of excavations 2015–2018

Погребения № 32, 35 и 41 принадлежат взрослым индивидуумам. Для них характерно вытянутое положение на спине головой на ССЗ.

В погребении № 32 череп уложен на правом виске, повернут лицом к западу. Левая рука согнута в локте под прямым углом, правая рука сложена на груди, ноги расположены параллельно друг другу, кости стоп скрещены (левой ноги лежали на правой).

Череп погребенного № 35 покоился на правом виске лицом к юго-западу, левая рука согнута в локте под прямым углом, правая рука вытянута вдоль тела. Ноги расположены параллельно друг другу, кости стоп чуть отведены в сторону. Область грудной клетки (кости лопаток, ребер, позвонков) подвергалась горению. Ритуал

неполного трупосожжения с покойником совершался, по-видимому, в другом месте, так как следы огня внутри могилы не зафиксированы.

В погребении № 41 череп лежал на затылке, но чуть повернутый на правый висок, лицом к западу. Левая рука погребенного полусогнута в локте, кисти руки уложены на тазовых костях. Правая рука согнута в локте под прямым углом, кисти руки положены на левое предплечье.

Для следующих трех погребений характерно вытянутое положение на спине головой на северо-запад. У всех череп - на правом виске, повернут лицом к юго-западу. Положение кисти рук погребённых представлено в разнообразных вариантах.

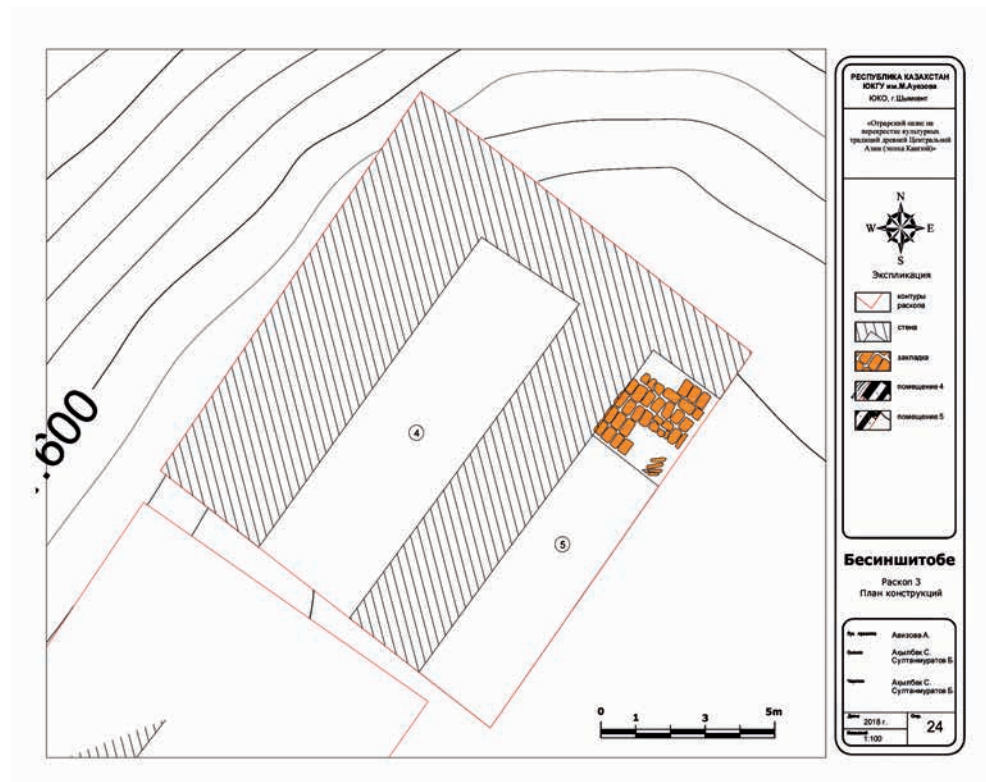

Рис. 2. План раскопа III, 2018 г.

Fig. 2. Excavation Plan for III, 2018

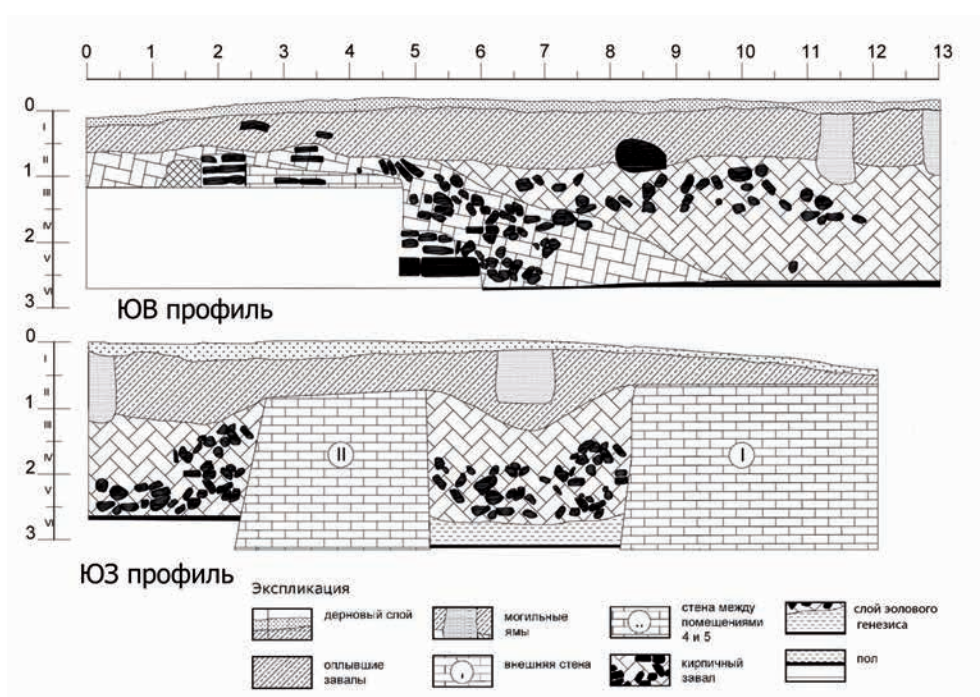

Рис. 3. Профиль раскопа III, 2018 г.

Fig. 3. Profile excavation for III, 2018

В погребении № 37 обе руки покойника полусогнуты в локтях и скрещены (кости правой руки лежали на левой), кости кисти рук лежали на тазовых костях. Ноги расположены параллельно друг другу, кости стоп сведены вместе.

В погребении № 40 руки покойника полусогнуты в локте, кисти рук располагались на тазовых костях. Ноги расположены параллельно друг другу, кости стоп чуть отведены в стороны. Череп костяка № 45 находился на затылке, лицо обращено вверх. Руки согнуты в локтях под прямым углом, кисти рук уложены на животе.

В погребениях № 44 и 47 не представляется возможным определить ориентировку погребенных и установить позу по причине слишком плохой сохранности. Первое оказалось разрушенным, кости перемеша-

ны, череп отсутствовал. Во второй могиле обнаружено несколько ребер и череп.

Погребальная яма № 42 расположена над погребением № 47. Прямоугольного очертания могила размерами 2,5×1×0,2 м, края которой были обложены кладкой из двух рядов жженого кирпича размерами 25×25×5 см и 27×27×5 см, оказалась пустой.

Выделяется погребение № 48, совершенное в лежащем на боку хуме горловиной на северо-восток. Сосуд расположен на глубине 1–1,25 м от поверхности холма. У него вытянутое яйцевидное тулово, резко покатые плечики, диаметр небольшого плоского дна чуть меньше диаметра венчика (рис. 6, 16). Высота около 80 см, диаметр тулова равен 58 см, диаметр венчика и дна 32–30 см. Отогнутый наружу высокий прямой вен-

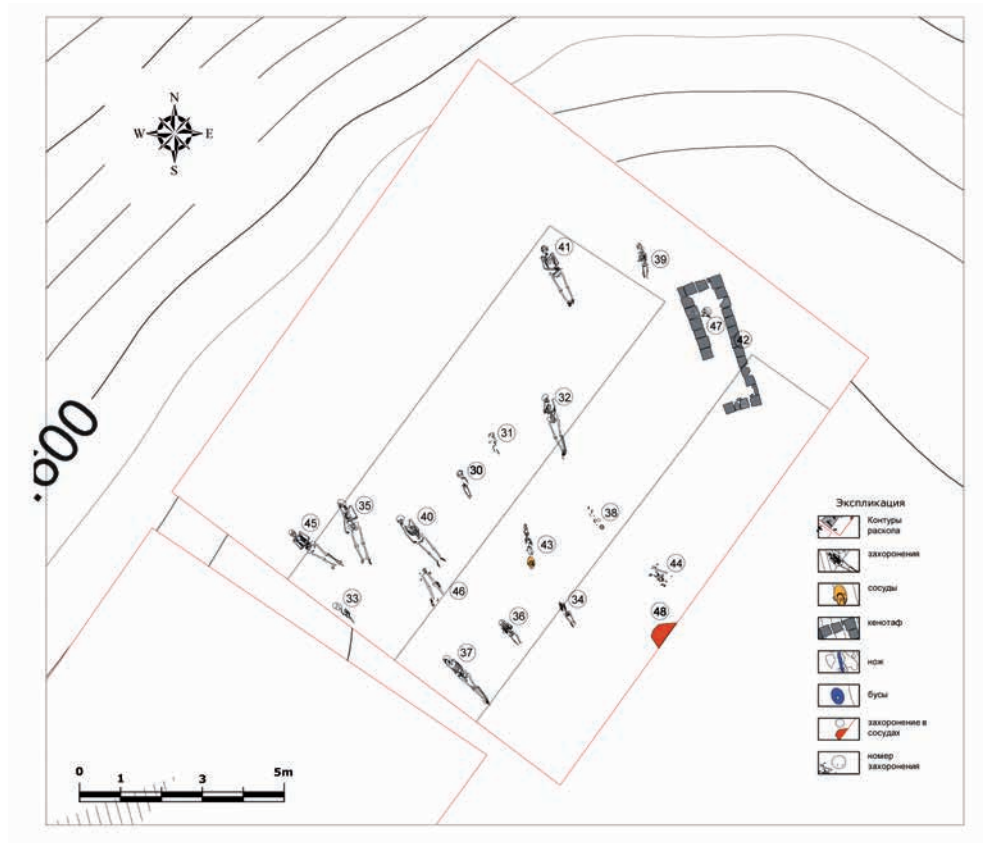

Рис. 4. План раскопа III, погребения

Fig. 4. Excavation Plan for III, burial

чик (h – 4,5 см) подпрямоугольный в сечении с относительно плоским бережком посажен в узкую горловину. Венчик снаружи орнаментирован двумя рядами наклонных пальцевых вдавлений. Сосуд изготовлен ручной лепкой, с наружной стороны покрыт целиком, а внутри – лишь по горлу светлым ангобом, тщательно заглажен. Поверх ангоба густой красно-коричневой краской нанесены потеки, идущие от горловины вниз до дна. Дно имеет отпечатки ткани. Аналогичные хумы достаточно широко представлены в керамических комплексах Средней Сырдарьи VII–VIII вв., таких как, например, на городище Отрар [Акишев и др., 1972, с. 89–90, рис. 43, 1; 44,

1, 2], Ботайтобе [Акишев и др., 1972, с. 145, рис. 110], Жамантобе [Акишев и др., 1972, с. 152, рис. 120], Куюк-Мардан [Авизова, 2014, с. 202–221], в верхнем строительном горизонте городища Сидак [Смагулов, Яценко, 2014, с. 275–281, рис. 4, 2–3].

В хуме выявлено детское коллективное захоронение с нарушенным анатомическим порядком костей. Кости в целом имеют хорошую сохранность, принадлежат девяти младенцам примерно одинакового возраста. В заполнении при расчистке был найден амулет из раковины с отверстием. Других находок не было.

В следующую группу входят три захоронения с сопроводительным инвентарем.

В погребении № 38 обнаружен неполный скелет ребенка (рис. 5). Кости черепной коробки найдены по отдельности. Смещение и отсутствие некоторых костей не позволяет определить положение рук и ног покойника. Однако заметно, что ребенок уложен в вытянутом положении на спине головой на юго-восток. В области живота найдена крупная бусина из стеклопасты (рис. 6, 1). Около головы сверху положена красноглиняная кружка из плотного светло-коричневого теста (рис. 6, 4). Сосуд имеет округлое приземистое тулово, вытянутую горловину, переходящую в прямую слегка отогнутую наружу закраину. Поверхность сосуда покрыта красным ангобом и лощена. Высота кружки 8 см, диаметр венчика 6,5 см, диаметр тулова 9 см, диаметр донца 6 см.

Погребение № 43 совершено в вытянутом положении на спине головой на юг. Костяк принадлежит ребенку. Череп на затылке, лицо обращено вверх. Череп удлиненный, очень высокий, со следами искусственной деформации. Локтевые кости не сохранились, ноги вытянуты параллельно друг другу. На тазовых костях расчищен небольшой железный нож (рис. 6, 10). Слева от головы найдена крупная бусина (рис. 6, 2). За черепом стоял красноглиняный кувшин с вертикальной ручкой и цилиндрическим носиком (рис. 6, 6). Высота сосуда составила 25 см, диаметр венчика 8 см, диаметр тулова 16,5 см, диаметр донца 9 см. На устье кувшина была положена небольшая красноглиняная чаша с высокой отогнутой наружу закраиной (рис. 6, 5). Высота чаши 6 см, диаметр венчика 8,5 см, диаметр донца 4,5 см.

Погребение № 46 обнаружено при расчистке юго-восточной стены помещения № 4 на глубине 2 м. Моги-

ла ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Северо-западная половина могильной ямы была вырыта в завале помещения, а юго-восточная половина ее врезана в стену помещения. Костяк взрослого человека был уложен в вытянутом положении на спине головой на юго-восток. Череп – на затылке, руки – вдоль туловища, ноги параллельны друг другу. Череп плохой сохранности, основание его разрушено, остальные кости, в целом, хорошо сохранились. Область грудной клетки погребенного подвергалась воздействию огня (лопатки, ребра, отдельные позвонки).

Погребенного сопровождал комплекс железных предметов. Над правым плечом и в области живота расчищены фрагменты железных удили с псалями (рис. 6, 15). Слева от таза лежал нож средних размеров: длина лезвия 15 см, черенок – около 4–5 см (рис. 6, 12). В области пояса под тазовыми костями обнаружены – маленький нож, П-образный стержень, пластина и крючок (рис. 6, 11, 13, 14). Под правой кистью погребенного лежали железные черешковые трехперые наконечники стрел с ромбовидной головкой. Длина наконечников 7,5–8 см. Головки ромбической формы, длина – 4 см, высота пера около 1 см. Длина черешка 3,5–4 см (рис. 6, 8, 9).

Аналогичные наконечники стрел известны в материалах погребальных комплексов Средней Азии, Поволжья, Приуралья, Южной Сибири и других регионов с начала I тыс. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81, рис. 3, 4; Литвинский, 1965, с. 75–91; 1968, с. 102, рис. 8; Сорокин, 1956; Худяков, 1986, рис. 3–6]. Железные черешковые трехперые наконечники стрел с ромбовидной головкой наибольшее распространение получают в IV–V вв. и доживают до VII–VIII вв. [Хазанов,

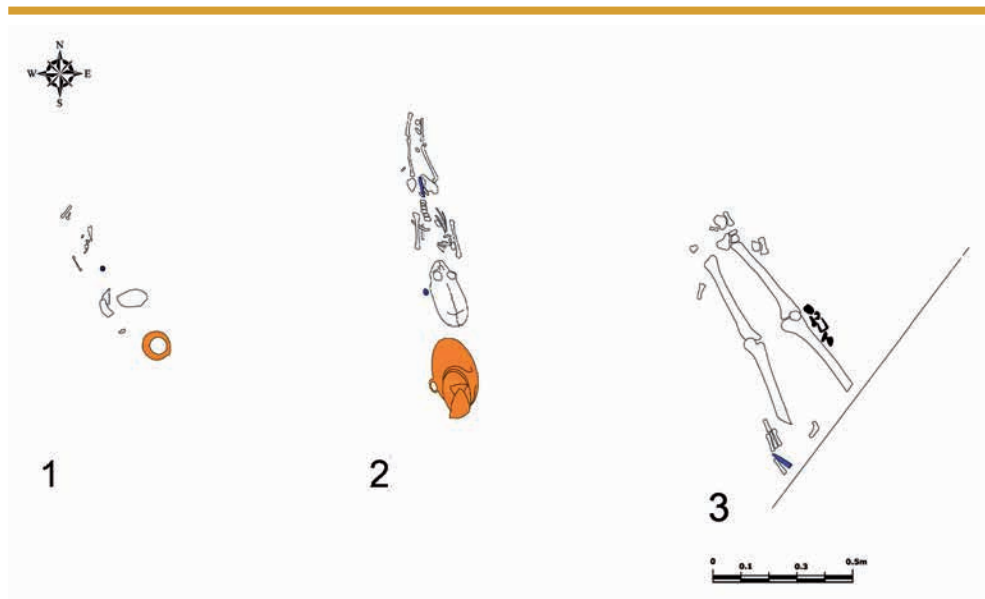

Рис. 5. Ориентация и ритуальная поза погребенных. 1 – погребение № 38; 2 – погребение № 43; 3 – погребение № 46

Fig. 5. Orientation and ritual posture of deceased. 1 – burial no. 38; 2 – burial no. 43; 3 – burial no. 46

1971, с. 40–41, табл. XIX, 29–31, 36; табл. XXII, 10, 11]. Наконечники этого типа встречаются также в погребениях Конуртобе 1, Борижар, Сидак [Байпаков и др., 2005, с. 18, 22, 28, рис. 1, 16; фото 3, 8], Актобе 2 [Максимова и др., 1968, с. 75–76, рис. 32], Кызылкайнар-тобе [Мершиев, 1970, с. 79–92, рис. 32] и датируются IV–V вв.

В ходе вскрытия верхних слоев раскопа (I – начало II яруса) обнаружены многочисленные фрагменты крупной тарной посуды. Всего было шесть фрагментов венчиков и семь крупных обломков донцевых частей, остальные – стенки. Сосуды встречались отдельными фрагментами, иногда – скоплениями крупных обломков. Возможно, они являются остатками разрушенных погребений в сосудах при устройстве более поздних могил. Судя по количеству обломков сосудов, этот участок холма в более раннем периоде могли занимать захоронения в хумах.

По форме хумы и хумчи представлены несколькими разновидностями. Имеется фрагмент лепного хума с шаровидным туловом. Отогнутый наружу подквадратный в сечении венчик отделен от плечика неглубокой ложбиной. Диаметр венчика 44 см. Сосуд изготовлен из сероватой глины с примесью песка и дресвы, обжиг хороший. Поверхность покрыта светло-красным ангобом, украшена потеками более темной краски. Есть фрагменты хумов, аналогичных сосуда из погребения № 48. Диаметр венчика 28–32 см.

Отличительным признаком большинства хумов являются отпечатки ткани на днищах. Широкие, плоские, не совсем ровные донца сосудов имеют диаметр от 30 до 42 см (рис. 7, 8). Есть экземпляры, формованные на песчаной подсыпке.

Имеются обломки тонкостенной корчаги, изготовленной ручным

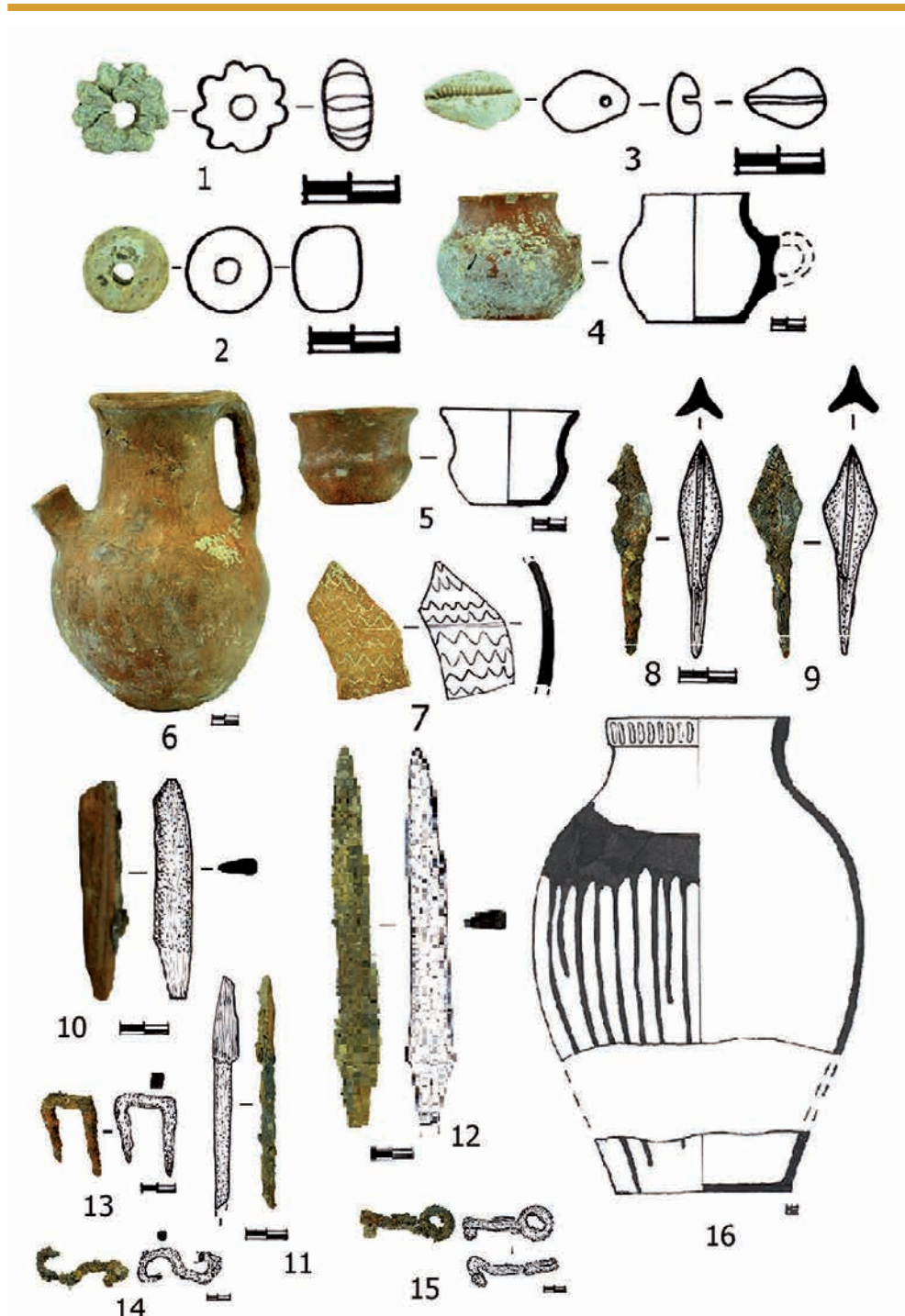

Рис. 6. Находки из погребений

Fig. 6. Finds from burials

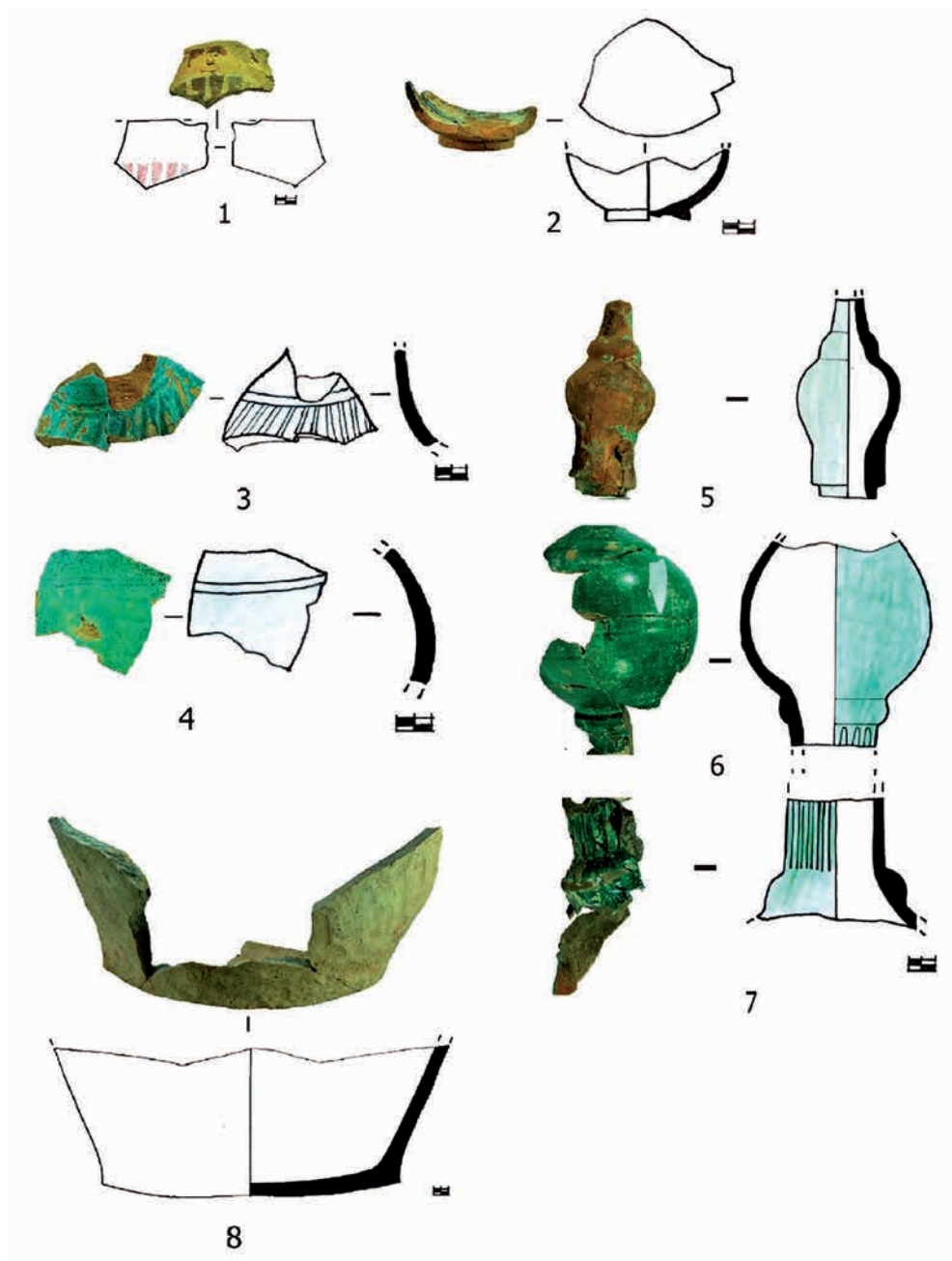

Рис. 7. Находки из верхнего горизонта бугра

Fig. 7. Finds from the upper horizon of the hill

способом из хорошо отмученной глины. Черепок в изломе кирпично-красного цвета. Поверхность сосуда с обеих сторон покрыта темно-красным ангобом. Плечики украшены прочерченным волнистым орнаментом

(рис. 6, 7). Плечики другой хумчи украшены прочерченным ромбовидным орнаментом, нанесенным широкой мягкой палочкой по сырой глине. Поверхность сосуда покрыта серым ангобом и лощена.

Помимо описанных выше сосудов можно отметить несколько обломков кувшинов, фрагменты глазурованной посуды и бронзовую монету раннетюркского времени, найденные при снятии верхних слоев уровня I–II ярусов (рис. 7, 1–7).

Вся посуда из верхних слоев, за исключением хумов и хумчи, изготовлена на гончарном круге. Глазурованная посуда представлена в основном мелкими обломками стенок, придонных частей блюд и чаш. Среди них выделяются фрагменты горшка со сферическим туловом, покрытого голубой не прозрачной поташевой глазурью. Плечики одного украшены наклонными линиями, второго – горизонтальными. Встречаются фрагменты блюд, покрытых плотной непрозрачной коричневой и зеленой поливой. Из-за повышенной засоленности поверхности холма Бесиншитобе у некоторых фрагментов сохранились лишь участки глазури. К этой же группе относятся куббы – детали от купола мечети, покрытые плотной непрозрачной зеленой глазурью снаружи.

Обсуждение

По характеру погребального обряда все захоронения разделяются на три группы. Первую из них образуют безынвентарные погребения. Во всех могилах встречены одиночные захоронения. Все умершие положены непосредственно на дно могилы. Важной отличительной особенностью погребений без сопроводительного инвентаря является ориентировка головы погребенного на северо-запад и на северо-запад с небольшим отклонением к северу. Особняком в этой группе стоит захоронение № 42, края могильной ямы которого оформлены кирпичной кладкой. Выделяются также могильные ямы, перекрытые клад-

кой из сырцового кирпича. В одном из погребений зафиксировано неполное сожжение умершего. Наиболее ранние погребения этого комплекса относятся к IX–XII вв.

Вторая небольшая группа включает погребения в крупных глиняных сосудах, помещенных в ямы. Всего обнаружено три захоронения. Все они детские, одно из которых коллективное. В одном из сосудов вместе с погребенным находилась бронзовая монета, в другом – амулет-раквина. На основании аналогий данную группу можно отнести к VII–VIII вв.

Третья группа объединяет одиночные захоронения с сопроводительным инвентарем. Наблюдаются различные вариации в ориентации головы: северная, северо-западная, северо-восточная, юго-восточная, юго-западная. Присутствуют случаи искусственной деформации черепа и ритуал неполного трупосожжения. Для всех могил характерен довольно скудный сопроводительный инвентарь: один–два сосуда, изредка железный нож, из предметов украшения – единичные бусы. Оружие имелось в двух погребениях, идол – в одном. Наиболее ранние погребения данной группы на Бесиншитобе относятся к IV–V вв.

Выводы

Таким образом, погребальные сооружения могильника Бесиншитобе представлены однотипными простыми могильными ямами, в которые помещались погребения, и погребения в глиняных сосудах. По характеру погребальных обрядов их можно разделить на три группы: безынвентарные погребения IX–XII и XIII–XV вв., захоронения в глиняных сосудах VII–VIII вв. и погребения с сопроводительным инвентарем IV–V вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авизова А.К. Исследования городища Куюк-Мардан на юге Казахстана // Вопросы истории Кыргызстана. 2014. № 3–4 (31). С. 202–221.
2. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: «Наука», 1972. 215 с.
3. Байпаков К.М., Авизова А.К. Раскопки городищ Пшакшито́бе и Бесиншито́бе в Отрарском оазисе // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6. С. 182–214.
4. Байпаков К.М., Авизова А.К., Есжан Е.А., Акылбек С.Ш. Раскопки городища Пшакшито́бе эпохи Кангюй // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. матер. междунар. научн. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 395–413.
5. Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: «Баур», 2005. 224 с.
6. Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: «Наука», 1987. С. 81–84.
7. Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 75–91.
8. Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: «Наука», 1968. 263 с.
9. Мершиев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-то́бе I–IV веков и захоронение на нём воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1970. С. 79–92.
10. Смагулов Е.А., Яценко С.А. Новые находки серий доисламских знаков/тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культо́бе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 275–281.
11. Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 3–14.
12. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: «Наука», 1971. 169 с.
13. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: «Наука», 1986. 268 с.

Сведения об авторах:

Авизова Айман Карайдаровна – кандидат исторических наук, доцент, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Казахстан); aimanavizova@mail.ru

Есжан Ержан Ауелханулы – научный консультант, ТОО «Archeo-service» (Шаульдер, Казахстан); erjan7070@mail.ru

Акылбек Серик Шаймерденулы – заместитель директора по научной работе, Отрарский государственный археологический заповедник-музей (Шаульдер, Казахстан); s_akylbek@mail.ru

ОТЫРАР АЛҚАБЫНДАҒЫ БЕСІНШІТӨБЕ ҚОРЫМЫНЫҢ ЖЕРЛЕУ ҚАБІРЛЕРІ

А.К. Авизова, Е.А. Есжан, С.Ш. Ақылбек

Мақалада Отырар алқабындағы Бесіншітөбе қалашығындағы қазбалардан алынған жаңа материалдар жарияланып отыр. Ескерткіштің негізінде кангюй дәуірінің сәулеттік ғимараты жатыр. Құрылыс қирандылары мен шөгінділерінде адамдардың мүрделері жерленген. Жүйелі зерттеулер 2015 ж. басталып, олар қазірге дейін жалғасуда. Осы уақыт аралығында 50-ге жақын қабірлер ашып зерттелген, соның ішінде 19 қабір 2018 ж. далалық маусымында табылған. Олардың барлығы ежелгі ғимарат қирандысының үстінен қазылған қосымша құрылыссыз қарапайым молалар түріндегі қабірлер болып табылады. Мола шұңқырларының пішінін барлық жағдайда анықтау мүмкіндігі болмады, алайда көпшілік жағдайда ол бұрыштары дөңгеленген ұзыншақ пішінге ие болған. Жерлеу дәстүрі бойынша бұл қабірлер әртүрлі. Жерлеу бұйымдары жоқ қабірлер, молаларға қойылған қыш ыдыстарына салып көму және жерлеу бұйымдарымен қоса жерлеу салт-дәстүрлері кездеседі. Олардың арасында ең ерте қабірлер жерлеу бұйымдарымен қоса жерленгендері болып табылады. Мүрденің басымен солтүстік-батысқа бағытталуы және солтүстік-батыстан солтүстікке қарай ауытқып бағытталуы, сондай-ақ жерлеу бұйымдарының болмауы бірінші топты мұсылмандық қабірлер деп санауға мүмкіндік береді. Осы зираттардың басым бөлігі Қарахан заманында, қалғандары шамамен XIII–XV ғғ. жатады.

Түйін сөздер: археология, Отырар алқабы, қалажұрт, мәдени қабаттағы қабірлер, бас сүйегінің жасанды деформациясы, қыш, теңге, жебенің ұштары, ыдыстағы жерлеу

BURIALS FROM BESINSHITOBE IN THE OTRAR OASIS

A.K. Avizova, Y.A. Yeszhan, S.Sh. Akylbek

The article publishes new materials from the excavations of hillfort Besinshitobe in the Otrar oasis. At the base of the monument lie the ruins of the architectural structure of the Kangyu epoch. These burials were made in the ruins of buildings. Its systematic study began in 2015 and continues to the present. During this time, about 50 burials were discovered here, 19 of them were discovered and opened in the 2018 field season. All of them are represented by inlet burials in simple pits without additional structures. It was not always possible to trace the shape of the grave pit, but in most cases it had a narrow oblong shape with rounded corners. According to the rite, these burials differ. Burials without accompanying inventory, burial in earthen vessels placed in grave pits and burials with inventory are distinguished. The earliest are burials with accompanying inventory. Orientation of the backbone head to the north-west and north-west with a slight deviation to the north, as well as the lack of accompanying equipment allows us to consider the burial of the first group as Muslim. Most of these graves date from the Karakhanid epoch, the rest are preliminary to the 9th–12th centuries A.D.

Keywords: archaeology, Otrar oasis, hillfort, inlet burials, artificial skull deformation, ceramics, coin, arrowheads, burials in vessels

REFERENCES

1. Avizova, A. K. 2014. In *Voprosy istorii Kyrgyzstana (Questions of the history of Kyrgyzstan)*, 3–4 (31), 202–221 (in Russian).
2. Akishev, K. A., Baipakov, K. M. Erzakovich, L. B. 1972. *Drevnii Otrar (topografiia, stratigrafiia, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

3. Baipakov, K. M., Avizova, A. K. 2015. In *Izvestiia Natsionalnoi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)*, 6, 182–214 (in Russian).
4. Baipakov, K. M., Avizova, A. K., Eszhan, E. A., Akylbek, S. Sh. 2016. In *Aktualnye problemy arheologii Evrazii (Actual problems of archeology of Eurasia)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 395–413 (in Russian).
5. Baipakov, K. M., Smagulov, Ye. A., Erzhigitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early medieval necropolis of South Kazakhstan)*. Almaty: “Baur” Publ. (in Russian).
6. Kozhombierdiev, I. K., Hudyakov, Ju. S. 1987. In *Voennoe delo drevnego naseleeniya Severnoi Azii (Military affairs of the ancient population of Northern Asia)*. Novosibirsk: “Nauka”, 81–84 (in Russian).
7. Litvinskii, B. A. 1965. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)*, 2, 75–91 (in Russian).
8. Maksimova, A. G., Mershchiev, M.S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary (Antiquities of Chardara)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Mershchiye, M. S. 1970. In Kadyrbayev, M. K. (ed.) *Po sledam drevnikh kultur Kazakhstana (In the footsteps of the ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka”, 79–92 (in Russian).
10. Smagulov, E. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 1 (3), 197–215 (in Russian).
11. Smagulov, E. A., Yatsenko, S. A. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazahstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: “EVO PRESS”, 275–281 (in Russian).
12. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Sketches of military affairs of the Sarmatians)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
13. Khudyakov, Ju. S. 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Juzhnoi Sibiri i Tsentralnoj Azii (Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Avizova Aiman K. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, M. Auezov South Kazakhstan State University, Shymkent, Republic of Kazakhstan; aimanavizova@mail.ru

Yeszhan Yerzhan A. Candidate of Historical Sciences, Scientific consultant, Archeo-service LLP, Shaulder, Kazakhstan; erjan7070@mail.ru

Akylbek Serik Sh. Deputy Director, Otrar state Archaeological museum-reservation, Shaulder, Kazakhstan; s_akylbek@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.05.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.05.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 21.05.2019.

ЗНАКИ ИДЕНТИЧНОСТИ (ТАМГА) И ПАМЯТНИКИ ТАМГОПОЛЬЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ДРЕВНОСТЬ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

© 2019 г. А.Е. Рогожинский

В статье дается характеристика разновременных групп памятников Казахстана, связанных с символическими изображениями – тамга. Предлагается типология недвижимых и портативных памятников с этими знаками, а также вводятся определения понятий «тамга» и «тамгопользование». Рассматриваются группы знаков тюркской эпохи (VI – начало X в.), которые оцениваются как тамги правящей элиты кочевников и родоплеменные тамги. Применение особых знаков идентичности (тамга) как маркера групповой принадлежности индивидов берет начало в эпоху бронзы, широко распространяется в позднеантичное время, переживает расцвет в раннее Средневековье, сохраняется в Новое время и доживает в измененном виде до наших дней. Предполагается, что инициатива тамгопользования принадлежала политическим и социальным элитам, которые внедряли эту практику для защиты корпоративных интересов и поддерживали ее на всех уровнях общественных связей.

Ключевые слова: археология, Казахстан, тамга, знаки идентичности, тюркская эпоха, Ашина, огузы, казахи

Начало нового века в археологии Казахстана и соседних стран отмечено нарастающим потоком публикаций, затрагивающих тематику *тамговедения* – специализированной дисциплины, формирующейся на стыке истории, археологии, этнографии, социологии, а также нумизматики, сфрагистики и эпиграфики. Тематика эта не нова, но современные исследования удостоверительных знаков как символов групповой (клановой, этнической, сословной, политической) идентичности отличаются рядом новых черт. Главными из них являются широкий территориальный охват и намечающийся системный подход специальных исследова-

ний. Первое ведет к быстрому заполнению информационных лакун на археологической карте страны и центрально-азиатского региона, что позволяет увереннее говорить об ареалах знаков кочевников древности и Средневековья, о векторах перемещения их обладателей, о первичных и вторичных районах расселения. Второе новшество, опирающееся на методологию междисциплинарного изучения палеокультурных ландшафтов [Рогожинский, 2012, с. 92–93], влечет за собой постановку вопросов классификации *памятников тамгопользования*, выявления их функциональных и временных связей с другими объектами, выяснения принципов

формообразования знаков и, наконец, идентификации тамговых символов на базе археологических, нумизматических, этнографических данных, сведений письменных источников, включая эпиграфические, и исторической географии. Параллельно с названными новациями формируется понятийно-терминологический аппарат, вырабатываются специальные формы регистрации и представления памятников в публикациях. Хотя для глубоких обобщений в этой отрасли время еще не пришло, накопленные материалы позволяют уже сейчас достаточно успешно решать некоторые важные вопросы: устанавливать возраст и принадлежность отдельных групп знаков, выявлять тенденции проявления практики тамгопользования в исторической ретроспективе, и др. Предлагаемый обзор имеющихся ресурсов не претендует на полноту, а имеет цель ознакомить специалистов с состоянием дисциплины и возможностями привлечения данных тамговедения в современных историко-археологических исследованиях.

Типология памятников тамгопользования и базовые дефиниции

Знаки идентичности древних периодов, Средневековья и Нового времени, известные в Казахстане и в горно-степных ландшафтах Центральной Азии, представлены на памятниках двух категорий: на *портативных предметах* и *недвижимых памятниках* археологии и архитектуры (рис. 1). Последние образуют самую информативную группу объектов. Тамги встречаются на сооружениях мемориально-культового назначения (стелы и изваяния, поминальные оградки, балбалы, надгробия, храмо-

вые постройки), а также в виде рисунков на скалах: *а)* в составе скопленных петроглифов («святых мест»); *б)* вблизи стационарных стоянок; *в)* как обособленные собрания знаков («энциклопедии»), которые представляют особый вид памятников истории и культуры, традиционно именуемый «*тамгалытас*». На портативных объектах знаки присутствуют: *а)* на монетах античных государств Трансоксианы (Кушанское царство, Хорезм), вассальных владений тюрок в Средней Азии и городских центров Шуской/Чуйской, Таласской долин и Средней Сырдарьи; *б)* на предметах культовой и бытовой утвари, на престижных изделиях (дорогая посуда, печати), на предметах воинского и конского снаряжения. Наибольшей информативностью для изучения вопросов землепользования, расселения и передвижений кочевых племен обладают тамги на недвижимых объектах, маркирующие места длительного обитания и ареалы, занимаемые в тот или иной период определенными группами номадов.

Памятники тамгопользования позднего Средневековья и Нового времени (XVIII – начала XX в.) преимущественно представлены погребально-культовыми мемориалами, петроглифами и предметами, но кроме того – письменными документами различного содержания и происхождения. На территории Казахстана идентифицируются памятники, оставленные туркменами, ойратами, кыргызами, казахами и сословными группами казахского общества (торе, кожа, толenguты). Именно эта хронологически относительно поздняя группа аутентичных памятников составляет особенно важный ресурс

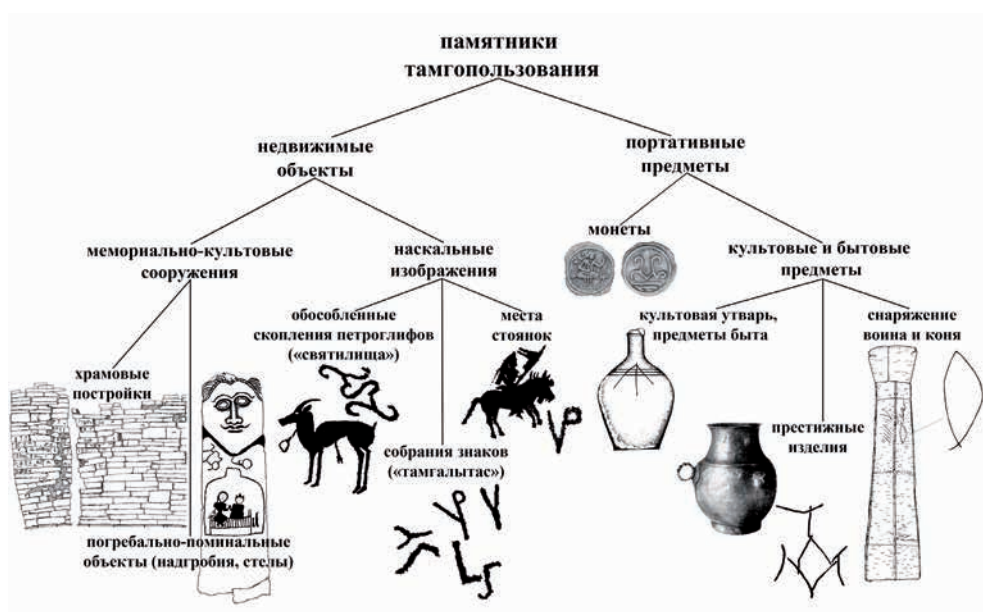

Рис. 1. Типология памятников тамгопользования. Составитель: А.Е. Рогожинский

Fig. 1. Typology of sites of tamga used. Compiled by: А.Е. Rogozhinskiy

тамговедения, как наиболее обеспеченная текстами (эпиграфическими и на бумаге), который позволяет полнее изучать нормы традиционного применения символов типа тамга в культуре перечисленных народов.

Наконец, практика тамгопользования сохраняется в современном обществе Казахстана и многих стран региона, переживая новый этап своего развития, приобретая новые формы и значения. Феномен тамгопользования является достоянием культуры большинства, если не всех коренных народов Центральной Азии, поэтому полноценное изучение древних и средневековых знаков идентичности должно опираться и на выявление особенностей функционирования этой знаковой системы в нынешних условиях.

Современные представления о природе символических изображе-

ний типа тамга и практике их применения древними, средневековыми и современными народами Казахстана и Центральной Азии, в разной мере сохраняющими до настоящего времени культурные традиции номадизма, позволяют предложить следующие базовые дефиниции:

тамга – это знак идентичности, удостоверяющий принадлежность его предъявителя к определенной социальной группе (роду, племени, словию, правящему клану), которая выступает коллективным субъектом обычного права для защиты корпоративных и личных интересов ее членов;

тамгопользование – практика применения особых знаков идентичности, исторически обусловленная возникновением и действием внутренних и внешних факторов существования кочевых обществ, при которых

происходит обособление групповых интересов, а их правовая защита нуждается в визуальном обозначении, в создании зримых сигналов-маркёров типа тамга в среде обитания, в сфере регулируемых общественных отношений (имущественных, управленческих, охранительных).

Следует подчеркнуть, что предлагаемые формулировки служат обозначению двух ключевых понятий, связанных с социальной практикой, сложившейся на основе подвижного скотоводческого уклада, в то время как в обществах иного типа (оседлых и полuosедлых) условия применения знаков идентичности и принципы их формообразования, по-видимому, существенно отличались. Возможно, со временем будут установлены и другие историко-культурные факторы, определявшие специфику тамгопользования у разных народов региона в прошлом и настоящем [Яценко, 2001, с. 107–109].

Хронологические группы памятников тамгопользования Казахстана

Эпоха бронзы. Некоторые неfigurативные изображения, известные сегодня как образцы изобразительного творчества эпохи бронзы, можно рассматривать в качестве наиболее ранних знаков групповой идентичности. К ним относится серия знаков двух форм: в виде «Y» («бакан») и прямого креста. Оба знака связаны с сооружениями и предметными находками в закрытых комплексах Прииртышья (Измайловка, Кучук), Притобoлья (Новоильиновский) и Казахского мелкосопочника (Дандыбай, Бесоба) [Усманова, 2011; Тишкин и др., 2016; Кукушкин, Дмитриев, 2017, с. 190–191, рис. 4], а также воспроиз-

ведены порознь и вместе на открытых скалах в составе нескольких местонахождений петроглифов – в Прииртышье (Акбидайык), Каратау (Сауыскандык, Арпаозен) и Шу-Илейских горах (Кулжабасы) [Рогожинский, 2016а, рис. 1, 1–4]. Знаки сохраняют форму в разных вещественных воплощениях (на предметах, сооружениях, гравюрах на скалах) на обширной территории в ареалах определенных культурно-исторических образований. Наблюдается устойчивая связь знака-креста с андроновским (федоровским) культурным массивом Центрального и Южного Казахстана, а для идентификации знака-«бакана» определяющими являются помеченные такой тамгой предметы из памятников бегазинского круга (Дандыбай, Измайловка). Знаки типа «бакан» на портативных изделиях (глиняной посуде и металлическом изделии), обнаруженных столь удаленными друг от друга, сложно рассматривать в качестве личной метки мастера, равно владевшего искусством бронзолитейщика и гончара, или обладателя перечисленных вещей. По-видимому, неоднократно зафиксированные на разных территориях факты создания единообразных знаков обоих видов делают правомерным их выделение как маркеров не узкогрупповой (клановой), а *этнокультурной* идентичности.

Эпоха раннего железа. Тамги кочевников этой эпохи представлены петроглифами, иногда входят в композиции с выразительными сериями зооморфных и антропоморфных изображений или соседствуют с ними (рис. 2, 3, 9), что позволяет установить относительный возраст знаков; в иных случаях основанием служат

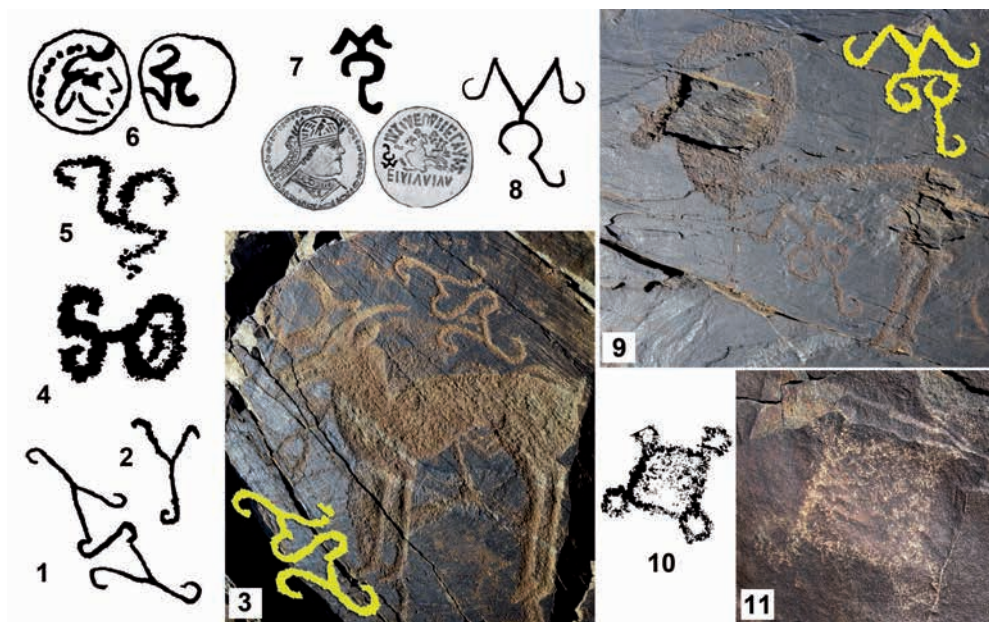

Рис. 2. Тамга-петроглифы поздней античности: 1 – Каракавак (Мангистау); 2, 4 – Кемер, Арпаозен (Каратау); 3, 9 – Акколь (Шу-Илейские горы); 5 – Калмакэмель (Северное Прибалхашье); 8 – Байте III (Устьюрт); 10 – Томар (Тарбагатай). 6, 7 – тамги на монетах Хорезма (по: [Вайнберг, 1977]). Фото и прорисовки знаков А.Е. Рогожинского

Fig. 2. Tamga-petroglyphs of Late Antiquity: 1 – Karakavak (Mangistau); 2, 4 – Kemer, Arpaozen (Karatau); 3, 9 – Akkol (Shu-Ile Mountains); 5 – Kalmakemel (Northern Balkhash); 8 – Bayte III (Ustyurt); 10 – Tomar (Tarbagatay). 6, 7 – tamgas on the coins of Khorezm (by: [Vainberg, 1977]). Photographs and drawing signs by A.E. Rogozhinskiy

аналогии тамгам из других областей региона. Количество выявленных знаков невелико, но в типологическом плане вся группа репрезентативна и насчитывает 12–13 форм. Знаки зафиксированы в составе не менее 10 местонахождений в Каратау, Кыргызском Алатау, Шу-Илейских горах и Жетысуском Алатау на юге Казахстана, а также в Северном Прибалхашье, Калбинских горах и Тарбагатае. Преобладают одиночные знаки, включенные в контекст обособленных скоплений наскальных рисунков («святых мест»), в то время как тамги, связанные своим расположением со стоянками той же эпохи, пока не обнаружены.

Тамга-петроглифы этого периода немногочисленны, не создают больших серий однотипных знаков на какой-то отдельной территории; их местонахождения удалены друг от друга на большие расстояния, а точные аналогии знакам обнаруживаются как на востоке (Южная Сибирь и Монголия), так и на западе (Приаралье, Прикаспий, Северное Причерноморье). Некоторые знаки (рис. 2, 5–9) идентифицированы как эмблемы кушанских и хорезмских правителей поздней античности или представителей привилегированных кланов кочевников «сарматского круга» [Rogozhinskii, Yatsenko, 2015;

Рогожинский, 2016в]. Сделанные наблюдения позволяют рассматривать тамги этой группы как эмблемы политической идентичности – *знаки власти* отдельных аристократических родов, возглавлявших разные объединения кочевников в ходе их перергруппирования и расселения на новых территориях в переломную гунно-сарматскую эпоху.

Иную категорию памятников тамгопользования образуют знаки на керамических сосудах и других предметах, происходящих из оседлых поселений и некрополей присырдарьинских оазисов. Систематизация этих массовых находок и сравнительное изучение знаков активно проводятся в последние годы [Яценко, Смагулов, 2014].

Средневековье. Знаки этой длительной исторической эпохи особенно многочисленны, разнообразны и представлены всеми выделенными типами памятников тамгопользования. Тамга-петроглифы тюркской эпохи (VI – начало X в.) составляют наибольшую долю известных памятников и обнаружены практически во всех регионах Казахстана: десятки местонахождений изучены на широком пространстве от Алтая и Тарбагатай на востоке до Устюрта и Мангыстау на западе, включая область Сарыарки и предгорную зону Тянь-Шаня. Разнообразием форм знаков и их разновидностей отличаются тамги на раннесредневековых монетах урбанизированных областей долин Шу, Таласа и Сырдарьи, а также граффити на керамике и других предметах. Однако тамга-петроглифы X–XII вв. представлены единичными образцами и локальными сериями в собраниях знаков на юге и западе Казахста-

на, а выявление таковых на других территориях и в иных возможных воплощениях остается делом будущего. Сходным образом дело обстоит с памятниками тамгопользования монгольского и послемонгольского времени (XIII–XV вв.): если нумизматический материал чагатайского и джучидского чекана дает определенную серию династических эмблем Чингизидов и других символов [Петров и др., 2014], то недвижимые памятники, отмеченные подобными тамгами этого периода, в ландшафтах страны практически не изучены. К наименее известным нужно отнести памятники тамгопользования позднего средневековья (XVI–XVII вв.), непосредственно связанные с завершением процесса формирования жузов и этнической территории казахов. К этому этапу относится группа знаков на строительных кирпичах мавзолея Алаша-хан в Улытау [Хорош, 2010, с. 368–371, рис. 10–12]; образцы подобных и других знаков, имеющих сходство с тамгами казахов, найдены в южных регионах страны – как тамга-петроглифы возле стоянок и на могильных камнях [От Алтая до Каспия, 2011, с. 583–585].

Новое время. Богатый материал по тамгам туркменских и казахских племен позднего Средневековья и XVIII–XIX вв. представляют погребально-культовые памятники Западного Казахстана. Нередко сопровождаемые содержательной эпиграфикой эти памятники аутентичны, несут на себе серийные образцы разнотипных знаков, служат ценным источником по многим вопросам тамгопользования туркмен и казахских племен Младшего жуза, осваивавших земли Северо-Восточного Прикаспия

[Ажигали, 2002, с. 450–466]. Ценные сведения по тамгам казахских Чингизидов, включая членов ханской фамилии Букеевской орды, а также по сословным знакам идентичности других групп казахского общества содержат надгробные памятники некрополей волго-уральских степей [Муминов и др., 2014; Мырзагалиева, 2014]. Менее изученными и документированными являются памятники тамгопользования казахов других регионов, представленные как надгробными сооружениями, отмеченными знаками, так и метками на скалах вблизи горных стоянок в Тарбагатае, Жетысуском Алатау, Шу-Илейских горах и Каратау. Особую группу образуют тамги, связанные с водными источниками – колодцами, родниками [Историко-культурный атлас, 2011, с. 171–177, рис. 95–102].

До недавнего времени ойратские тамги не привлекали внимание исследователей, а их идентификация вызывала затруднение. Между тем, находки ойратских тамга-петроглифов, которым в отдельных случаях сопутствует молитвенные тексты, известны в Жетысу/Семиречье и Восточном Прииртышье. Знак в виде равнобедренного треугольника (буу-тамга) присутствует на скале с тибетскими надписями у Кегенского арасана – почитаемого минерального источника, располагавшегося на территории жонгарской урги конца XVII – середины XVIII в. [От Алтая до Каспия, 2011, с. 153–161]. Небольшое количество знаков вместе с культовой эпиграфикой зафиксировано возле стоянок в Тарбагатае и Шу-Илейских горах, однако с большей регулярностью места долговременных стоябищ ойратов-буддистов отмечены только традиционными надписями.

Кыргызские тамги встречаются на скалах в центральной части Шу-Илейских гор, чаще – вдоль конных троп и на выдающихся вершинах горных урочищ. Часть из них может относиться к третьей четверти XVIII в. [Аристов, 2001, с. 451–452], но наряду с этим имеются тамги, петроглифы и надписи второй половины XX в., когда часть этих труднодоступных территорий находилась в арендном пользовании кыргызских животноводческих колхозов долины р. Шу.

Знаки правящей элиты тюркской эпохи

Важным результатом изучения знаков идентичности тюркской эпохи стало выделение среди ранее слабо дифференцированного их множества таких групп символов, которые могут рассматриваться как тамги: а) правящей кочевой элиты («династийные»); б) родоплеменные [Osawa, 2010; Базылхан, 2011, с. 188], а также в) надплеменные (этноидентифицирующие или сословные); отдельную категорию составляют религиозные символы.

К знакам *правящей кочевой элиты* можно отнести символы, которые: 1) идентифицируются на основе тождества со знаками на монетах правителей среднеазиатских владений тюрков, тюркшей и карлуков; 2) обладают неизменяемой формой знака; 3) устойчиво занимают высокое статусное положение в известных собраниях знаков; наконец, веским основанием для такой атрибуции служит относительная редкость подобных знаков в ландшафтах хорошо изученных территорий.

Прежде всего, нужно отметить безрезультатность поиска в казахстанско-среднеазиатском ареале

древнетюркской государственности династийного знака Ашина, подобного знаку на каганско-княжеских мемориалах восточных тюрков первой половины VIII в., происхождение которого остается не выясненным. Вопреки высказанному в свое время А.Д. Грачом мнению [1973, с. 323–324, рис. 1, 17–20], ареал тамга-петроглифов, соответствующих по иконографии своеобразной эмблеме на орхонских мемориалах, не выходит за пределы областей Центральной Азии, на которые распространялся суверенитет правителей восточных тюрков [Савинов, 2015, с. 65–66]. Схематичные зооморфные изображения, приведенные в качестве аналогий тувинским петроглифам «типа Чуруктуг-Кырлан» и тамге Ашина на территориях Казахстана и Кыргызстана [Грач, 1957, с. 408–413, рис. 16, 28–38], в действительности таковыми не являются.

Столь же бесперспективны попытки реконструировать эволюцию форм династийных знаков представителей западного крыла династии Ашина, рассматривая эмблемы тюрко-согдийского монетного комплекса VI–VII вв. и отдельные образцы тамга-петроглифов из Казахстана и Кыргызстана как производные формы того же символа на мемориалах восточных тюрков VIII в. [Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 104–112]. Становится ясно, что представители «младшей» ветви Ашина, пользовались знаками идентичности иных форм, и некоторые из них действительно выявлены среди тамга-петроглифов на юге Казахстана по образцам династийных эмблем на среднеазиатских монетах.

Известно четыре типа тамга-петроглифов, тождественных знакам на монетах Шаша, Согда и Тохаристана. Почти все они найдены в Шу-Илейском междуречье, один петроглиф – в Западном Тянь-Шане, у границ Шаша. Весьма редким является т.н. «лировидный» знак, зафиксированный в нескольких пунктах Шу-Илейских гор (Когалы, Тамгалы, Алмалы, Аккайнар). Во всех случаях форма знака неизменна, не имеет производных вариантов (рис. 3, 7–9); тамга обычно изображается обособленно, не входит в собрания родоплеменных знаков, лишь дважды встречена в сочетании с тамгой иного типа [Рогожинский, Тишин, 2018, с. 81, 83; табл. 1, 5, 8]. «Лировидная» тамга хорошо известна в среднеазиатской нумизматике (Панч, Чаганиан, Кобадиян), а также обнаружена на керамике в Отрарском оазисе [Naymark, 2005, с. 226–227; Алёшин, 2013; Байпаков, Авизова, 2015, с. 208, 213; рис. 22]. По этим аналогиям тамги из Шу-Илейского междуречья могут датироваться VI–VII вв. Происхождение и принадлежность знака не выяснены, но его роль династийной эмблемы какого-то знатного клана кочевников, связанного с Жетысу и областями Восточного Согда и Тохаристана, становится очевидной.

Своеобразная форма лировидного знака образует неизменяемую основу тамги, усложненную диакритическими элементами и стилизацией (рис. 3, 10), которая присутствует на многих типах монет Шаша в VII – начале VIII в. с титулатурой верховных правителей западных тюрков: «джабгу», «джабгу-каган» и «каган» [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 60–61,

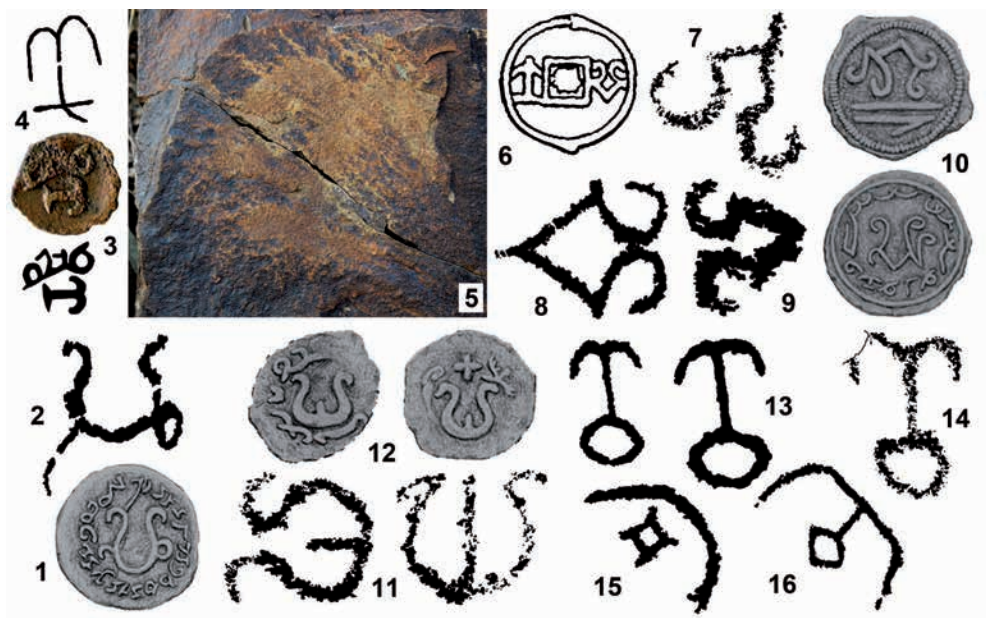

Рис. 3. Тамга-петроглифы раннего Средневековья: 2 – Каскабулак (Таласский Алатау); Шу-Илейские горы: 4 – Когалы, 5, 7 – Алмалы, 8 – Тамгалы, 9 – Аккайнар, 14 – Кулжабасы, 15, 16 – Котыр; 11 – Карашоки (Торайгыр); 13 – Боралдай (Каратау). Фото и прорисовки знаков А.Е. Рогожинского.

1, 3, 6, 10, 12 – тамги на монетах Шаша и Согда
(по: [Смирнова, 1981; Шагалов, Кузнецов, 2006; Бабаяров, 2017])

Fig. 3. Tamga-petroglyphs of the Early Middle Ages: 2 – Kaskabulak (Talas Alatau); Shu-Ile Mountains: 4 – Kogaly, 5, 7 – Almaly, 8 – Tamgaly, 9 – Akkaynar, 14 – Kuljabasy, 15, 16 – Kotyr; 11 – Karashoky (Toraygyr); 13 – Boraldai (Karatau). Photographs and drawing signs by A.E. Rogozhinskiy. 1, 3, 6, 10, 12 – tamga on coins of Shash and Sogd (by: [Smirnova, 1981; Shagal, Kuznetsov, 2006; Babayarov, 2017])

187–198; Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 45–46, 113]. О хронологии этих эмиссий ведется дискуссия, решающее значение в которой имеют находки подобных монет в культурных слоях VII – начала VIII в., например, присырдарьинских городищ [Яценко, Смагулов, 2014, с. 275–276, рис. 3, 1–3]. Независимо от решения вопроса о происхождении «лировидной» тамги, несомненно, систематическое использование ее производных форм эмитентами монет Шаша, которые являлись или выступали от лица верховных правителей западных тюрок – представителей «младшей» ветви Ашина.

Видоизменяемость династических знаков в зависимости от статусных отличий предъявителей иллюстрируется новыми материалами с территории Южного Казахстана и нумизматикой Шаша (рис. 3, 1, 2). На плато Каскабулак в Таласском Алатау обнаружена одиночная тамга-петроглиф, которая по форме соответствует еще одному типу знаков на монетах Шаша (группа 3, по: [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 107–140]). Основная фигура тамги на монетах этой группы неизменна, хотя эмиссия осуществлялась в течение VII в. четырьмя правителями, носившими титул «тегин» и, возможно, «ильтебер» [Шагалов,

Кузнецов, 2006, с. 131]. Тамга имеет сходство с «лировидным» знаком на упомянутых монетах с титулами «джабгу» и «джабгу-каган», но столь же очевидны ее отличия, которые могли обозначать, например, иной уровень политико-генеалогической иерархии, занимаемый нецарствующими представителями «младшей» ветви Ашина. Исследователями не отрицается одновременное обращение в Шаше этих двух групп монет (группы 2 и 3) в пределах первой половины VII в. [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 291–292]. Это может означать сосуществование, по меньшей мере, двух видов знаков идентичности, которыми пользовались в зависимости от индивидуального статуса разные представители западно-тюркской династии. Примечательно также появление в Шаше позже, возможно, во второй четверти VIII в. [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 269–271], монет группы 7, эмитенты которых носили титул «божественный правитель/каган» и обладали тамгой, имевшей в основе омегаобразную фигуру, как на монетах «тегинов», но с короткой дополнительной чертой, намечающей осевую линию фигуры. Уникальный знак дважды выбит на вершине сопки Карашоқы у гор Торайгыр в междуречье Шарына и Шилика, вновь указывая на связь обладателей тамги в Шаше с кочевой элитой Жетысу (рис. 3, 11, 12). Типологическое «родство» форм знаков на монетах обеих групп (3 и 7) представляется очевидным, а видоизменение тамги – закономерным при обретении более высокого политического статуса представителями той же династической линии.

Еще один тип тамги высокого ранга выделяется по монетам Шаша с согдийской легендой «каган» и «Тарду» на лицевой и оборотной стороне

(рис. 3, 3). Тамга на реверсе получила неточное обозначение «якоревидная» из-за произвольного разворота ее изображений в публикациях [Ртвеладзе, 2006, с. 86–87; Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 286–287]. Если положение геральдического знака имело значение, то для выяснения его канонического начертания приоритет имеют тамги, нанесенные на вертикальные поверхности недвижимых объектов с ограниченным фронтальным доступом, т.е. скалы и монументы. Тамга-петроглифы данного типа обнаружены дважды в Шу-Илейских горах, где знак на скалах представлен в одинаковом положении (рис. 3, 4, 5). На основании прочтения легенды и технических параметров монет этой группы Г.Б. Бабаяров связывает их эмиссию с каганом Тарду (576–603) и считает «одними из первых монет Западно-Тюркского каганата» [Бабаяров, 2017, с. 22–24]. Этот чрезвычайно редкий знак обнаружен в Шу-Илейских горах вблизи скопления средневековых стоянок в Алмалы и на изображении породистого скакуна под седлом среди других уникальных гравюр культового комплекса Когалы.

К знакам власти кочевой элиты относятся тамга-петроглифы тюргешей и карлуков, выделенные на основе сходства с основными символами на монетных выпусках городов Шуской, Таласской долин и Отрарского оазиса. Тюргешские тамги известны по нескольким типам монет; их формы обнаруживают сходство и отличия, и так же разнообразны тамга-петроглифы. Принято считать, что тюргешская тамга соответствовала по виду букве /t'/ орхонского рунического письма, но в дальнейшем, с началом выпуска правителями каганата собственной монеты по образцу китайских денег с квадратным отвер-

стием, форма знака видоизменилась в результате стилизации [Смирнова, 1981, с. 61]. Однако тамга-петроглифы позволяют иначе представить генезис геральдического знака на монетах с легендой «господина тюргешского кагана фан (деньга)».

Известно более 10 гравюр, сопоставимых со знаками на тюргешских монетах (рис. 3, 13–16). Объединяющими признаками знака являются: в основании – замкнутая фигура в форме окружности, овала или ромба; соединительная линия, по длине равная или превышающая диаметр основания; две соединенные концами дуги или одна дуга в верхней части знака. Пара одновременных тамга-петроглифов из Каратау (рис. 3, 13), отличающихся в деталях, демонстрирует сосуществование разных вариантов начертания знака. По-видимому, описанные разновидности тамга-петроглифов передают основную форму удостоверительного знака правящего клана (кланов?) тюргешей. Наряду с этим известно несколько стилизованных знаков, которые весьма напоминают некоторые разновидности тамги на тюргешских монетах. Подражательный характер гравюр очевиден, поэтому для их датировки *terminus post quem* служит хронология выпусков монет с подобной символикой. Заметим, что среди тамга-петроглифов нет знаков, подобных рунической /t¹/, поэтому появление геральдической эмблемы на тюргешских монетах скорее связано со стилизацией исходной формы знака, представленной наскальными гравюрами, но никак не литеры орхонского письма. Сделанные наблюдения снимают необходимость рассматривать династическую эмблему на монетах тюргешского круга как «стилистический вариант руническо-

го “ат”» или даже «тамгу “ат”» [Бурнашева, 1989, с. 13–15; Аитова, 2000], но еще не проясняют происхождение самого знака.

Тамга-петроглифы тюргешей зафиксированы преимущественно возле стоянок в Шу-Илейском междуречье (6 пунктов), что согласуется с данными китайских хроник о занимаемой ими территории к моменту политического возвышения на рубеже VII–VIII вв. [Зуев, 2002, с. 149–150]. За пределами этой области тюргешские тамги найдены в Каратау (Боралдай, Сауыскандык) и Северном Прибалхашье (Жельтау, Калмакэмель), однако ни одного похожего знака не найдено на правобережье Иле и среди известных петроглифов долины Таласа и Прииссыккуля. Вне основного ареала единичные изображения похожих знаков зафиксированы на Алтае (Калбак-Таш I, Чаган); характерные признаки тюргешской тамги обнаруживают отдельные изображения в Хуругийн узур на Хангае [Гантулга, 2014, табл. 1 (вверху)].

Тамга правящего клана карлукского объединения в период сложения самостоятельной государственности во второй половине VIII – IX в. выявлена на основе нумизматических материалов из Шуской долины (рис. 4, 2–4) и тамга-петроглифов высокогорного Алтая и Шу-Илейских гор. На Алтае эти знаки концентрируются в верховьях р. Чуя (4 тамга-петроглифа и 2 гравировки на сосудах из могильников Юстыд XII и Туяхта), и один знак найден в Цагаан Салаа I. За пределами ареала упомянем изображение тамги на стеле из Шивээт улаан и монету из Минусинского музея, на оборотной стороне которой процарапаны «три знака и тамгообразная

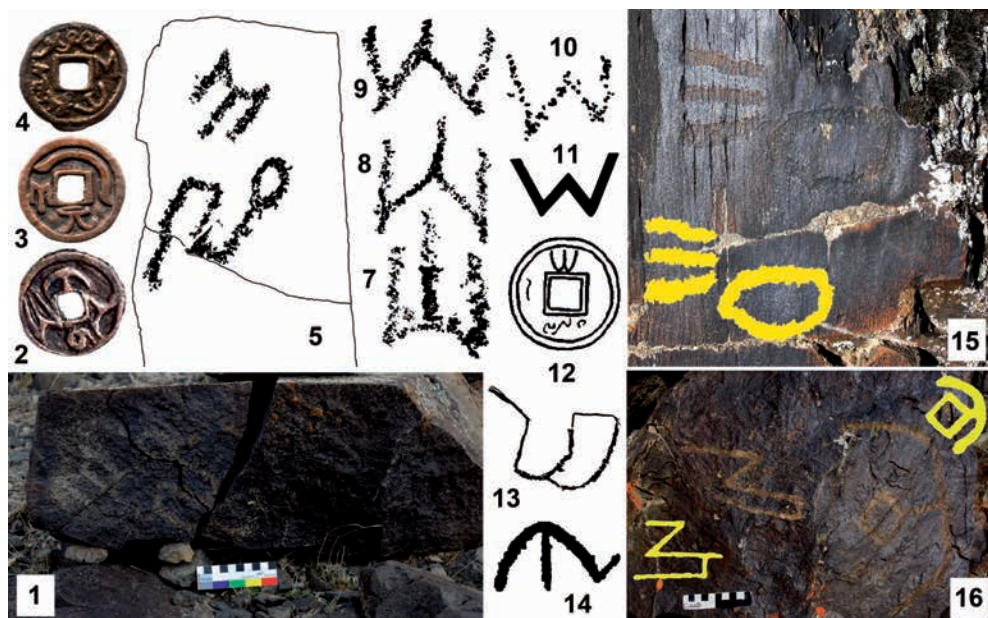

Рис. 4. Тамга-петроглифы карлуков и огузов. Шу-Илейские горы: 1, 5, 7, 13 – Алмалы, 8 – Ащису, 10 – Жайсан, 15 – Күлжабасы, 16 – Котыр; 14 – Сауыскандык (Каратау): Алтай: 9 – Талтура (по: [Кубарев Г.В., 2017]), 11 – Юстыд XII (по: [Кубарев В.Д., 1984]). Фото и прорисовки знаков А.Е. Рогожинского. Тамги на монетах: 2–4 – Шуская долина (по: [Бабаяров, Кубатин, 2016]); 12 – Минусинский музей (по: [Кызласов И., 1984])

Fig. 4. Tamga-petroglyphs of Karluk and Oguz. Shu-Ile Mountains: 1, 5, 7, 13 – Almaly, 8 – Ashchisu, 10 – Jaysan, 15 – Kuljabasy, 16 – Kotyr; 14 – Sauyskandyk (Karatau): Altay: 9 – Taltur (by: [Kubarev G.V., 2017]), 11 – Yustyd XII (po: [Kubarev V.D., 1984]). Photographs and drawing signs by A.E. Rogozhinskiy. Tamgas on coins: 2–4 – Shu valley (by: [Babayarov, Kubatin, 2016]); 12 – Minusinsk Museum (by: [Kyzlasov I., 1984])

фигура» [Кызласов, 1984, с. 94, 96; рис. 3], сходная с алтайскими тамга-петроглифами [Кубарев, 2017]. Во всех случаях тамга имеет форму перевернутых рунических графем $\text{M}/\text{lt}/$ или $\text{Z}/\text{nč}/$, иногда выглядит как M (рис. 4, 9, 11, 12).

В Шу-Илейском междуречье изображение тамги в форме перевернутой M найдено в Жайсане [Досымбаева, 2013, фото на с. 238], а в виде M – в долинах Ащису и Алмалы – все в южной части Шу-Илейских гор (рис. 4, 1, 5, 7, 8, 10). Вблизи средневековой стоянки в Алмалы собрание знаков включает две руноподобные тамги [Рогожинский, Тишин, 2018,

с. 82; рис. 1, 12–15]. Тамги данного типа идентифицируются как эмблемы правящего клана карлуков – по сходству со знаками на монетах из Шуской долины, эмиссия которых связывается с «династией (?) Арсланидов – своеобразных “посредников” между тюргешскими правителями и сменившими их в Жетысу в X в. Караханидами» [Настич, 1989, с. 117]. По находкам с городища Шиштобе выделены монеты собственно карлукского чекана с легендой «монета господина кагана карлуков» [Лурье, 2010, с. 280–282; рис. 1, 1, 2], на которых изображены знаки (рис. 4, 4),

сходные с тамга-петроглифами Алтая и Шу-Илейских гор.

Тамги средневековых огузов в Казахстане

Самую многочисленную группу образуют *родоплеменные* тамги средневековых кочевников. Они образуют большие серии однотипных изображений, для них характерно разнообразие форм, образованных добавлением элементов при сохранении неизменяемой основной фигуры тамги, которая может выступать и как самостоятельный знак племенной идентичности. Вопросы атрибуции некоторых знаков этой группы уже освещались [Рогожинский, 2016а, с. 54–55, 59–60]; здесь рассматриваются материалы по тамгам огузов, выявленным на юге и западе Казахстана.

Ранее других тамги средневековых огузов идентифицированы на погребальных памятниках XII–XV вв. Мангышлака и Устюрта [Ажигали, 2002, с. 453–456]. В последние годы обнаружены памятники, которые актуализируют тему расселения огузов в горно-степных районах юга Казахстана. Для отождествления знаков с огузами опорными служат сведения таких авторитетных авторов, как Махмуд ал-Кашгари и Рашид ад-Дин, в то время как материалы арабо-огузской нумизматики Приаралья не дают геральдических образцов для сопоставления с известными памятниками [Гончаров, Настич, 2013].

На севере Каратау (Сауыскандык) неоднократно встречены тамги (рис. 4, 14) племени салгур (салор), вождям которого принадлежала власть в государстве сырдарьинских огузов в IX – середине X в. [Агаджанов, 1969, с. 135–137]. Здесь же

неоднократно зафиксирован знак, который фигурирует на одном типе доисламских монет Отрара [Бабаяров, 2016, с. 352–353] и, возможно, сопоставим с тамгой огузов *бегдели/бактили* [Махмуд ал-Кашгари, 2006, с. 93]. Четыре тамги племени *байундур* найдены в Арпаозен: две выбиты поверх древнего изображения верблюда, две нанесены на стелу, вторично использованную на старом казахском кладбище.

На западной окраине Бетпакдалы в урочище Тамгалыжар («камень Тамгалытас») среди множества знаков и надписей позднего происхождения, выявлено крупное собрание средневековых тамга-петроглифов. Они образуют несколько групп, расположенных вблизи пресного источника в этом пустынном районе. Всего выделено 19 разновидностей знаков, относящихся к начальному этапу истории памятника. Сопоставление их с тамгами современных и средневековых номадов региона обнаружило наибольшую степень сходства (90%) с удостоверительными знаками средневековых огузов. Учитывая географическое расположение памятника на юго-западной окраине Дашт-и Кыпчак, время возникновения этой крупнейшей «энциклопедии» огузских тамг следует отнести к IX–X вв., во всяком случае, до середины XI в. [Рогожинский, 2017].

Серия тамга-петроглифов разных племен огузов выделяется на памятниках Шу-Илейских гор. В Кулжабасы и Акколь встречен знак (рис. 4, 15) в виде трех параллельных линий (стрел) и овала (лука), напоминающий тамгу племени *уркиз/уракир*, которое входило в огузское объединение *учук* («три стрелы»). Небольшое собрание

знаков обнаружено в Котыр: отдельно вверху выбита стилизованная тамга тюргешей, ниже – второй такой знак рядом с тамгой (рис. 4, 16), специфичная форма которой тождественна тамге племени *букдуз* по рисунку из «Диван лугат ат-турк» [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93]. Сходство техники исполнения и цвета патины убеждает в одновременности знаков. Это уникальное собрание не только документирует присутствие на западе Жетысу какой-то части огузов около середины VIII в., но и раскрывает, по-видимому, их союзнические отношения с тюргешами в период массового переселения карлуков на земли «он ок будун». Особую ценность представляет находка в Алмалы рунической надписи в сопровождении тамги племени *байундур* (рис. 4, 13); это первый аутентичный письменный памятник, связанный с пребыванием огузов в Жетысу [Рогожинский, Тишин, 2018, с. 86–88; рис. 2, 5].

Тамги казахов: задачи исследований

Несмотря на длительное изучение родоплеменных знаков казахов, одного из самых многочисленных тюркских народов, сохранявших практику тамгопользования в условиях кочевого уклада вплоть до начала XX в., источниковедческие вопросы в этой области остаются актуальными. Некоторые из них уже обсуждались [Рогожинский, 2010; Базылхан, 2012], и обзор результатов новых исследований выполнен [Рогожинский, 2016]. Здесь нужно отметить ряд ближайших задач изучения тамгопользования казахов.

Наиболее востребованным видится введение в научный оборот материалов, отложившихся в архи-

вах Казахстана и зарубежья. Это обусловлено сохраняющейся неполнотой данных по тамгам казахов трех жузов и противоречивостью сведений авторов XIX–XX вв., сообщающих о форме знаков отдельных племен и родов. Систематическое изучение автографических документов является необходимым условием для создания *корпуса родоплеменных знаков казахов XVIII – начала XX в.* Наряду с этим сохраняет актуальность изучение недвижимых памятников тамгопользования, особенно в центральном, южном и восточном регионах страны.

Более 150 лет ожидают своего опубликования рукописные приложения (карта и 7 листов большого формата) к известному труду И.М. Казанцева «Описание киргиз-кайсаков» (1867 г.), которые хранятся в архиве РГО в Санкт-Петербурге (Архив РГО, р. 64, оп. 1, д. 13). Эти материалы должны были составить иллюстративную часть книги, но остались неизданными, вероятно, из-за трудности полиграфического исполнения: в тексте книги имеются лишь подстрочные ссылки на них [Казанцев, 1867, с. 30, 61, 62, 230]. Недавно издано приложение № 7 («Родословная ханов и султанов Меньшей и Внутренней киргиз-кайсацкой орды»), изучение которого выполнено Д.Ж. Ерботиной под руководством автора и И.В. Ерофеевой [Ерботина, 2014]. Наибольший интерес представляют приложения № 3–6 и особенно № 8 «Росписание происхождения киргиз-кайсацкой Меньшей орды» – родословная схема трех объединений казахов Младшего жуза (алимулы, байулы, жетыру) с описанием мест кочевков, с изображениями знаков родов и отделений (рис. 5, 1). Попытка источниковедческого анали-

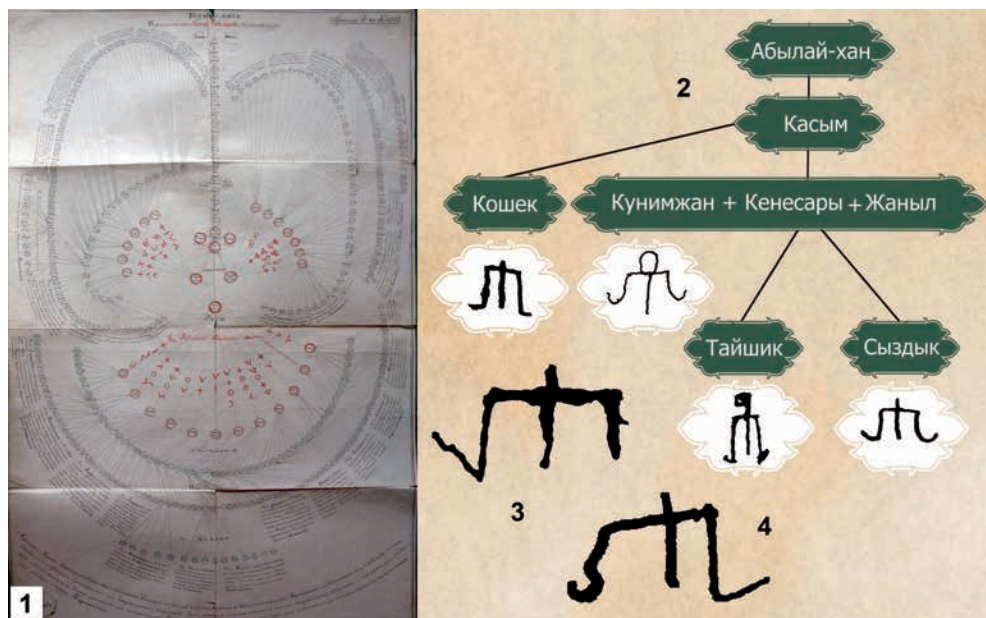

Рис. 5. Тамги казахов и Чингизидов XVII–XIX вв. 1 – Приложение №8 «Ростписание происхождения киргиз-кайсацкой Меньшей орды» к рукописи И.М. Казанцева, 1852 г. [Научный архив РГО, р. 64, оп. 1, д. 13, л. 1]. Фото А.Е. Рогожинского, 2008 г. 2 – тамги семейной группы Кенесары Касымова (по документам ЦГА РК). Тамги Шибанидов: 3 – тамга царевича Тайке Кучумовича, 1639 г. (по: [Трепавлов, 2012]); 4 – тамга Абиля Табылдина, 1833 г. (по: [ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 5431, л. 320 об.])

Fig. 5. Tamgas of the Kazakhs and Chingizids of the XVII – XIX centuries. 1 – Appendix No. 8 “Rospisaniye proiskhozhdeniya kirgiz-kaysatskoy Menshey ordy” to the manuscript by I.M. Kazantsev, 1852 [Scientific Archive of the Russian Geographical Society]. Photo by A.E. Rogozhinskiy, 2008. 2 – the tamga of the Kenesary Kasymov family group (according to the documents of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan). Tamga of Shibaniids: 3 – Tamga Tsarevich Tauke Kuchumovich, 1639 (by: [Trepavlov, 2012]); 4 – Abil Tabildin’s tamga, 1833 (by: [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan])

за этого документа предпринята еще Н.А. Аристовым [1896, с. 380–385]; в наше время изучение источника возобновлено, к сожалению, не затрагивая проблем атрибуции знаков [Бекназаров, 2010]. Необходимо полное издание приложений к книге И.М. Казанцева, являющихся одним из ранних источников по родословию и тамгопользованию казахов Младшего жуза.

В последние годы заметно расширился круг источников по сословно-династийным тамгам казахских Чингизидов [Муминов и др.,

2014; Мырзагалиева, 2014; Рогожинский, 2014]. Однако еще малоизучены вопросы происхождения и видоизменения форм династических эмблем разных ветвей Джучидов, а также обычаев тамгопользования, отражавших отношения родства и статусных отличий предъявителей. Так, требуют объяснения примеры сходства знаков идентичности отдельных представителей династической ветви Шибанидов [Трепавлов, 2012, с. 101, 174–175, фото на обложке] и казахских Джучидов в XVII–XIX вв. (рис. 5, 2–4). Значимо также выяснение условий

правообладания, наследования и изменемости тамги в системе гендерных отношений (ср. тамги семейной группы Кенесары Касымова: рис. 5, 2). Возможно, нормы правообладания и наследования клановых знаков Чингизидов не были неизменны и универсальны, как это порой представляется.

В целом, обильный материал по знакам идентичности, применявшимся в казахском обществе XVIII–XIX вв., помогает углубленно изучать традиции тамгопользования в культуре кочевников, выявлять закономерности формообразования и условия применения удостоверительных знаков в разных сферах общественных отношений, обозначению которых они служили.

Выводы

Краткая ретроспектива позволяет предположить, что *инициатива тамгопользования принадлежала кочевым элитам* – политическим и социальным, которые внедряли эту сигнальную систему для защиты корпоративных интересов и поддерживали ее на всех уровнях общественных связей. В тюркскую эпоху наблюдается *расцвет тамгопользо-*

вания, который мог быть обусловлен этнополитической консолидацией кочевых племен в составе Тюркского каганата и его исторических преемников в ходе широкомасштабных завоеваний, миграций, разносторонних контактов и формирования тюркской государственности, когда наряду с распространением письменности (рунической и др.) особенно возросло коммуникативно-регулирующее значение знаков идентичности типа тамга. В последующие исторические времена феномен тамгопользования претерпевал трансформации, но сохранился до наших дней, принимая новые формы и значения, опирающиеся на древнюю культурную традицию.

Современное состояние тамговедения создает предпосылку для обеспечения исторических исследований ранее мало востребованным массовым видом аутентичных источников, дополняющим скудные, нередко противоречивые письменные сведения по этнокультурной и социально-политической истории народов Казахстана в древности, Средневековье и Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.
2. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Гылым», 2002. 654 с.
3. Аитова С.И. Статистический анализ древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Известия МОН РК-НАН РК. Сер. обществ. наук. 2000. № 1. С. 125–130.
4. Алёшин А. Н. Монеты Кобадияна и их надчеканки // I Международная научная конференция «РАСМИР: Восточная нумизматика – 2011» (под ред. А.Н. Алешина). Киев: Альфа Реклама, 2013. С. 8–16.
5. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. 576 с.

6. *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.
7. *Бабаяров Г.* Тамги на доисламских монетах Отрара // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 347–355.
8. *Бабаяров Г.* Монеты Западно-Тюркского каганата с титулом «Тарду каган» // Проблемы древней и средневековой истории Чача. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. Вып. 5. С. 19–30.
9. *Бабаяров Г., Кубатин А.* Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. Ч. I. 190 с.
10. *Базылхан Н.* Древнетюркские каганско-княжеские поминальные комплексы Центральной Азии // Форум «Идель – Алтай»: матер. науч.-практ. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей (г. Казань, 7–11 декабря 2009 г.). Сер. «Археология евразийских степей». Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 13. С. 187–194.
11. *Базылхан Н.* Некоторые историко-источниковедческие проблемы, связанные с традиционной системой тамгопользования казахов // Историко-культурное наследие и современная культура. Алматы: «Service Press», 2012. С. 84–90.
12. *Байпаков К.М., Авизова А.К.* Раскопки городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2015. Вып. 6 (304). С. 182–214.
13. *Бекназаров Р.А.* Родословная-шежире казахов Младшего жуза в материалах И.М. Казанцева (вторая половина XIX в.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: науч. чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 46–56.
14. *Бурнашева Р.З.* Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII–XVII вв. Алма-Ата: Наука, 1989. 78 с.
15. *Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма / отв. ред. С.А. Трудновская, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: «Наука», гл. ред. вост. лит., 1977. 220 с.
16. *Гантулга Ж.* Знаки-тамги из местности Хуругийн Узур // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: матер. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ХАКИИЯЛИ. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2014. С. 44–51.
17. *Гончаров Е.Ю., Настич В.Н.* Монеты сырдарьинских огузов IX в. // Тюркологический сборник. 2011–2012. М.: Восточная литература, 2013. С. 80–91.
18. *Грач А.Д.* Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сб. МАЭ. 1957. Т. XVII. С. 385–428.
19. *Грач А.Д.* Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 316–333.
20. *Досымбаева А.* История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы: «Service Press», 2013. 250 с.
21. *Ерботина Д.Ж.* Малоизвестные материалы И.М. Казанцева по родословию Абулхаир-хана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 207–217.
22. *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 360 с.
23. *Историко-культурный атлас казахского народа.* / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. 300 с.

24. *Казанцев И.М.* Описание киргиз-кайсаков. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1867. 231 с.
25. *Кубарев Г.В.* «Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: матер. итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 341–344.
26. *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.* Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 188–202.
27. *Кызласов И.Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (к вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. XIV. С. 84–94.
28. *Лурье П.Б.* Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 279–284.
29. *Махмуд ал-Кашигари.* Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
30. *Муминов А.К., Нурманова А.Ш., Медерова Д.Е.* Эпиграфические памятники Западно-Казахстанской области как источник по общественно-политической и духовной истории Казахстана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 224–236.
31. *Мырзагалиева Г.С.* Изучение надгробных памятников некрополя Хан зираты // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 248–258.
32. *Настич В.Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции (под ред. В.А. Лившица и др.). Фрунзе: Илим, 1989. С. 96–120.
33. *От Алтая до Каспия.* Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. Алматы: Brand Book, 2011. Т. 2. 728 с.
34. *Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы, 2014. 264 с.
35. Приложение №8 «Росписание происхождения киргиз-кайсацкой Меньшей орды» к рукописи И.М. Казанцева, 1852 г. // Научный архив РГО, р. 64, оп. 1, д. 13, л. 1.
36. *Рогожинский А.Е.* «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научн. чтения памяти Н. Э. Масанова: сб. матер. междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 101–127.
37. *Рогожинский А.Е.* Сословно-династические знаки казахов // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: Изд-во EVO PRESS, 2014. С. 262–273.
38. *Рогожинский А.Е.* Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): матер. междунар. конф. / Под ред. В.В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016а. С. 53–63.

39. *Рогожинский А.Е.* Казахские тамги: новые исследования и открытия // Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. тр. / Гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: Ш.К. Ахметова, А.А. Ильина, И.В. Толпеко. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; Павлодар: Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016б. С. 223–235.
40. *Рогожинский А.Е.* Незадолго до Чжан Цяня: след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры // Алтай в кругу евразийских древностей / ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2016в. С. 527–550.
41. *Рогожинский А.Е.* Знаки и надписи «камня Тамгалытас» на окраине Бетпакдалы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ АН Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 297–307.
42. *Рогожинский А.Е., Тишин В.В.* Комплекс рунических надписей и тамгапетроглифов долины Алмалы в Семиречье // Уч. зап. музея-заповедника «Томская писаница». 2018. Вып. 8. С. 77–91.
43. *Ртвеладзе Э.В.* История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Ташкент: MEDIA LAND, 2006. 132 с.
44. *Савинов Д.Г.* Тамгообразные изображения горных козлов, или к определению фарна древнетюркских каганов // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике. Миф и формы его отражения в ритуальной практике / отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 64–74.
45. *Смирнова О.И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 548 с.
46. *Тишкин А.А., Мерц И.В., Фролов Я.В.* Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край) // ТПАИ. 2016. Вып. 2 (14). С. 123–134.
47. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
48. *Усманова Э.Р.* Каменная плитка с изображением креста // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: изд-во КВАДРАТ, 2011. С. 123–124.
49. ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 5431, л. 320 об.
50. *Шагалов В.Д., Кузнецов А.В.* Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: «Фан», 2006. 328 с.
51. *Яценко С.А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
52. *Яценко С.А., Смагулов Е.А.* Новые находки серий доисламских знаков тамга/нишан в Туркестанском оазисе (городища Культобе и Сидак): связь с кочевым миром // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: матер. междунар. науч. конф. Алматы: EVO PRESS. 2014. С. 274–282.
53. *Naymark A.I.* The meaning of «tamghas» on sogdian coins // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого (г. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2005 г.) / отв. ред. В.П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 226–227.
54. *Osawa T.* On functional changes of tamga and nishan-signs in the Old Turkic period // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. by J.E. Pim; S.A. Yatsenko and O.T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 341–371.
55. *Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A.* The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: The Route from East to West in the 2nd Century BCE 2nd Century CE // The Silk Road / Ed.: D.C. Waugh. 2015. Vol. 13. P. 109–125.

Сведения об авторе:

Рогожинский Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); alexeyro@hotmail.com

СӘЙКЕСТІЛІК БЕЛГІЛЕРІ (ТАҢБАЛАР) ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТАҢБА ПАЙДАЛАНУДЫҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІ: КӨНЕ КЕЗЕҢІ, ОРТАҒАСЫРЛАР ЖӘНЕ ЖАҢА ЗАМАН

А.Е. Рогожинский

Мақалада нышандық бейнелермен, яғни таңбалармен байланысты Қазақстан ескерткіштерінің әртүрлі кезеңдегі топтамаларына сипаттама беріледі. Осы белгілері бар жылжымайтын және тасымалды ескерткіштердің типологиясы ұсынылады, сонымен қатар «таңба» және «таңба пайдалану» ұғымдарының анықтамалары енгізілген. Түрік кезеңі (VI – X ғ. басы) белгілерінің топтамасы қаралады. Олар көшпенділердің бетке ұстар билеушілерінің таңбалары мен туыс-тайпалық таңбалары ретінде бағаланады. Ерекше сәйкестілік белгілерді (таңбаларды) жеке топқа ғана қатысты құрал ретінде қолдануы қола дәуірінің басынан басталады, кейінгі көнелік заманында кең тарайды, ерте орта ғасырларда өркендейді, Жаңа дәуірде сақталынып, өзгертілген түрде бүгінгі күнге дейін жетеді. Таңба пайдалануы саяси және әлеуметтік бетке ұстарлардың бастамасы деп ұйғарылады. Олар бұл іс-тәжірибені бірлестік мүдделерін қорғау үшін енгізген және оны қоғамдық қарым-қатынастардың барлық деңгейінде қолдап отырған.

Түйін сөздер: археология, Қазақстан, таңба, сәйкестілік белгілер, түрік дәуірі, Ашина, оғыздар, қазақтар

SIGNS OF IDENTITY (TAMGA) AND MONUMENTS OF TAMGA USE IN KAZAKHSTAN: ANTIQUITY, MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

A.E. Rogozhinskiy

This paper provides description of various groups of archeological monuments of Kazakhstan connected with symbolic images – tamga. The typology of immovable and portable monuments having these signs, as well as definitions of the concepts of “tamga” and “tamga use” are provided. There are considered groups of signs of the Turkic epoch (VI – beginning of the X c.), which can be identified as tamgas of the ruling elite of nomads and tribal tamgas. The use of special signs of identity (tamga) as a marker of the group identity of individuals had originated in the Bronze Age, was widely spread in the late antique period, flourished in the early Middle Ages, was preserved in the Modern Age and has survived in a modified form to this day. We suppose that tamga use was initiated by political and social elites, who introduced this practice to protect corporate interests and supported it at all levels of public relations.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, tamga, signs of identity, Turkic era, Oguzes, Kazakhs

REFERENCES

1. Agajanov, S. G. 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii IX–XIII vv. (Essays on the history of the Oguz and the Turkmens of Central Asia of the 9th – 13th centuries)*. Ashhabad: “Ylym” Publ. (in Russian).
2. Ajigali, S. E. 2002. *Arhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiiskogo regiona) (The architecture of nomads is a phenomenon of the history and culture of Eurasia (sites of the Aral-Caspian region))*. Almaty: «Gylm» Publ. (in Russian).
3. Aitova, S. I. 2000. In *Izvestiya MON RK-NAN RK (Proceedings of the Ministry of Education and Science RK and the National Academy of Sciences RK)*, 1, 125–130 (in Russian).

4. Alyoshin, A. N. 2013. In Aleshina, A. N. (ed.). *1 Mezhdunar. nauch. konf. «RAS-MIR: Vostochnaya numizmatika – 2011» (1 International Scientific Conference “RASMIR: Eastern Numismatics - 2011”)*. Kiev: “Alfa Reklama” Publ., 8–16 (in Russian).
5. Aristov, N. A. 2001. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy (Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz)*. Bishkek: “Ilim” Publ. (in Russian).
6. Aristov, N. A. 1896. In *Zhivaya starina (Living antiquity)*, III–IV, 277–456 (in Russian).
7. Babayarov, G. 2016. In Baitanayev, B. A. (ed.). *Kulturnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashih dney) (Cultural heritage of Eurasia (from antiquity to the present day))*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 347–355 (in Russian).
8. Babayarov, G. 2017. In *Problemy drevnei i srednevekovoi istorii Chacha (Problems of ancient and medieval history of Chach)*, 5. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 19–30 (in Russian).
9. Babayarov, G., Kubatin, A. 2014. *Ocherki po istorii i numizmatike Zapadno-Tyurkskogo kaganata (Essays on the history and numismatics of the Western Turkic Kaganate)*, 1. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing (in Russian).
10. Bazylikhan, N. 2011. In *Archaeology of Eurasian Steppe*, 13, 187–194 (in Russian).
11. Bazylikhan, N. 2012. In *Istoriko-kulturnoe nasledie i sovremennaya kultura (Historical and cultural heritage and modern culture)*. Almaty: «Servise Press» Publ., 84–90 (in Russian).
12. Baipakov, K. M., Avizova, A. K. 2015. In *Izvestiya NAN RK (Proceedings of the National Academy of Sciences RK)*, 6 (304), 182–214 (in Russian).
13. Beknazarov, R. A. 2010. In *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo nasledija Kazakhstana (The role of nomads in shaping the cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty: “Print-S” Publ., 46–56 (in Russian).
14. Burnasheva, R. Z. 1989. *Otrar, Otrarский оазис i Yuzhnyi Kazakhstan (Otrar, Otrar oasis and South Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Vainberg, B. I. 1977. *Monety drevnego Khorezma (Coins of ancient Khorezm)* / Trudnovskaya, S. A., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Gantulga, Zh. 2014. In *Narody i kultury Yuzhnoi Sibiri i sopredelnykh territorii (Peoples and cultures of Southern Siberia and adjacent territories)*. Abakan: “Hakasskoe kn. izd-vo” Publ., 44–51 (in Russian).
17. Goncharov, E. Ju., Nastich, V. N. 2013. In *Tyurkologicheskii sbornik (Turkological collection)*, 2011–2012. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ., 80–91 (in Russian).
18. Grach, A. D. 1957. In *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii (Collection of the Museum of anthropology and ethnography)*, XVII, 385–428 (in Russian).
19. Grach, A. D. 1973. In *Tyurkologicheskii sbornik (Turkological collection)*, 1972. Moscow: “Nauka” Publ., 316–333 (in Russian).
20. Dossymbayeva, A. 2013. *Istoriya tyurkskikh narodov (History of the Turkic peoples)*. Almaty: “Servise Press” (in Russian).
21. Erbotina, D. J. 2014. In *Problemy izuchenija nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 207–217 (in Russian).
22. Zuev, Ju. A. 2002. *Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii (Early Turks: Essays on History and Ideology)*. Almaty: “Daik-press” Publ. (in Russian).
23. *Istoriko-kulturnyi atlas kazakhskogo naroda (Historical and cultural atlas of the Kazakh people)*. 2011. Almaty: “Print-S” Publ. (in Russian).
24. Kazantsev, I. M. 1867. *Opisanie kirgiz-kajsak (Description of Kyrgyz-Kaisak)*. Saint Petersburg: «Obshchestvennaya polza» Publ. (in Russian).
25. Kubarev, G. V. 2017. In *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii (Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories)*, XXIII, 341–344 (in Russian).

26. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation)*, 2. Almaty: «Begazy-Tasmola», 188–202 (in Russian).
27. Kyzlasov, I. L. 1984. In *Numizmatika i epigrafika (Numismatics and epigraphy)*, XIV, 84–94 (in Russian).
28. Lurie, P. B. 2010. In *Drevnie kultury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia)*. Saint Petersburg, 279–284 (in Russian).
29. Mahmud al-Kashgari. 2005. *Divan Lugat at-Turk* / translation, preface and comments by Z.-A.M. Auezova; indices compiled by R. Ermers. Almaty: “Daik-Press” Publ. (in Russian).
30. Muminov, A. K., Nurmanova, A. Sh., Mederova, D. E. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia: toponymy, epigraphy, art)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 224–236 (in Russian).
31. Myrzagaliyeva, G. S. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia: toponymy, epigraphy, art)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 248–258 (in Russian).
32. Nastich, V. N. 1989. In Livshic, V. A. et al. (ed.). *Krasnaya Rechka i Burana (Red River and Burana)*. Frunze: “Ilim” Publ., 96–120 (in Russian).
33. *Ot Altaya do Kaspiya (From Altay to the Caspian)*, 2011, 2. Almaty: “Brand Book” Publ. (in Russian).
34. Petrov, P. N., Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Velikoi Mongolskoi imperii, gosudarstvakh Chagataidov i Juchidov (Coinage and money circulation in the Great Mongol Empire, the states and Chagataids and Juchids)*. Kazakhstan. Almaty (in Russian).
35. In Scientific Archive of the Russian Geographical Society, r. 64, op. 1, d. 13, l. 1.
36. Rogozhinskiy, A. E. 2010. In *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana (The role of nomads in shaping the cultural heritage of Kazakhstan)*. Almaty: “Print-S” Publ., 101–127 (in Russian).
37. Rogozhinskiy, A. E. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 262–273 (in Russian).
38. Rogozhinskiy, A. E. 2016a. In Bobrov, V. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Centralnoi Azii (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia)*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ., 53–63 (in Russian).
39. Rogozhinskiy, A. E. 2016b. In Tomilov, N. A. et al. (eds.). *Kazahi Evrazii: istoriya i kultura (Kazakhs of Eurasia: history and culture)*. Omsk: F.M. Dostoyevskii Omsk State University; Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute Publ., 223–235 (in Russian).
40. Rogozhinskiy, A. E. 2016v. In Derevjanko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Altay v krugu evrazijskikh drevnostej (Altay in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: Institute Archaeology and Ethnography Publ., 527–550 (in Russian).
41. Rogozhinskiy, A. E. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation)*, 2. Almaty: «Begazy-Tasmola», 297–307 (in Russian).
42. Rogozhinskiy, A. E., Tishin, V. V. 2018. In *Uch. zap. muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» (Scientific notes of the museum-reserve «Tomsk pisanitsa»)*, 8, 77–91 (in Russian).
43. Rtveladze, Je. V. 2006. *Istoriya i numizmatika Chacha (vtoraya polovina III – seredina VIII v. n.e.) (History and numismatics of Chach (second half of the 3rd - middle of the VIIIth century AD))*. Tashkent: “MEDIA LAND” Publ. (in Russian).

44. Savinov, D. G. 2015. In Albedil, M. F., Savinov, D. G. (ed.). *Realnye i znakovye formy socialnoi differenciacii v arhaikie (Real and sign forms of social differentiation in archaic)*. Saint Petersburg: Museum Anthropology and Ethnography, 64–74 (in Russian).
45. Smirnova, O. I. 1981. *Svodnyi katalog sogdiiskih monet. Bronza (Consolidated catalog of Sogdian coins. Bronze)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
46. Tishkin, A. A., Merts, I. V., Frolov, Ya. V. 2016. In *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (14), 123–134 (in Russian).
47. Trepavlov, V. V. 2012. *Sibirskii yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovich i v borbe za revansh (Siberian Yurt after Ermak: Kuchum House of Siberia and in the struggle for a rematch)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
48. Usmanova, E. R. 2011. In *Shestye Bersovskie chtenija (Sixth Bersov Readings)*. Yekaterinburg: “KVADRAT” Publ., 123–124 (in Russian).
49. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, f. 4, op. 1, d. 5431, l. 320 ob.
50. Shagalov, V. D., Kuznetsov, A. V. 2006. *Katalog monet Chacha III–VIII vv. (Catalog of coins of Chach III–VIII cc.)*. Tashkent: «Fan» Publ. (in Russian).
51. Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i ranego srednevekovia (Tamga-signs of Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
52. Yatsenko, S. A., Smagulov, E. A. 2014. In *Problemy izucheniya nematerialnogo kulturnogo naslediya narodov Kazakhstana i Centralnoi Azii (Problems of studying the intangible cultural heritage of the peoples of Kazakhstan and Central Asia)*. Almaty: “EVO PRESS” Publ., 274–282 (in Russian).
53. Naymark, A. I. 2005. In Nikonorov, V. P. (ed.). *Tsentralnaya Aziya ot Ahemenidov do Timuridov (Central Asia from the Achaemenids to the Timurid)*. Saint Petersburg: Institute history of material culture, 226–227 (in English).
54. Osawa, T. 2010. In Pim, J. E.; Yatsenko, S. A., Perrin, O. T. (eds.). *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. London; Dover: Dunkling Books, 341–371.
55. Rogozhinskiy, A. E., Yatsenko, S. A. 2015. In Waugh, D. C. (ed.). *The Silk Road*, 13, 109–125.

About the Author:

Rogozhinskiy Alexey E. Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; alexeyro@hotmail.com

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.06.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.06.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.06.2019.

КАМНИ-КАЙРАКИ – МАССОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ХРИСТИАНСТВУ XII–XIV вв. ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

© 2019 г. Б.А. Железняков

В XVII веке в историческом центре Китая была случайно выкопана памятная стела с несторианской символикой, надписями на китайском и сирийском языках – источником по проникновению миссии церкви в 630-е гг., изложением основ веры и деяний церкви до 781 г. – времени установки стелы. Открытие несторианских древностей, относящихся к XII–XIV вв. в Чуйской/Шуской долине (Жетысу) и в Ордосе в обоих случаях 1880-е гг., вызвали огромный интерес к теме. Несмотря на то, что по разным причинам изучение древностей в регионах происходило со своими нюансами, регионы удалены на 3,5 тыс. км, результаты этих исследований имеют много общего. Это датировка и язык надписей, иконография, погребальный обряд. Христианство проникает в Южный Казахстан и Жетысу в V–VI вв., судя по археологическим источникам и остаткам церковных летописей. Его историю можно разделить на несколько периодов. Многие века это был регион, соединявший митрополии и Восточной и Западной Азии. К XI в. христианство в регионе практически прекращается. О массовых миграциях христиан-тюрок с востока в Жетысу сообщали арабские источники. В начале XII в. автор Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази, в книге “Табаз ал-хайван” (“Природа животных”) сообщал, что тюркоязычные народы кунов и каев – христиане по исповедованию из-за тесноты пастбищ из Северного Китая массово мигрировали в Жетысу. Массовость и подобие артефактов типа кайраков подтверждают это положение.

Ключевые слова: археология, Жетысу и Ордос, Монгольская империя, христианство Востока, несториане, онгуты, найманы, монофизиты, католики, армяне, надгробные кайраки

Исследования несторианских древностей Шуской долины конца XIX в. проводились параллельно на двух кладбищах: «близ Токмака» (Буранинское) и «близ Пишпека» (Караджигачское). Как отмечал В.А. Кольченко относительно изучения кайраков Караджигача: «их археологическая составляющая была полностью заслонена историко-фонологическим изучением эпитафий» [Кольченко,

2017, с. 169]. Само несторианское кладбище представляло крайне интересный комплекс: еще к концу XIX в. сохранялись руины церквей или часовен, а также достаточно детально можно судить и о различиях в обрядах несториан Шуской долины. На Припишпекском кладбище было зафиксировано 350 надписей; с камней без надписей изображений не делалось, «за исключением десятков двух

изображений», сделанных для характеристики крестов. После двух кладбищ в Шуской долине были найдены еще два: в Алмалыке (Илийской долины) и у с. Покровское у р. Джуука, оз. Иссык-Куль.

Жетысуские несторианские кайраки, которые помимо изображения сопровождаются и надписями, обладают еще и важнейшим значением как источники по именам, хронологии и годичным циклам, внутреннему устройству и иерархии церкви и др. Анализировать данные по памятникам несторианства XII–XIV вв. – последнего этапа распространения несторианства в Жетысу необходимо с учетом всей Азии, где несторианство после своего значительного укоренения в Китае в VIII–IX вв., испытывая определенные трудности и ограничения, активно распространялось в северном направлении. А западные дворы и церковь пытались оказывать влияние на христиан Востока. Сохранилось значительное число памятников, артефактов и легенд, например, о «пресвитере/священнике и царе Иоанне» [Бартольд, 1964, с. 292, 293]. Недавние исследования во Внутренней Монголии западных исследователей в значительной мере подтвердили эти легенды. Были найдены 10 каменных плит с рельефными крестами, которые могли являться облицовкой церкви [Halbertsma, 2008, p. 205].

Учитывая научную значимость открытий, Восточное отделение Русского археологического общества в декабре 1885 г. приняло решение о том, что изучением эпиграфики найденных кайраков займется востоковед Д.А. Хвольсон, продолжит раскопки некрополей Н.Н. Пантусов, являвшийся членом Туркестанского кружка любителей археологии. В 1887 г. в связи с нараставшим количеством

находок кайраков была образована Восточная Комиссия Императорского Московского Археологического Общества для координации проведения раскопочных работ, перевода и интерпретации эпиграфического материала. До 1893 г. Н.Н. Пантусов предоставил в Комиссию более 600 снимков с надгробных камней. Однако однотипность археологического материала, бедность сопроводительного погребального инвентаря привели к уменьшению интереса к находкам на несторианских кладбищах Шуской долины. Тем не менее, раскопки на некрополях продолжались до 1907 г. и редкие небольшие партии кайраков продолжали пополнять коллекции музеев Москвы, Санкт-Петербурга и Верного. Подавляющее число кайраков доставали из-под земли и, судя по определенным размерам кладбищ, если бы исследования продолжались, то общее число кайраков превысило бы 6000. Подробно результаты проведенных в XIX в. на несторианских кладбищах Киргизии исследований по имеющимся данным проанализировал В.А. Кольченко. Он обратил внимание на неоднородность погребального обряда, в том числе и явно нехристианские (языческие) его проявления. Изображения крестов на камнях не вызывает сомнений в принадлежности похороненных именно к несторианам [Кольченко, 2017, с. 177].

В настоящее время известно об около 700 жетысуских кайраках. Большинство из них происходят с двух кладбищ – некрополя городища Кара-Джигач и некрополя городища Бурана (в краеведческой литературе конца XIX – начала XX в. они именуются соответственно «кладбище близ Пишпека» и «кладбище близ Токмака») [Горячева, Перегудова,

1994, с. 91]. В конце XIX в. были произведены раскопки более 100 могил и найдены намогильные валуны-кайраки, около десятка из которых находилось на поверхности, остальные – более 600 - под землей, на глубине до 20 см.

Известно о трех разновременных поступлениях несторианских кайраков с буранинского средневекового несторианского кладбища в фонды ЦГМ РК. Первые семь поступивших камней были переведены Д. Хвольсоном. Уточним некоторые детали истории изучения и попадания этой партии из пяти кайраков в г. Верный. Найденные в 1892 г. при обследовании некрополя Бураны их отправили в центр края для того чтобы сфотографировать, поскольку с них не удалось сделать качественные снимки из-за зернистости и трещиноватой поверхности камней и отослать

фотографии в Археологическую комиссию, надписи остались неперевереденными.

Приведем описание и перевод надписи одного из несторианских надгробий XIV в., найденного в 1907 г. на некрополе городища Бурана, в 11 км юго-восточнее г. Токмака, хранящегося в ЦГМ РК (КП 21930/3) (рис. 1). Окатанный камень – речная галька, подтрапиевидной формы 34×27 см. Найден в 1886 г. на некрополе городища Бурана, в 11 км юго-восточнее г. Токмака. В центре плоской грани выбит контурный «несторианский» крест и восемь строк тюрко-сирийской надписи (две горизонтальные над крестом, две горизонтальные под крестом, две вертикальные слева и две справа от него. Перевод: «В 1650 [=1339 г.] ..., это год зайца, по-тюркски табышкан. А это могила Шелиха, священника очень потрудившегося для Сиона, благословен всеми был» (перевод Д. Хвольсона – прим. авт.) [Слущкий, 1889, с. 31, № 109]. Интерес к чуйским кайракам в собрании ЦГМРК был достаточно высоким и в последние годы [Sciamanie Dervisci..., 2000, р. 91; Железняков, Григорьев, 2008, с. 57]. Приведем перевод еще одной надписи с кайрака: «В год 1650 [=1339 г.], это год зайца, по-тюркски табышкан. Это могила Шумру, верующего» (перевод Д. Хвольсона. ЦГМ РК 21930/2) [Слущкий, 1889, с. 32, № 118] (рис. 2).

Восточные влияния на жетысуских несториан легко увидеть на кайраке из Шуской долины с изображением «несторианского» креста над лотосом и ангелами, склонившимися к кресту. Цветок лотоса расположен на битрапиевидном основании из шести прямоугольных плит, напоминающих ступу. На лицевой поверхности камня выбиты орнамен-

Рис. 1. Кайрак с несторианского кладбища у городища Бурана. Фонды ЦГМ РК, КП 21930/3

Fig. 1. On-tomb stone from Burana Nestorian cemetery. Funds of Central State Museum no. 21930/3

Рис. 2. Кайрак с несторианского кладбища у городища Бурана. Фонды ЦГМ РК, КП 21930/2

Fig. 2. On-tomb stone from Burana Nestorian cemetery. Funds of Central State Museum no. 21930/2

тальный бордюр и тюрко-сирийская надпись о том, что в 1302 г. «...скончался и оставил этот мир истолкователь-экзегет Несторий, сын блаженного Карьи (?)» (перевод П.К. Коковцева) (рис. 3).

Две несторианские гальки оказались в музее г. Ашхабада, они не местного происхождения, опубликованы с прорисовками креста и надписей М.Е. Массоном. Эпитафии были переведены А.В. Пайковой и комментированы И.М. Дьяконовым [Массон, 1978, с. 52]. Наиболее вероятна версия их происхождения из Ургута, поскольку, судя по описанию, на жетысу-

ские они также не походят по качеству материала* [*прим. авт.], да и явно отсутствует смысл перевозки. Разнится и иконография. Это мнение, впрочем, несколько противоречит ранее высказанному мнению А.В. Пайковой, впервые сообщившей об этих экспонатах и связывавшей их с Жетысу. Кроме того, помимо имени «Петион» и звания «периодевт» в эпитафии не содержится даты, что обычно характерно для жетысуских надписей на кайраках. Постепенно расширялась география находок кайраков. М.Е. Массон особо отметил, что информация о кайраках Ургута до него не публиковалась [Массон, 1978, с. 51]. Кайраки могут иметь и местное происхождение, так, известно о несторианском монастыре в Тусе [Пигулевская, 1956, с. 104]. М. Диккенс сообщает, что к настоящему времени сохранился только один намогильный камень [Dickens, 2017, p. 121–122].

В районе Ургута были найдены выбитые сирийские надписи, найдено кадило, ныне хранится в Эрмитаже.

Рис. 3. Кайрак, нач. XIV в., Чуйская долина, ГЭ, инв. № СА 14296

Fig. 3. On-tomb stone from, Chu Valley, beginning of 14 century. State Hermitage, no. CA 14296

В последнее время в районе Ургута были проведены раскопки церкви (?) узбекско-украинской археологической экспедицией, сооружения IX–XI вв., ориентированного по сторонам света. По мнению Э.В. Ртвеладзе «к христианским культовым сооружениям относится вскрытое на поселении Коштепа I в Ургутском районе прямоугольное в плане здание с круглым залом, датируемое VII–VIII вв. Основанием для этого вывода послужили его архитектурные особенности, в некоторой степени близкие византийским христианским храмам, а также найденный здесь фрагмент стенки хума с оттисками печати, на которой, вероятно, представлен обряд крещения» [Ртвеладзе, 1999, с. 56]. Тем самым весь спектр находок относится к раннему и среднему периодам христианства, к позднему же относятся надгробные камни, названные в конце XIX в. кайраками.

Жетысуйские кайраки относятся к периоду нач. XIII – сер. XIV в. Вероятно, традиция устанавливать надгробные камни над захоронениями была принесена в Жетысу с Востока и была воспринята местным населением от христианизированных народов региона Монголии и Северо-Восточного Китая (онгутов, найманов, чигилей), где они встречаются в массовом количестве, собраны и хранятся в местных и центральных музеях. Хотя изначально обычай использования надгробных камней с эпитафиями восходит к ближневосточной традиции. Есть сведения, что сирийцы изготавливали их у себя на родине со времени принятия ими христианства. Четыре кайрака были найдены в 80-е гг. XX в. на Краснореченском городище в Шуской долине, два из них прочитаны [Горячева, Перегудова, 1994, с. 91–92]. На не-

большом, черного цвета кайраке едва разборчиво сообщалось, как прочитали В.Н. Настич и А.В. Пайкова, что «в 1100 г. эры “хана Александра” почил а девица Йаланч» (это 789 г. н.э.) [История Киргизской ССР, 1984, с. 369].

С открытием несторианских кайраков с эпитафиями в Жетысу мировая наука получила представление не только о грамотности местного населения и достаточно позднем применении сирийского алфавита тюрками-христианами, но и об особенностях христианского (несторианского) учения этого периода, контактах с несторианской митрополией, подчинявшейся патриарху-католикосу, резиденция которого находилась в Селевкии-Ктесифоне. По эпитафиям кайраков были установлены имена тюрков-христиан, особенности их летосчисления, распространение болезней и многие другие подробности их жизненного уклада. Несмотря на то, что изучением эпиграфики и иконографии семиреченских кайраков занимались сильнейшие востоковеды и лингвисты того времени Д.А. Хвольсон, П.К. Коковцев, С.С. Слущкий, В.В. Радлов, Н.Я. Марр, Ф.Е. Корш и результаты их исследований были изданы в «Трудах Императорского Московского Археологического Общества», «Известиях Академии наук», интерес к этому типу источников не угасал. Уже на новом уровне развития науки кайраки неоднократно анализировались в советское время, в частности Н.В. Пигулевской, отметившей огромное значение семиреченских кайраков для изучения христианских тюркских текстов из Хара-Хото (Восточный Туркестан) [Пигулевская, 1940, с. 233].

Помимо двух крупных кладбищ в районе Бишкека и Токмака и трех поменьше, известно еще почти деся-

ток мест, где встречены намогильные камни с несторианскими крестами и сирийскими надписями. В числе кладбищ упоминается одно, у селения Мазар, близ развалин городища Алмалык (город Гуоченг) (рис. 4), надпись гласит: «Христианин по имени Георгий, ушел в 1677 (1674) г.», размеры камня 14×11 см. Еще одно кладбище находилось в 8 км западнее поселка Покровское. Местонахождения кайраков зафиксированы: в 40 км от Каракол; на развалинах Ташрабат; у селения Биркулак, в Токмакском районе; в городе Тараз; в долине р. Шу при ирригационных работах 1919 г.; в ряде пунктов Ферганы. Сообщения Пантусова конца XIX в. о предположительном наличии кайраков с крестами вдоль р. Шу были подтверждены работами 1919 г., о чем писал М.Е. Массон [Массон, 1987].

Рис. 4. Кайрак с некрополя близ Алмалыка (Илейская долина). XIV в.

Fig. 4. On-tomb stone from the cemetery near Almalyk site (Ile Valley), 14 century

В развитии средневековые действовали миссии Армянской церкви, о чем сохранилось значительное количество источников. Деятельность миссии Армянской церкви была сосредоточена в регионах Среднего Востока и Жетысу. Примечательно, что намогильный камень с армянской и сирийской билингвической надписью, свидетельствовавшей о смерти армянского епископа Иоанна (Ованнеса), датированный 1323 г., был обнаружен на Пишпекском кладбище. Э. Хуршудян предположил существование здесь армянской общины, единой с сирийской церковью. Внимательное изучение эпитафий с несторианских кайраков Жетысу выявило имена в «армянской» форме, например Погос. Особенно ярко смотрится слово «епископос». Камень обрамлен сирийским переводом надписи: «Иисус Христос, Господь Бог. Владыка Иоанн, армянский епископ. В 772 году сделана эта надпись летосчисления армянского» [Погосян, 2014, с. 9] (рис. 5). Данный факт указывает на наличие армянской общины. Есть основания к тому, чтобы утверждать, что миссия Армянской церкви была самой «поздней» и ее миссия, возможно, была одобрена Тамерланом в условиях гонений на другие течения. К 1375 г. относятся свидетельства Каталонской карты о том, что на северном берегу Иссык-Куля находился монастырь братьев армянских, «в котором пребывает тело Св. Матфея, Апостола и Евангелиста». Всестороннему изучению проблемы посвящено множество исследований [Кляйн, 2003], в том числе и «круглые столы»

Рис. 5. Кайрак с армянской и сирийскими надписями.
Пишпекское кладбище, XIV в. Собрание ГЭ.

Fig. 5. On-tomb stone from the cemetery near Bishkek, 14 century,
State Hermitage collection

[Ак-Булун, 2006], в целом высказывавшиеся в пользу существования армянского монастыря на Иссык-Куле и достоверности данных Каталанского атласа.

Работы по систематизации эпиграфики и иконографии несториан Ордоса, исследованных на памятниках и артефактах этого же этапа средневекового периода, проводились японским ученым Е. Саеки в первой половине XX в., продолжились в публикациях ряда других ученых в начале нынешнего столетия, систематизированные в работах Т. Халбертсмы. Очевидно, что традиция отмечать могилу кайраком с христианской, зачастую и иной, смешанной буддийско-языческой символикой, попала в Восточной Азии на благодатную почву.

Тематике эпиграфики и иконографии несториан было посвящено много исследований, выявлено значительное разнообразие форм не-

сторианского креста в Ордосе, еще больше сопутствующих орнаментов, нежели оно прослеживается в Жетысу. Изображение креста воспринималось несторианами не как символ орудия казни Христа, а как символ-украшение, лишь образно восходящее к христианским основам, элементы орнаментики которого были доработаны в характерной тюркской манере и служат памятниками культурного религиозно-этнического симбиоза. Обычно они сопровождаются изображением цветущего лотоса, ступы, иногда другими символами, прежде всего восходящими к буддизму или китайской традиции. Подобное мнение высказывалось многими исследователями, например С. Слуцким, который основывался на свидетельствах папского посла В. Рубрука XIII в. о том, что «несториане стыдились показывать Христа пригвожденным ко кресту» [Слуцкий, 1889, с. 66]. По-

Рис. 6. Крест «апостола Фомы»

Fig. 6. The Cross of "St. Thomas"

жалуй, большинство крестов имеют своеобразную «процветшую» форму на четырех концах. Явное или неявное восточное (по отношению к Жетысу) влияние прослеживается в большинстве изображений креста, восходящих к ранней форме креста Церкви Востока или креста «апостола Фомы» (рис. 6).

Логичность предположения о том, что жетысуские и восточноазиатские (ордосские) кайраки обнаруживают прямые аналогии (рис. 7) и указывают на непосредственные связи христианского населения между регионами, подтверждается тем, что к концу X – началу XI в. в основной части Жетысу христианства уже не оставалось и сохранялось в значительном упадке лишь в Северо-Восточном Жетысу, о чем в середине XIII в. свидетельствовал В. Рубрук. Об этом можно судить из путевого очерка мар Ябаллахи, не встретившего христиан от Тангута до Хорасана в своем путешествии на Запад в 1278 г.

Он же свидетельствовал о том, что в Каракоруме он заходил в шатровую церковь, где содержались изображения Спасителя и другие. Спутник В. Рубрука итальянец Бартоломео остался при той церкви, а Рубрук вернулся в Палестину (через Каспий и Малую Азию). Относительно города Каялыка Рубрук свидетельствовал, что зашел в церковь в трех лье от Каялыка на восток, т.е. приблизительно в 13 км [Путешествия, 1957, с. 126–127]. Рубрук подробно описывает церковь и ритуалы несториан при дворе Мунгке. Церковь была устроена, прежде всего, для его первой из супругов [Путешествия, 1957, с. 147]. Тем самым, в середине – третьей четверти XIII в. из тех путевых свидетельств и данных археологии можно говорить о нескольких центрах несторианской церкви, локализуемых на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Жетысуские христиане – самые малочисленные – поддерживали связи между отдаленными митрополиями.

История изучения христианских древностей Ордоса и Жетысу, их судьба после открытия имеет много общего. Раритеты с памятников онгутов вывезены в музеи и научные институты от Токио до Парижа. Многие находятся на хозяйственных дворах ферм. Они не изучены в достаточной мере; не документированы, не переведены, их орнаменты не классифицированы. К изучению этого наследия должны быть привлечены: искусствоведы, синологи, историки церкви, богословы и знатоки древних языков [Halbertsma, 2008].

Кайраки являются самыми многочисленными артефактами, оставшимися от христиан Жетысу и одним из многочисленных видов в Ордосе, где их количественно превосходят лишь нательные подвески-крестики

Рис. 7. Христианские надгробья из Шижузиалинга
(по: [Halbertsma, 2008, p. 317])

Fig. 7. Christian tomb stone from Shizhuziliang
(by: [Halbertsma, 2008, p. 317])

ХІІ–ХІV вв. (собрано более 1000 крестиков). Язык эпитафий с кайраков из Шуской долины, особенности содержания изучены давно и подробно [Джумагулов, 1971]. В.В. Бартольд предполагал принадлежность кайраков к канглы, принявшим христианство. С.Е. Малов утверждал, что язык памятников весьма похож на уйгурский. А.М. Щербак относил их к карлукско-уйгурскому диалекту. В.В. Радлов считал язык памятников ветвью старого восточно-тюркского языка, проникнувшего далеко на запад [Джумагулов, 1971, с. 83]. Исходя из последних исследований в Ордо-се можно предположить, что часть племен, мигрировавших в ХІІ в. из Восточной Азии, были христианами и носителями древнего восточно-

тюркского диалекта языка. Это было незадолго до образования Великой Монгольской империи. Относительно языков, используемых христианами Северного Китая и Дунхуана, теперь уже существует достаточно четкое представление. Основным языком христианства в Китае стал уйгурский. Сирийский остался сакральным, его знание снизилось до минимума: будущий католикос-патриарх Церкви Востока Ябаллаха ІІІ (1281–1318), родом из уйгуров, заявлял, отказываясь от своего сана, что не знает сирийского вообще [Муравьев, 2014, с. 55–67].

Определенные данные по христианству можно извлечь из арабских источников, опубликованных Б.Е. Кумековым. Развитию кимакского государства и культуры на территории Восточного Казахстана, Алтая, северо-восточного Жетысу помешали, главным образом, внешние факторы, хотя и внутренние противоречия могли сыграть свою роль. Кидани (каракитаи) и другие народы пришли в движение с образованием ими в Северном Китае государства Ляо в 916 г., последующем расширением территории этого государства. Б.Е. Кумеков приводит сведения о том, что падению кимакской державы способствовало передвижение неких племен кунов и каи. Ал-Марвази сообщает следующее: «Среди них (тюрков) есть группа

людей, которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка» [Кумеков, 1972, с. 122]. Исследователь предполагает, что под напором каи куны двинулись далее на запад и потеснили племя шары. В.В. Бартольд помещал шары (сары) в Шуской долине, там, где было расположено средневековое поселение Сарыг (IX–X вв.) [Кумеков, 1972, с. 122–123]. Возможно, в этих источниках содержатся данные относительно миграции тюркских племен – несториан в Жетысу еще до X в., однако они пока не подтверждаются массовым материалом. Отдельные артефакты их нефрита свидетельствуют о связях с Китаем или Восточным Туркестаном [Железняков, 2004]. В свете изложенного выше из археологических источников следует, что массовое перемещение христиан с территории Северного Китая – Юго-Восточной Монголии происходило в XII – начале XIII в.

Известно, что эфталиты, белые гунны были христианами. Первые факты христианства среди тюрков вслед за Шаванессом приводит Ли Танг. Одна из хроник свидетельствует, что тюрки (кок-тюрки) - христиане были уже на территории государства эфталитов. Когда в 498 г. шах Кавад I был низвергнут с престола, тюркский правитель прислал войско и вернул ему престол. Помощь оказывали христиане. В 549 г. правитель эфталитов (из Балха) просил патриарха прислать им епископа. Далее исследователь сообщает более известный факт о том, что римляне, прибывшие на помощь Хосрову II, видели изображения крестов у тюрков (570 г.), воевавших за восставшего военачальника Бахрама [Tang, 2009, p. X].

Резкий всплеск религиозной жизни несторианской церкви (Востока), в частности в митрополичьем центре в Арбиле (иракский Курдистан), отмечают исследователи при монгольской династии Хулагуидов. С этой династией и с переменами в жизни церкви были связаны надежды восточных христиан. Они же отмечают, что около 1300 г. церковь была на максимуме своего влияния, а также имела прочные связи с Римом и Пекином. Только лишь в XVI в. церкви Востока удастся частично восстановиться после катастрофы, грянувшей в XIV в. (разорение Тамерланом) [Murte-vanden Berg, 2006, p. 394.]. Не случайно католикосом-патриархом несториан тогда был мар Ябалаха – уйгур по происхождению.

Определенный интерес в связи с символикой и орнаментацией на кайраках и надгробьях вызывает крестовидные и «крестовключенные» подвески. В них были сосредоточены и «новые», и «старые» символы, претендующие на «большую» универсальность. Видимо, это неизбежный процесс «общения» старой и новой символики. Именно на раннем этапе проникновения христианства нательные кресты и подвески обнаруживают наибольшее разнообразие, пока не будут приняты канонизированные образцы. Ранние нательные кресты на Руси X–XI вв. изготавливались из восточных монет и имели форму расширяющегося креста, вписанного в круг, с различным, в том числе пуансонным, орнаментом на окончаниях и изготовленные по образцам [Тесленко, Мусин, 2014].

Наиболее богаты этой символикой так называемые «ордосские бронзы», полученные, главным образом, сборами местных жителей из развееванных могил тангутов. Далее

они перепродавались, значительная их часть собрана в музеях [Drake, 1962]. Ф. Дрейк подводит некоторый итог изучению собранных и известных надгробий и стел из разных регионов Китая. После известной стелы из Сиани он придает большое значение рукописям, найденным в начале XX в. в запечатанной пещере в Дунхуане. Однако и массовый материал из Ордоса крайне важен. Наряду с чисто несторианскими кайраками, похожими на аналогичные из Монголии и Туркестана с расширяющимися на каждом из окончаний крестов и сирийскими надписями, есть несколько с латинскими надписями, относящимися к францисканской миссии в Чуань-Чоу времен Монгольской империи. Относительно персоналий и дат в переводах доктора Дж. Фостера, опубликовавшего результаты прочтения пяти латинских надписей, можно отметить следующее. В одном из них сообщается об Андреа из Перуджи, епископа Зайтона (Гуанчжоу), умершего в 1326 г. [Drake, 1962, p. 25]. Об этой миссии известно, что Папа Клемент V послал семь францисканских монахов в ранге епископов ко двору династии Юань в 1307 г., прибывших в Ханбалык в 1308 г. Миссия существовала до мученической гибели последнего католического епископа в 1362 г., поскольку после гибели Монгольской империи в 1368 г. католические и любые христианские миссии были запрещены. Ф. Дрейк попытался провести сравнительный анализ известных ему надгробий из Ордоса с сирийскими и монгольскими надписями из других регионов Китая. Например, из района Гуанчжоу: одна сирийская, свидетельствует о смерти христианина в 1349 г., две монгольские – в 1311 и 1324 гг. [Drake, 1962, p. 25].

В данной статье мы не углублялись в вопросы вероучения и различия между ветвями христианства, представленными в Азии, а тем более степени адаптации христианского учения (различных его ветвей) к местным традициям. Однако необходим комментарий. Главное разделение в церкви Центральной Азии произошло еще в 30-х гг. V в. между мелькитами и несторианами, следом добавились еще и непримиримые (для несториан, в первую очередь) яковиты. Мелькиты – фактически изначальные христиане – утратили свое господствующее положение из-за огромного числа сторонников этих двух учений. Им уже было не до того, чтобы осуществлять миссию, например, в Китай и сохранить позиции было сложно. Ортодоксальные христиане (мелькиты) до начала X в. сохранялись в Мерве и Багдаде [Арсений архимандрит, 1880, с. 345]. Видимо, основная их часть переселилась в Хорезм, где по свидетельству Бируни мелькитская община сохранялась и в X в. или же вернулась в Византийскую Империю [Дресвянская, 1974, с. 151]. Мелькиты долго и, очевидно, локально сохранялись в Хорезме, об этом сохранились свидетельства Бируни [Бируни Абу Рейхан, 1957, с. 318]. В том же Хорезме хорошо заметна смена влияний христианских учений. Если до VIII–IX в. там улавливаются связи с ортодоксальной Византией, а также со славянами и Волжской Булгарией, то с XIII в. усиливаются торговые и иные связи с Западной Европой [Доспанов, Кдырниязов, 2010]. Тем самым, первый период распространения христианства наполняла внутренняя борьба между мелькитами, несторианами (диофизитство) и яковитами (монофизитами). С XI в. отмечается движение крестоносцев на Восток, а

монгольских народов, в том числе и христианизированных, – на Запад. В конкуренции за умы народов Востока к несторианам и армянам добавляются еще и католики.

О религиозном синкретизме в Центральной и Восточной Азии.

Поиск истоков христианских изображений Восточной Азии был бы продуктивным в богатом наследии религиозного искусства региона предшествующей эпохи. Хорошо известно о традиции настенных росписей погребальных сооружений в Китае, в том числе и в I тыс. н.э. Захоронение согдийского сатрапа Виркака 579 г., характеризующее синкретичность мировоззрения согдийцев, в том числе в Китае, раскопанное в 2003 г., было введено в оборот китайскими археологами. Причем основная религиозная принадлежность похороненного к зороастризму, высказанная Ф. Грене с коллегами [Grenet et al., 2004], вызывает постоянные дискуссии или по меньшей мере уточнения [Vaissière, 2015]. По мнению исследователей З. Гулачи и Д. Будун, из 11 панелей пять – религиозных и шесть – биографических. Девять мотивов на этих пяти панелях они связали с манихейством [Gulaschi, BeDuhn, 2012, р. 3]. В этом они пытаются пересмотреть анализ этих же изображений Ф. Грене и его соавторов, которые отрицали манихейскую природу изображений на согдийском саркофаге VI в., поскольку манихейское искусство, например, в уйгурской литературе известно с X в., приводят З. Гулачи и Д. Будун и другие примеры подтвержденной манихейской хронологии в искусстве и архитектуре после этого периода. В таком случае, как нам представляется, их логично атрибутировать как буддийские, имевшие тогда большее распространение в

Согде. Хотя дискуссия имеет основания, поскольку известный дастархан из Тараза с манихейским штампованным изображением датировался Т.Н. Сениговой кон. VI – нач. VII в. [Сенигова, 1960, с. 97–98]. В этой связи известен жаркий спор о природе пенджикентского искусства, начатый ведущими исследователями памятника и культурологами, неразрешенный до сих пор [Шкода, 2009, с. 21–22]. Рисуем предположить, что в искусстве Пенджикента, да и согдийского саркофага, надо увереннее видеть буддийскую иконографию и сюжеты. Буддизм в Среднюю Азию проникает значительно раньше манихейства, значительно укрепляется, и соответственно в вопросах иконографии мог сильно повлиять на манихейство. Поскольку манихейство стремилось вытеснить все другие религии, создав универсальную/всеобщую религию, оно свою изобразительность черпало именно из буддизма – самой развитой с художественной точки зрения религии. В этом смысле показателен анализ генезиса образа четырехрукой богини, распространенного в Восточном и Западном Туркестане, наряду с несколькими иконками из Хотана, воспроизводящими другие образы, датирующимися VI–VIII вв. Большинство из иконок – буддийские или шиваистские, но образ четырехрукого женского или мужского божества имеет местную традицию. «Женское божество, в образе четырёхрукой богини, держащей солнце и луну, имеет многочисленных* [*местных – прим. авт.] предков и потомков, с которыми оно связывается как по мифологической, так и по иконографической линии» [Дьяконова, 1961, с. 270]. Культура «общения» богов в пантеоне Центральной Азии имеет длительную домусульманскую историю.

Христианство, попав в Китай в VII в., к онгутам в XII в., столкнулось с тем же или с еще более изощренным синкретизмом, о котором с недопониманием писали средневековые европейские миссионеры. В символике на кайраках или нательных крестах-подвесках мы видим христианские, буддийские, зороастрийские и традиционные символику, образы и иконографические мотивы. Например, это такие известные артефакты, как каменная ступка с изображениями креста, голубя и свастики из Торткуля (Южный Казахстан). Мировоззрение Азии – значительно более многослойно, чем европейское.

К сожалению, до сих пор нет единого представления об убранстве несторианских церквей, из одних и тех же источников делаются взаимоотрицающие выводы. О богатом убранстве несторианских церквей в Каракоруме и по дороге к нему, обилии изображений, книг, пышных обрядов пишет В. Рубрук. Также и о «византийском» убранстве церкви в Каракоруме [Путешествия, 1957, с. 136]. Вместе с тем часто цитируется свидетельство В. Рубрука о том, что изображения распятия не в обычае у несториан Кайлака [Путешествия, 1957, с. 127].

Несториане начали отказываться от икон после того, как они определились относительно «плоти» Христа как вполне человеческой в середине IX в., их выбор в сторону иконоборчества стал предопределен. К концу IX в. мелькитам разрешили иконопочитание, а несторианам запретили. Но это не сильно упрощает общую задачу по атрибуции христианской символики на артефактах, поскольку, в силу разных обстоятельств, «благолепие» у несториан могло быть снова благословлено в угоду конку-

ренции, например, с католиками. В столь большом разнообразии восточного репертуара «благолепия», сопровождавшего изображения крестов Восточной Азии, необходимо видеть конкуренцию за паству с буддистами и местными традициями, в которых растительные и животных орнаменты и сюжеты преобладали, они гармонизировали с менталитетом.

Выводы. Наличие более десятка выявленных к настоящему моменту несторианских кладбищ, относящихся к началу XIII – концу первой половины XIV в. в Шуской и Илейской долинах, свидетельствует о значительных миграциях. Количество христиан в регионе резко сократилось с конца X – начала XI в., после первой волны во второй половине VIII в. с юго-запада. Это было связано с общими процессами эпохи Великого переселения начала II тыс. до н.э. С другой стороны, это могло быть продиктовано необходимостью существования относительно крупных «конгрегаций» или общин несториан между Восточной Азией и митрополией в Багдаде (удалённость паствы и верховного иерарха).

Несмотря на относительную массовость надгробных памятников, отмечавших захоронения, пока масштабы не напоминают вооруженные силы христиан Востока, шедших на помощь крестоносцам. Как известно, Крестовые походы были осуществлены в период с конца XI до середины XIII в. Большинство надгробных камней Жетысу относится к периоду после захвата значительной части Средней Азии каракитаями и правления Елюя Даши (после победы в Катванской битве 1141 г. над элитой мусульманского войска, возглавляемого Султаном Санжаром). Об отстраненности несториан от политики косвен-

но может свидетельствовать принадлежность Елюй Даши к конфуцианцам или манихеям (по историческим источникам). На это может указывать значительная бедность захоронений несториан, явно не связанных с военной добычей. Вместе с тем, иконография некоторых крестов отмечает явное сходство с христианским искусством Византии и Палестины. Вместе

с тем, победа каракитаев вызвала значительные процессы в христианском мире Востока: в 1142 г. состоялась уния несториан и яковитов – непримиримых дотоле соперников. Тем самым, данная статья – лишь повод констатировать значительную сложность религиозной картины Центральной и Восточной Азии и крайнюю сложность ее научной реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ак-Булун. Диалог культур. Новый шаг в исследовании историко-культурного наследия Кыргызстана: матер. Междунар. круглого стола (г. Бишкек, 2–5 мая 2006 г.). Бишкек, 2006. 244 с.
2. *Арсений, архимандрит.* Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковных, от Рождества Христова до 1879 г. СПб., 1880. 874 с.
3. *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Сочинения. II (2). Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М.: «Наука», 1964. С. 265–303.
4. *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Религии в городах Северо-Восточного Жетысу – Семиречье (Илийская долина) в XIII–XIV вв. // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути: матер. междунар. научн.-практ. конф. 12–13 июня 2017 г. Алматы, 2017. С. 25–42.
5. *Бируни Абу Рейхан.* Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 461 с.
6. *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. С. 84–95.
7. *Гумилев Л.Н.* Несторианство и Древняя Русь // ВГО. Доклады отделения этнографии. М., 1967. Вып. 5. С. 1–6.
8. *Дашковский П.К.* Прозелитарные религии и мировоззрение тюркоязычных кочевников Центральной Азии в эпоху раннего средневековья: дискуссионные проблемы изучения // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути: матер. междунар. научн.-практ. конф. 12–13 июня 2017 г. Алматы, 2017. С. 82–96.
9. *Джумагулов Ч.* Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе: «Илим», 1971. 162 с.
10. *Доспанов О.Т., Кдырнязов М.-Ш.* Средневековый Хорезм и христианский мир (о связях городов Хорезма с европейскими странами в средние века) // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. М.: «Наука», 2010. С. 312–319.
11. *Дресвянская Г.Я.* Овальный дом христианской общины в Старом Мерве // Труды ЮТАКЭ, т. XV. Ашхабад, 1974. С. 151–181.
12. *Дьяконова Н.В.* Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды ГЭ. Т. V. (Культура и искусство народов Востока, 6). Л.: ГЭ, 1961. С. 257–272.
13. *Железняков Б.А.* Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины // Ахинжановские чтения–2004: сб. матер. научн.-практ. конф. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. С. 44–47.

14. Железняков Б.А. Периодизация распространения христианства, причины его упадка (Центральная Азия). Находки в Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2005. № 1. С. 231–247.
15. Железняков Б.А. Проблемы изучения вопросов распространения несторианства в Азии до XV в. // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1 (274). С. 264–273.
16. Железняков Б., Григорьев Ф. Христианство в Семиречье: несторианские кайраки и монастырь армянских братьев // Nomad Kazakhstan. 2008. № 4. С. 52–64.
17. Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / сост.: Л.И. Жукова. Ташкент: Главное издательство энциклопедий, 1994. 117 с.
18. История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. / Гл. редсовет: А.К. Карыпкулов (пред.) и др. Т. 1. Фрунзе: Кыргызстан, 1984. 798 с.
19. Кляйн В. География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталанском атласе (1375) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003. С. 319–331.
20. Кольченко В.А. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии: матер. научн. конф. Бишкек: ОФЦИР, 2003. С. 53–73.
21. Кольченко В.А. Припишпекское (Кара-Джигачское) средневековое христианское кладбище по данным архивных документов о раскопках 1886 года // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шелковом пути: матер. междунар. научн.-практ. конф. 12-13 июня, 2017. Алматы, 2017. С. 168–178.
22. Король Г.Г. Искусство древних кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.
23. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: «Наука», 1972. 156 с.
24. Ломанов А.В. Христианство и Китайская культура. М.: Восточная литература РАН, 2002. 446 с.
25. Массон М.Е. Происхождение двух несторианских надмогильных галек Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1978. № 10. С. 50–55.
26. Муравьев А. В. Личные имена в восточно-сирийской литургической рукописи из Тайбэя // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2014. Вып. 5 (40). С. 55–67.
27. Погосян Г.А. От седого Арарата до Алтая – диалог духовных полюсов мира // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета. Гум. и обществ. науки. 2014. № 2. С. 8–13.
28. Пайкова А.В. Сирийский остракон из Пенджикента // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974. М., 1981. С. 78–86.
29. Пигулевская Н.В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское Востоковедение. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 212–234, табл. I–III.
30. Пигулевская Н.В. История мар Ябалахи и Саумы // Палестинский сборник. 1956. Вып. 2 (64–65). С. 97–108.
31. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. литературы, 1957. 272 с.
32. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Ташкент: «Главное издательство энциклопедий Узбекистана», 1999. 249 с.
33. Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. № 3 (14). С. 97–102.
34. Слуцкий С.С. Семиреченские несторианские надписи // Древности восточные: Труды восточной комиссии Императорского Московского Археологического общества / М.В. Никольский, ред. 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 1–72.

35. Тесленко И.Б., Мусин А.Е. «Средневековые крестовидные подвески из листового серебра»: тридцать лет спустя // Славяне и иные языци... К юбилею Н.Г. Недошивиной. М.: ГИМ. 2014. Вып. 198. С. 242–253. 2014, — 362 с.
36. Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.: ГосЭрмитаж, 2009. 280 с.
37. Grenet F., Riboud P., Jinkal Y. Zoroastrian Scenes on a Newly Discovered Sogdian Tomb in Xi'an, Northern China // Studia Iranica. 2004. 33. P. 273–284.
38. Gulaszi Z., BeDuhn J. The Religion of Wirkak and Wiyusi: The Zoroastrian Iconographic Program on a Sogdian Sarcophagus from Sixth-Century Xi'an // Bulletin of the Asia Institute, 26 (2012/2016). P. 1–32.
39. Dickens M. More Gravestones in Syriac script from Tashkent, Panjikent and Ashgabat more // Winds of Jingjiao: Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia. July, 2016. P. 105–129.
40. Drake F.S. Nestorian Crosses and Nestorian Christians in China under the Mongols // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society, Vol. 2. 1962. P. 11–25.
41. Halbertsma T. Some Field Notes and Images of Stone Material from graves of the Church of the East in Inner Mongolia, China. Monumenta Serica, Vol. 53. 2005. P. 113–244.
42. Halbertsma T. Early Christian Remains of Inner Mongolia. Discovery, Reconstruction and Appropriation. Leiden, Boston. 2008. 356 p.
43. Murre-van den Berg H.M. The church of the east in Mesopotamia in the Mongol period // Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia. Sankt Augustin, 2006. P. 377–394.
44. Paolillo M.A. Nestorian Tale of Many Cities. The Problem of the Identification of Urban Structures in Önggüt Territory during the Yuan Dynasty according to Chinese and Western Sources // R. Malek and P. Hofrichter (eds.), Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia. Sankt Augustin, 2006. P. 357–373.
45. Sciamani e Dervisci dale steppe del Prete Gianni. Religiosite del Kazakhstan e percezione del fantastico a Venezia. 2000. 128 p.
46. Tang L. Turkic Christians in Central Asia and China (5th – 14th centuries) Studies in Turkic philology. Festschrift in honour of the 80th birthday of Professor Geng Shimin. Beijing, 2009. P. I–X.
47. Vaissière E. Wirkak: Manichaean, Zoroastrian, Khurrami? On bilingualism and syncretism in Sogdian funerary art,” Papers in Honour of Professor Yutaka Yoshida and Professor Masaharu Arakawa on Their 60th Birthday, Studies on the Inner Asian Languages, 30, 2015. P. 95–112.
48. von Le Coq, A. Chotscho. Facsimile-Wiedergaben der Wichtigeren Funde der Ersten Königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkistan. Berlin, 1913. 76 p., Tafels.

Сведения об авторе:

Железняков Борис Анатольевич – докторант, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); boriszheleznyakov@mail.ru

**ҚАБІР (ҚАЙРАҚ) ТАСТАР – XII–XIV ғғ. ОРТАЛЫҚ ЖӘНЕ ШЫҒЫС
АЗИЯДАҒЫ ХРИСТИАН ДІНІ БОЙЫНША БАЙ ДЕРЕК**

Б.А. Железняков

XVII ғ. Қытайдың тарихи орталығынан 630-шы ж.ж. шіркеу миссиясының енуі бойынша дерек беретін, орнатылған уақыты – 781-ші жылға дейінгі шіркеудің әрекеті мен діннің негізі баяндалған несториандық символикасы, қытай және сириялық жазуы бар естелік стела кездейсоқ қазылып алынды. Шу өңірі (Жетісу) мен Ордостан

XII–XIV ғ.ғ. жататын несториандық ескерткіштердің табылуы тақырыпқа деген қызығушылықты арттыра түсті. Дегенмен, аймақтағы ескерткіштерді зерттеу әртүрлі себептерге байланысты өзіндік ерекшеліктерге алып келді, себебі аймақ бір-бірінен 3,5 мың шақырым алшақ жатқанымен, зерттеу нәтижелерінің көбінде ортақ болып келуі. Ол – мерзімі мен жазу тілі, иконографиясы мен жерлеу ғұрпы. Христиан діні Оңтүстік Қазақстан мен Жетісуға V–VI ғ.ғ. енген, мұны археологиялық деректер мен шіркеу жылнамаларының қалдықтары дәлелдейді. Оның тарихын бірнеше кезеңге бөлуге болады. Ұзақ ғасырлар бойы бұл аймақ Шығыс және Батыс Азия митрополиясын жалғасытырып жатты. XI ғ. аймақтағы христиан діні толығымен тоқтайды. Христиан-түріктердің шығыстан Жетісуға жаппай қоныс аударуы жөнінде араб деректері хабарлайды. Мұны XII ғ. басында Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвазидің «Табаз ал-хайван» («Жануарлардың қоршаған ортасы») кітабында беріледі. Онда христиан дінін ұстанған түркі тілді кун және кай халқы жайылымдықтың таршылдығынан Қытайдың солтүстігінен Жетісуға жаппай қоныс аударғандығы айтылады. Қабір тастар секілді артефактілердің көп табылуы осы жағдайды дәлелдей түседі.

Түйін сөздер: археология, Жетісу және Ордос, Моңғол империясы, Шығыстағы христиан діні, несториандық, оңғұттар, наймандар, монофизиттер, католиктер, армяндар, қабір тастар

TOMB STONE-KAYRAKS – MASS SOURCE ON CHRISTIANITY OF THE 12-14th CENTURIES IN CENTRAL AND EASTERN ASIA

B.A. Zheleznyakov

The memorable stele with Nestorian symbolic also Chinese and Syrian inscriptions is the source on penetration of a mission of the Church in the 630th, states of bases of belief and acts of church till 781 – the installation time of a stele has been dug out accidentally in the 17th century in the historic center of China. Opening of the Nestorian antiquities relating to the 12–14th centuries in the Chu Valley (Jetysu) and in Ordos in both cases in the 80th of the 19th century have attracted huge interest to this subject. In spite of the fact that for various reasons studying of antiquities in regions happened to the nuances, regions are removed on 3,5 thousand km, and results of these researches have a lot in common. It is much common in dating and language of inscriptions and iconography and funeral ceremony. The Christianity gets into the Southern Kazakhstan and Jetysu in the 5–6th centuries, according to archaeological sources and the remains of Church chronicles. History of Christianity in Middle East can be divided into several periods. Jetysu for many centuries was the region connecting metropolia of Eastern and Western Asia. Christianity in Jetysu almost stops by the 11th century. According to Arab sources there were few mass migrations of Turkic Christians to Jetysu from the East. At the beginning of the 12th century it was Sharafaz-ZamanTakhir al-Marvazi, in his book “Tabaz al-hayvan” (“The nature of animals”) author reported that the Turkic-speaking people of Kun and Kai were Christians and because of narrowness of pastures they migrated to Jetysu from Northern China in large quantities. Mass character and similarity of artifacts like kayraks confirm this evidence.

Keywords: archaeology, Jetysu and Ordos, Mongolian empire, Eastern Christianity, Nestorians, Onguts, Naymans, Monophysites, Catholics, Armenians, tomb stones kayraks

REFERENCES

1. Ak-Bulun. 2006. *Dialog kultur (Cultural Dialogue)*. Bishkek: “Ilim” Publ. (in Russian).
2. Arsenij, arhimandrit. 1880. *Letopis tserkovnyh sobytii i grazhdanskih, poyasnyayushchih tserkovnyya, ot Rozhdestva Hristova do 1879 g. (The Chronicle of church*

events and civil events, explaining church in period from A.D. till 1879). Saint Petersburg (in Russian).

3. Bartold, V. V. 1964. *Sochineniya (Works)*, 2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

4. Baipakov, K. M., Savelieva, T. V. 2017. In *Religii Kazakhstana i Centralnoi Azii na Velikom Shelkovom puti (Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk way)*. Almaty, 25–42 (in Russian).

5. Biruni, Abu Reihan. 1957. *Pamyatniki minuvshih pokolenii. Izbrannye proizvedeniya. (Written monuments of the past generations. Selected works)*, 1. Tashkent: UzSSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).

6. Goryacheva, V. D., Peregodova, S. Ya. 1994. In *Iz istorii drevnih kultov Srednei Azii. Hristianstvo (From the history of ancient cults of Central Asia. Christianity)*. Tashkent: The main editors of encyclopedias Publ., 84–95 (in Russian).

7. Gumilev, L. N. 1967. In *Vsesouznoe Geograficheskoe obshestvo. Doklady otdeleniya ehtnografii (All-Union Geographical Society. Reports of the Department of Ethnography)*, 5. Moscow, 1–6 (in Russian).

8. Dashkovskii, P. K. 2017. In *Religii Kazakhstana i Centralnoi Azii na Velikom Shelkovom puti (Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk way)*. Almaty, 82–96 (in Russian).

9. Jumagulov, Ch. 1971. *Yazyk siro-tyurkskih (nestorianskih) pamyatnikov Kirgizii. (Language of the Syrian and Turkish (Nestorian monuments of Kyrgyzia)*. Frunze: “Ilim” Publ. (in Russian).

10. Dospanov, O. T., Kdyrniyazov. M.-Sh. 2010. In *Otvuki Velikogo Horezma (Echoes of the Great Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ., 312–319 (in Russian).

11. Dresvyanskaya, G. Ya. 1974. In *Trudy Uzhno-Turkmenistanskoi Arheologicheskoi Kompleksnoi Ekspedicii (Materials of Southern Turkmenian Archaeological Complex Expedition)*, XV. Ashkhabad, 151–181 (in Russian).

12. Dyakonova, N. V. 1961. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Works of State Hermitage)*, V. Leningrad: State Hermitage Publ., 257–272 (in Russian).

13. Zheleznyakov, B. A. 2004. In *Akhinjanov chteniya (Akhinjanov readings)*. Almaty, 44–47 (in Russian).

14. Zheleznyakov, B. A. 2005. In *Izvestiya MON RK (Proceeding of the Ministry of the Education and Sciences)*, 1, 231–247 (in Russian).

15. Zheleznyakov, B. A. 2010. In *Izvestiya NAN MON RK (Proceeding of the National Academy of Sciences Ministry of the Education and Sciences)*, 1 (274), 264–273 (in Russian).

16. Zheleznyakov, B., Grigoriev, F. 2008. In *Nomad Kazakhstan*, 4, 52–64 (in Russian).

17. *Iz istorii drevnih kultov Srednei Azii: Hristianstvo (From history of ancient cults of Middle Asia. Christianity)*, 1994. Compl: Zhukova, L. I. Tashkent: Glavnoe izdatelstvo ehnciklopedii (in Russian).

18. *Istoriya Kirgizskoi SSR c drevnejshih vremen do nashih dnei. V 5-ti t. (History of the Kyrgyz SSR since the most ancient times up to now. In 5 volumes)*, 1. 1984. Frunze: “Kyrgyzstan” Publ. (in Russian).

19. Klyajn, V. 2003. In *Problemy politogeneza kyrgyzskoi gosudarstvennosti (Problems of political genesis of Kyrgyz statehood)*. Bishkek, 319–331 (in Russian).

20. Kolchenko, V. A. 2003. In *Buddizm i hristianstvo v kulturnom nasledii Centralnoi Azii (Buddhism and Christianity in the cultural heritage of Central Asia)*. Bishkek: "Ilim" Publ., 53–73 (in Russian).
21. Kolchenko, V. A. 2017. In *Religii Kazakhstana i Centralnoi Azii na Velikom Shelkovom puti (Religions of Kazakhstan and Central Asia on the Great Silk way)*. Almaty, 168–178 (in Russian).
22. Korol, G. G. 2008. *Iskusstvo drevnih kochevnikov Evrazii. Ocherki. (Art of ancient nomads of Eurasia. Sketches)*. Moscow; Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
23. Kumekov, B. E. 1972. *Gosudarstvo kimakov IX–XI v. po arabskim istochnikam (The state of Kimaks of the 9–11th centuries on the Arab sources)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Lomanov, A. V. 2002. *Hristianstvo i Kitaiskaya kultura (Christianity and Chinese culture)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
25. Masson, M. E. 1978. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)*, 10, 50–55 (in Russian).
26. Muraviev, A. V. 2014. *Vestnik Pravoslavny Svyato Tikhinovsky Univesitet (Bulletin of the Pravoslavny Svyato Tikhinovsky Univesitet)*, 5 (40), 55–67 (in Russian).
27. Pogosyan, G. A. 2014. In *Vestnik Rossiisko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta (Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University)*, 2, 8–13 (in Russian).
28. Paikova, A. V. 1981. In *Pismennyye pamyatniki Vostoka (Written monuments of the East)*. Moscow, 78–86 (in Russian).
29. Pigulevskaya, N. V. 1940. In *Sovetskoe Vostokovedenie (Soviet Oriental Studies)*, 1, 212–234 (in Russian).
30. Pigulevskaya, N. V. 1956. In *Palestinskii sbornik (Palestine col.)*, 2, 97–108 (in Russian).
31. *Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Rubruka (Travel to east countries of Plano Karpini and Rubruk)*. 1957 / Shastina, N. P. (ed.). Moscow: Gos. izd-vo geogr. Literaturny Publ. (in Russian).
32. Rtveladze, E. V. 1999. *Velikii shelkovyi put (The Great Silk Road)*. Tashkent: «Glavnoe izdatelstvo ehnciklopedii Uzbekistana» Publ. (in Russian).
33. Senigova, T. N. 1960. In *Izvestiya AN KazSSR (Proceeding of the Sciences Academy of Kazakh SSR)*, 3 (14), 97–102 (in Russian).
34. Sluckii, S. S. 1889. In *Nikolskii, M. V. (ed.). Drevnosti vostochnyye (Oriental antiquities)*, 1, 1–72 (in Russian).
35. Teslenko, I. B., Musin, A. E. 2014. In *Trudy GIM (Proceedings of the State Historical Museum)*, 198, 242–253 (in Russian).
36. Shkoda, V. G. 2009. *Pendzhikentskie hramy i problemy religii Sogda (V–VIII vv.) (Temples of Pendzhikent and problems of religion of Soghd (5–8 cc.))*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).
37. Grenet, F., Riboud, P., Jinkal, Y., 2004. In *Studa Iranica*, 33, 273–284.
38. Gulasci, Z., Be Duhn, J. 2012/2016. In *Bulletin of the Asia Institute*, 26, 1–32.
39. Dickens, M. 2016. In *Winds of Jingjiao: Studies on Syriac Christianity in China and Central Asia*, July 2016, 105–129.
40. Drake, F. S. 1962. In *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society*, 2, 11–25.

41. Halbertsma, T. 2005. In *Monumenta Serica*, 53, 113–244.
42. Halbertsma, T. 2008. *Early Christian Remains of Inner Mongolia. Discovery, Reconstruction and Appropriation*. Leiden, Boston Publ.
43. Le Coq, A. von. 1913. *Chotscho: Facsimile-Wiedergaben der Wichtigeren Funde der Ersten Königlich Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkistan*. Berlin, Dietrich Reimaer (Ernst Vonsen) Publ.
44. Murre-van den Berg H.M. 2006. In Malek, R., Hofrichter, P. (eds.). *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia*. Sankt Augustin, Publ., 377–394.
45. Paolillo, M. 2006. In Malek, R., Hofrichter, P. (eds.). *Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia*. Sankt Augustin Publ, 357–373.
46. *Sciamani e Dervisci dale steppe del Prete Gianni*. 2000. *Religiosite del Kazakhstan e percezione del fantastico a Venezia*.
47. Tang, L. 2009. In *Studies in Turkic philology*. Beijing, I–X.
48. Vaissière de la E. 2015. In *Studies on the Inner Asian Languages*, 30, 95–112.

About the Author:

Zheleznyakov Boris A. Doctoral student, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; boriszheleznyakov@mail.ru

Мүдделер қатығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қатығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.01.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 31.01.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 07.02.2019.

АРХЕОЛОГ В.С. ВОЛОШИН – НА ПУТИ К ИСТИНЕ

© 2019 г. В.К. Мерц

Известному казахстанскому археологу Валерию Степановичу Волошину исполнилось 70 лет. По современным меркам это ещё не старость, но далеко уже и не молодость, в науке это целый путь, а в случае с Валерием Степановичем, насколько могу судить по многолетней совместной работе и ещё более длительному общению, путь, безусловно, особенный, личный, если не сказать вообще уникальный. Источник в таких случаях обычно кроется в индивидуальности человека. Ещё в студенческие годы, например, принятая им стратегия археологической разведки на велосипеде принесла хорошие плоды – были выявлены десятки новых памятников каменного века, среди которых известные сейчас стоянки-мастерские палеолита Вишнёвка-3–6 и Туйемойнак, стоянки неолита Вишнёвка-1, Бокалы-Булак, Есинкабул-Булак, Кокчетау-1, Молодёжное и другие. А врождённая интуиция и активная работа с литературой помогли быстро разобраться с ситуацией: были выделены комплексы ашеля (Вишнёвка-3), среднего палеолита (Туйемойнак), специфическая бифасная группа (Вишнёвка-4–6) – для разделения индустрий с открытых местонахождений использовался выработанный им метод учёта характера поверхностей артефактов по признакам эоловой коррозии и химического выветривания.

Ключевые слова: археология, В.С. Волошин, Центральный Казахстан, каменный век, палеолит, комплекс, индустрия, индивидуальность человека

Моя первая встреча с Валерием Степановичем произошла в 1980 г. Помню как я, 17-тилетний паренёк, увлечённый археологией и уже успевший обегать в поисках древностей все окрестности Степногорска, к окончанию средней школы как-то заметался в надежде найти более организованное и достойное выражение для своих устремлений. Прибыв в Алма-Ату в Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, я начал было говорить о своих находках и мечте, но известный археолог Анна Георгиевна Максимова, улыбаясь и всё понимая, посоветовала мне поехать в Целино-

град, где при областном историко-краеведческом музее, как она сказала, ежегодно формируется летняя археологическая экспедиция и руководит всем археолог В.С. Волошин. По возвращению домой, не откладывая, я написал ему письмо и через какое-то время получил ответ – «Приезжай».

И вот в начале июня я был уже в Целиноградском областном историко-краеведческом музее, находившемся на пересечении улиц Карла Маркса и Октябрьской. Здесь в высоком и красивом здании – Доме купца Кубрина располагалась экспозиция музея и было довольнолюдно: одна группа экскурсантов сменялась другой. Ря-

дом во флигеле находилась административная часть. Нельзя сказать, что здесь было много помещений, в комнате для научных сотрудников было явно тесно, стол археолога Волошина выделялся по нагромождению коробок с камнями. Валерий Степанович встретил меня приветливо, поинтересовался о моих успехах в археологическом поиске, предупредил о скором отъезде в поле. Затем повёл меня в довольно отдалённый район города – Старую слободу, в свой частный

дом, где я должен был жить в ожидании экспедиции. И не просто жить. Здесь находились ящики, наполненные довольно крупными желтоватыми камнями, сильно заглаженными и покрытыми лишайником – артефактами палеолита, как сказал он. В мои обязанности входило отмыть и очистить эти предметы от лишайника, к чему я сразу и приступил, с удивлением рассматривая совершенно непонятные мне гальки и обломки. На этом, однако, дело не закончилось – после камней я ещё штопал экспедиционные палатки. Так состоялось моё знакомство с известным теперь археологом В.С. Волошиным – успешным исследователем палеолита Казахстана, которому он посвятил большую часть своей жизни, размышлений и трудов.

Валерию Степановичу пришлось совсем нелегко утверждать себя в археологии. Поступление на истфак Карагандинского пединститу-

Рис. 1. Валерий Степанович Волошин.
Фото из архива В.С. Волошина

Fig. 1. Valery S. Voloshin.
Photo from the V.S. Voloshin's archive

та в 1968 г. и двухлетнее общение с известным палинологом и специалистом по каменному веку, сотрудником Центрально-Казахстанского геологического управления М.Н. Клапчуком способствовали приобретению им только первого опыта в археологии. С отъездом последнего многое изменилось и В.С. Волошину пришлось рассчитывать только на самого себя.

После окончания института и прохождения военной службы Валерий Степанович в 1973 г. поступил на работу в Целиноградский областной историко-краеведческий музей и с этого времени уже целиком посвятил себя археологическим исследованиям. В 1974 г. им был получен Открытый лист и сформирована Целиноградская археологическая экспедиция. В этом же году экспедиция провела раскопки могильников бронзового века Балыкты и Звенигородка. В следующем 1975 г. при раскопках стоянки Жанбобек-4 впервые в чет-

ких стратиграфических условиях и в сопровождении богатой фауны крупных млекопитающих были получены материалы среднего и позднего неолита. В 1976–1977 гг. разведочными работами экспедиции был охвачен весь Тенгизский район, где помимо прочего были обнаружены крупные стоянки-мастерские палеолита Ак-Кошкар-1, 6. В Балкашинском районе в долине речки Котунгуз был обнаружен стратифицированный пункт палеолита. Одновременно экспедицией проводились сборы археологического материала на памятниках Вишнёвка-3–6 в верховьях Ишима и в Музбеле, Обалысане, Жаман-Айбате-4 в бассейне Сарысу. В 1978–1980 гг. экспедиция провела поквadratные сборы археологического материала в Ак-Кошкаре-1: здесь помимо основного палеолитического комплекса с бифасами впервые был выделен более древний раннепалеолитический (ранний ашель?) комплекс.

На этот период приходится другая знаковая встреча Валерия Степановича – с Аланом Георгиевичем Медоевым, повлиявшая на него как на исследователя палеолита Казахстана. По рассказам самого Валерия Степановича, это был неординарный человек с широким мировоззрением, который произвел на него сильное впечатление. Его заинтересовала мысль А.Г. Медоева о существовании в Сарыарке пережиточных палеолитических индустрий, которая вполне отвечала его собственным размышлениям по поводу только что полученных материалов со стоянок Тенгизского района. Так возникла и была реализована идея существования в голоцене (или в финальном плейстоцене) архаичного Баршинского тейякского комплекса с ашельскими бифасами.

В 1981–1984 гг. Целиноградской археологической экспедицией была раскопана стоянка среднего–позднего неолита Вишнёвка-1, были проведены изыскания на новом и разрушавшемся могильнике бронзового века Ижевский-1 на берегу Вячеславского водохранилища, на стоянке неолита Бокалы-Булак-1 в междуречье Терсаккана и Кыпшак, на памятниках каменного века Ангрensor-1–2 возле одноимённого озера между Экибастузом и Майкайном.

Новый этап исследований начался в 1985 г. с раскопок открытого ещё М.Н. Клапчуком палеолитического памятника Батпак-7 на Нура-Ишимском водоразделе. Общая площадь раскопа за три года работ составила 500 м². Здесь были получены материалы среднего–позднего палеолита в сопровождении мамонтовой фауны. Одновременно в Батпаке были проведены геолого-стратиграфические исследования с использованием методов палеомагнетизма и спорово-пыльцевого анализа, результатом которых стало построение региональной четвертичной хроно-стратиграфической схемы в виде последовательности геологических формаций (свит): нижняя актасты (нижний эоплейстоцен) – верхняя актасты (верхний эоплейстоцен) – батпак (нижний-средний неоплейстоцен) – серия аллювиальных отложений речки Батпак (верхний плейстоцен). Работы завершились в 1988 г. открытием в отложениях формации нижняя актасты уникальной раннепалеолитической кварцевой индустрии – одной из древнейших человеческих индустрий в умеренном поясе Евразии, как полагает Валерий Степанович. Он предположил для этой индустрии возраст около 1,5 млн.

лет, который противоречил принятым тогда схемам освоения человеком умеренного пояса Евразии. Однако находки эти, о которых он докладывал на Международных симпозиумах в Якутске (1989 г.), в Новосибирске (1990 г.) и Красноярске (1992 г.), по причинам их малой выразительности большей частью ведущих специалистов СССР по палеолиту не были признаны в качестве артефактов. А в Казахстане, при популяризации древнейшей истории, вопреки всему геолого-стратиграфическому контексту в Батпаке, они неожиданно оказались омоложенными до 800 тыс. лет – очевидно, в целях согласования с древнейшими тогда бесспорными артефактами стоянок Карама в Горном Алтае и Кульдара в Таджикистане, имевшими аналогичный возраст. Как известно, недавние открытия раннего палеолита в Грузии, Приазовье и Дагестане окончательно покончили со старыми схемами освоения человеком умеренного пояса Евразии и сделали возможным, как и предвидел Валерий Степанович, приблизить это весьма неординарное событие древности к рубежу в 2 млн. лет.

В 1988–1991 гг. экспедицией В.С. Волошина были проведены работы на палеолитических памятниках Батпак-18 и Мизар, относящихся к верхнему плейстоцену, а также на стоянках-мастерских каменного века на залежах эоценовых кварцитов в Старом Экибастузе. Одновременно была проведена разведка памятников каменного века в районе к северо-востоку от Майкаина: здесь, среди нескольких десятков обнаруженных памятников, были открыты пункты палеолита (Дузек-1–3, Курома-14–15), стратифицированные стоянки мезолита (Талдыозек-21, Тарыап-1) и неолита (Курома-6, 12, 12а; Талдыозек-1).

В это же время были проведены раскопки в Ангресоре-2, где удалось зачистить две поверхности обитания финального палеолита или раннего мезолита. Другими интересными объектами исследования стали стоянки неолита Ак-Барак на р. Оленты (раскопки 1990 г.), Буревестник-2–3 на Левобережье Ишима (раскопки 1992–1993 гг.), Аксу-6 и Нурмагамбет-Кыстау-1 возле Степногорска (раскопки 1995–1996 гг.), Кара-Тюбе в бассейне Атасу (раскопки 1997–1998 гг.). Новые открытые местонахождения каменного века были обнаружены в верховьях Ишима (Ижевский-6–7), на Левобережье Ишима (Каменка-3) и в бассейне Нуры (Улькен-Кундузды). В бассейне Сарысу были обнаружены и исследованы новые палеолитические памятники Азат-1, Казбек-1–2, Жуантобе и другие.

В долине Селеты в 2003 г. экспедицией был обнаружен и в 2007–2008 гг. исследован небольшой палеолитический пункт Бестогай, давший коллекцию грубых кварцевых артефактов, залежавших в верхнеплейстоценовом аллювии речки. Тогда же в бассейне Селеты были обнаружены и обследованы небольшие пункты палеолита Акжар, Кеноткель, Кызылту-1–2, Гнедина Балка, а также памятники неолита Шолаксор и Кызылагаш-3, 5.

Таков далеко не полный перечень археологических открытий и полевых исследований Валерия Степановича Волошина на территории Сарыарки. Как видим, он обширен количественно и тематически очень широк – от раннего палеолита до эпохи бронзы! Нужно иметь в виду, что средств для выполнения каких-либо научных программ от государства он,

за редким исключением, не получал; обычно облмузей ежегодно выделял ему небольшую сумму для организации школьного археологического лагеря, пока его не перевели в г. Кокчетав, – и это всё. Иногда удавалось получить небольшие средства от редких спонсоров, а в основном работа велась на энтузиазме.

Меня не раз интересовал вопрос, как это он, имея такие научные открытия и постоянные рабочие контакты с археологами Алматы, Караганды, Петропавловска, Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Таджикистана (он четыре года работал осенью в экспедиции по изучению лёссового палеолита Припамирья, будучи соискателем у В.А. Ранова!), так и не стал частью одной из этих школ и умудрился остаться одиночкой, так и не защитил диссертацию. На все мои вопросы он обычно шуточно отвечал: «Вот так уберётся...» или «Бог миловал...». Но однажды расшифровал свою позицию и это показалось мне интересным: «Видишь ли, – сказал он, – встречи с М.Н. Клапчуком, А.Г. Медоевым, а также и В.А. Рановым – это лишь небольшие штрихи в моей жизни. С первыми двумя, как и со мной, не связано никакой школы; у последнего была школа А.П. Окладникова, но сам он, кажется, не оставил своей школы, и это нормально. Не всё так однозначно. Я, наверное, с удовольствием объединился бы с какой-нибудь группой и даже слился бы в экстазе коллективного поиска, но каждый раз, когда что-то такое наклёвывалось, непонятная сила, как мне кажется, тут же начинала противодействовать и всё рассыпалось. Так же и с диссертацией. Человек – это не чистый лист и, хотим мы этого или нет, но, обычно, там уже что-то

написано, что и делает из него некоторый образ, с которым, скорее всего, высшие силы играют в разные игры. Один мой приятель, недавно ушедший от нас, был до мозга костей материалистом, уважал генетику и всё такое, страстно искал своё родство как можно глубже в истории. Он рассказал мне свою историю. Однажды вечером он, наконец, докопался до корней рода своего – до князя Василько Рюриковича из Волыни или Тмутаракани. Лёг спать, утром проснулся от звонка в дверь, перед ним стояла женщина, которая спросила: „Василько здесь живёт?“ У него челюсть разом и отпала. Есть знаки на пути, и они подаются или через человека-зомби – посланца от нижних планов бытия, как в случае с этим парнем, или как-то иначе с более высоких планов, и они как-бы указывают состояние и преимущественное предназначение человека. Вспомним Фому Аквинского, гордого по завершению своей „Суммы теологии“: однажды ему предстала картина, в одночасье показавшая всю ничтожность его творения или, например, Вифлиемскую звезду. Так вот школа, это когда образы-люди группируются в основном для научного (рационального) производства (есть, конечно, здесь и более тонкая струя), формулирования методологий, доктрин, масштабных проектов и т.п. Для удержания равновесия-симметрии на началах дополнительности ей должны быть противопоставлены отдельные представители науки, также производители, но всё же их главной задачей должно быть проведение в сфере науки с виду незаметной и более тонкой нити, ведущей от рациональности и к истине». «Подождите, – прервал я его, – что же такое истина, если вы

противопоставляете её науке?» «Не науке, а радио, и не я противопоставляю, а это уже заложено в самом бытии» - ответил он. «Иррациональное, ведущее, в конечном счёте, к субъекто-объектному тождеству, очень стеснено в рамках организованной группы, его удел – отдельные индивидуумы, которых чем больше, тем естественно лучше для истины. Всё это напоминает известный даосский символ – круг, разделённый пополам дугой, в каждой из половинок которого находится ядро от противоположной половинки. Истина же – это, конечно, не наша известная „научная истина“, а то, что просто назвать „так как всё есть“, т.е. истинность есть таковость бытия, когда вмешательство ума уже не требуется. Тогда мысли могут появляться, либо для того, чтобы разрушить это состояние таковости, если оно непрочное, либо же чтобы поиграть своими энергиями и затем опять уйти. Это, впрочем, и есть то, что все мы постоянно и делаем на поле археологии: поскольку божественный дом – это „основное пространство“ неразруσιμο, то нам остаётся просто играть и уходить. Мы пребываем, насколько позволяет видеть наша проницательность, в закрытой системе. Поэтому все эти разговоры об эволюционном прогрессе, эпигенезе, антропогенезе... – всё это, возможно, не что иное, как нами хорошо организованное заблуждение». Таковы его убеждения относительно существующего порядка вещей.

Из всех материалов исследований на сегодняшний день, как я теперь понимаю, Валерием Степановичем играючи изучена и опубликована только небольшая часть – большая часть ещё только ждёт от него публикации.

Особенно интересными мне представляются его изыскания по раннему палеолиту. Первые исследователи палеолита Сарыарки А.Г. Медоев и М.Н. Клапчук при оценке геологического возраста последнего писали о среднем и верхнем плейстоцене (М.Н. Клапчук допускал возможность отнесения галечных орудий Обалысана к концу нижнего плейстоцена, т.е. по современной терминологии).

Рис. 2. В.С. Волошин. Стоянка Каменка, 1998 г.
Fig. 2. V.S. Voloshin. Kamenka, 1998

гии – к концу нижнего неоплейстоцена). Валерий Степанович, изучив галечный инвентарь Обалысана, Музбея, Жуантобе и других памятников в бассейне Сарысу, начал выделять здесь хронологические серии, из которых сильно коррадированные образцы древнейших серий отнёс к эоплейстоцену–нижнему неоплейстоцену, образцы средней степени коррадиции – к среднему неоплейстоцену, а последующие серии – к верхнему плейстоцену. Конечно, в отсутствии стратиграфических данных это является его интуитивным решением. Но кто знает, может быть в этом случае, как и в случае с раскопками кварцевой индустрии в Батпаке, его интуиция просто опережает события! Насколько мне известно, от кварцевой индустрии Актасты, несмотря на всеобщий скепсис, он до сих пор не отказался. Более того, принимая во внимание уже отмеченные нами недавние открытия древнейшего палеолита на территории бывшего СССР, а также отрицательную намагниченность обеих актастинских формаций и характер ископаемых почв актастинского педокомплекса, он сейчас считает возможным углубить возраст этой индустрии приблизительно до 2 млн. л. н., т.е. по сути считает памятник древнейшим в Центральной Азии. Другой раннепалеолитический комплекс (древняя серия Ак-Кошкара-1), лишённый техники леваллуа и бифасов чёткой формы, но с крупными остроконечными орудиями, он также склонен относить к эоплейстоцену, скорее к верхнему, чем к нижнему. Ещё один раннепалеолитический памятник – Улькен-Кундузды, также лишённый геолого-стратиграфического контекста, отнесён им предположительно к нижнему неоплейстоцену. В картине, нари-

сованной Валерием Степановичем, ранний палеолит Сарыарки венчается индустрией развитого (позднего) ашеля с выразительными бифасами и техникой леваллуа (древние серии Вишнёвки-3–4, Койтас-4, Жаман-Айбат-4) и возрастом предположительно среднего неоплейстоцена. Таким образом, по сравнению со схемами М.Н. Клапчука и А.Г. Медова, ранний палеолит Сарыарки в изображении В.С. Волошина предстаёт значительно богаче, древнее и более дифференцированным. Будем надеяться, что это не последний синтез автора.

Что касается изучения В.С. Володиным среднего палеолита, то здесь для него решающее значение имеют памятники Батпак-7 и 18, а также Мизар-1–2, имеющие геолого-стратиграфический контекст и фауну крупных млекопитающих. В Батпаке-7 при раскопках автором незначительный материал залегал в переотложенном состоянии в линзах ритмопачек балочного аллювия, предположительно средневиюрмского. В Батпаке-18 более массовый каменный инвентарь, найденный на поверхности, при зачистках автору удалось привязать к поверхности ископаемой почвы на глубине около 3 м; из почвы были получены спорово-пыльцевые спектры, близкие к ландшафтам лесостепи с присутствием вяза, а также радиоуглеродные даты по гумусу. Они указывают на весьма ранний в пределах среднего виурма возраст этой почвы, а также индустрии, т.е. в пределах 50–40 тыс. л. н. В Мизаре-1–2 условия залегания среднепалеолитических артефактов ненамного отличались от Батпака-7. Ещё в двух памятниках – Котунгузе и Бестогае – немногочисленный и бо-

лее архаичный каменный инвентарь (грубое сырьё) был извлечён при раскопках из основания палевой толщи верхнего плейстоцена (Котунгуз) и аллювиального песка палевой толщи, соответствующей верхнеплейстоценовой второй надпойменной террасе Ишима (Бестогай). Эти материалы, как считает автор исследований, скорее всего, древнее батпакских и должны относиться к последнему межледниковью–раннему вюрму. Остальные материалы по среднему палеолиту происходят из открытых местонахождений и интерпретация их затруднена: в своих публикациях Валерий Степанович отмечает некоторые различия между средним палеолитом Туйемойнака в бассейне Сарысу и посташельскими комплексами с обилием двухсторонних орудий в Вишнёвке-3–6.

Верхний палеолит меньше всего представлен в собраниях В.С. Волошина. Это, прежде всего, выразительная индустрия из яшмо-кварцита с жилых поверхностей Ангренсора-2, представленная клиновидными и черепаховидными нуклеусами, пластинами, скрёблами, скребками и без бифасов. Возраст её до сих пор не удаётся уточнить – автором предполагается достаточно широкий интервал: финальный плейстоцен–начало голоцена. Ещё одним интересным памятником является Экибастуз-4, материалы которого с полевых работ 1988–1991 гг. в последнее время изучаются Валерием Степановичем. Памятник этот двухслойный. Нижний горизонт (под толщей маломощной карбонатизированной супеси, разбитой несколькими генерациями криогенных клиньев) относится им, предположительно, ко времени верхнего палеолита, хотя представленная здесь кварци-

товая индустрия – отщепная, с нуклеусами среднепалеолитического облика, без бифасов – не содержит форм типично верхнепалеолитических и выглядит более архаично. Верхний (основной) горизонт включён в голоценовую почву: инвентарь содержит множество макроформ отщепов и нуклеусов, включая черепаховидные и клиновидные формы, есть бифасы и пластины, но доминируют достаточно архаичные отщепные орудия и широко представлена техника расщепления заготовок. К верхнему горизонту Валерий Степанович относится осторожно, допуская смешение здесь материала разного возраста и культур, а индустрию нижнего горизонта всё больше склоняется рассматривать как своеобразный архаичный пережиточный комплекс эпохи верхнего палеолита, что-то подобное Баршинскому комплексу Тенгизской степи. Кстати, феномен архаичных пережиточных индустрий каменного века Сарыарки ранее был прослежен им и на одном из памятников в урочище Талдыозек (район г. Майкаин), где кремнёвая индустрия, включённая в современную почву, демонстрирует, как считает Валерий Степанович, все основные характерные черты тейякского раннепалеолитического комплекса.

Мы намеренно здесь ограничились изложением изысканий нашего юбиляра только в области палеолита, полагая, что именно здесь они уже приобрели форму системы. За 50 лет творческого поиска Валерием Степановичем был внесен, как видим, немалый вклад в археологическую науку Казахстана, безусловно, еще не до конца понятый и оцененный.

В завершении хочется поздравить Валерия Степановича с юбилеем и пожелать ему творческого вдохно-

вения и успехов в изучении собранных им коллекций по каменному веку Сарыарки, а также крепкого здоровья как необходимого условия исполнения всех его творческих замыслов.

Список основных публикаций В.С. Волошина

Местонахождение каменного века Баршин 3 в Тенгизской степи // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: КарГУ, 1982. С. 42–57.

Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка 3 (Центральный Казахстан) // СА. 1984. № 4. С. 199–203.

Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1987. С. 8–10.

Мустьерская индустрия из Кошкургана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана: сб. научн. трудов. Караганда: КарГУ, 1989. С. 3–12.

К типолого-стратиграфической схеме по палеолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. Алма-Ата, 1989. С. 70–74.

Об истоках палеолита Центрального Казахстана // Маргулановские чтения-1990: сб. матер. конф. М., 1992. Ч. 1. С. 49–53.

Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: докл. Междунар. симпозиума. Новосибирск: «Наука», 1990. С. 99–106.

Основные этапы освоения палеолитическим человеком Казахского мелкосопочника // Палеоэкология и расселение древнего человека Северной Азии и Америки: тез. докл. Междунар. симпозиума. Красноярск, 1992. С. 39–43.

Исследования в Батпаке (Центральный Казахстан) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 263–267.

Памятник каменного века Талдыбек 21 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: матер. научн.-практ. конф. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 47–50.

Новые палеолитические памятники в бассейне Сарысу // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. Туркестан, 1998. С. 70–82.

Древнепалеолитическое местонахождение Улькен-Кундузды // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: матер. междунар. конф., посвящ. 70-летию Х.А. Алпысбаева. Туркестан: Мирас, 1998. С. 83–91.

К изучению бифасных наконечников копий каменного века // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья: сб. научн. ст. Павлодар: ЭКО, 2000. С. 57–62.

Проблема первоначального освоения человеком Сары-Арки // 10 лет независимости Казахстана: итоги и перспективы развития: матер. Междунар. научн. конф. Алматы, 2001. С. 50–55.

К вопросу об истории изучения палеолита Сары-Арки // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: сб. научн. ст. Павлодар: ЭКО, 2002. С. 21–43.

Коллекция раннепалеолитических находок из Койтаса (Левобережное Прииртышье) // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: сб. научн. ст. Павлодар: ЭКО, 2002. С. 64–74.

Проблема первоначального освоения человеком Сары Арки // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Култегин, 2003. С. 28–32.

Новый палеолитический памятник Батпак-18 в Центральном Казахстане // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Култегин, 2003. С. 33–38.

Неолитическая стоянка Азат-3 в бассейне Сарысу // Новые исследования по археологии Казахстана: труды научн.-практич. конф. «Маргулановские чтения». Алматы, 2004. С. 220–225

Ранненеолитический комплекс Курома-12А // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: сб. научн. ст. Павлодар: ЭКО, 2006. С. 24–38.

Новые памятники палеолита с галечным инвентарём в бассейне Сарысу // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы: матер. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 1. С. 157–163.

Литические серии в инвентаре стоянки Аксу-6 // Маргулановские чтения–2011: матер. междунар. конф. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 223–226.

Палеолитическая стоянка-мастерская Дузоке-3 // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. Вып. 3. С. 199–211.

Материалы по палеолиту северной части Сарыарки // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию В.Н. Логвина. Костанай–Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 224–238.

М.Н. Клапчук – первый профессиональный археолог Караганды // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 130–136.

Стоянка-мастерская каменного века Ижевская-6 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 96–102.

Сведения об авторе:

Мерц Виктор Карлович – кандидат исторических наук, директор, Центр археологических исследований им. А.Х. Маргулана, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова (Павлодар, Казахстан); v_merz@mail.ru

АРХЕОЛОГ В.С. ВОЛОШИН – АҚИҚАТҚА АПАРАР ЖОЛДА

В.К. Мерц

Танымал қазақстандық археолог Валерий Степанович Волошин 70 жасқа толды. Қазіргі өлшем бойынша бұл қарттық жасқа жеткендік емес, бірақ сонау жеген жаста емес, ал ғылымда бұл дегенің бүкіл жүріп өткен жолың болғандықтан, оны өзім ұзақ жылдардан бері жақсы білетін және жақын араласатын Валерий Степановичтің өмір жолымен салыстыра бағалағанда, бұл жол, сөз жоқ дара, өзгеше, тіптен бірегей ерекше деп айтуға болады. Бұның астары жеке тұлғаның даралығында жатыр. Студенттік жылдардың өзінде велосипедпен археологиялық барлау жасау стратегиясын қабылдауының өзі тәп-тәуір жемісін берді – тас ғасырының он шақты ескерткіштері анықталды, олардың ішінде қазіргі белгілі Вишневка-3–6 және Түйемойнақ секілді палеолиттің тұрақ-шеберханалары, Вишневка-1, Боқалы-Бұлақ, Есенқабыл-Бұлақ, Көкшетау-1, Молодежное және т.б. неолит тұрақтары бар. Туа біткен ішкі түйсікпен әдебиетпен белсенді жұмыс істеуі ахуалды тез болжауына көмектесіп отырды: ашелдер кешені (Вишнёвка-3), орта палеолит (Түйемойнақ), өзіндік ерекшелігі бар бифастық топ (Вишнёвка-4–6) – индустрияны ашық орналасқан орындардан

бөлу үшін оның өзі жасаған артефактілердің үстіңгі сипатын эолдық коррозия мен химиялық үгілу белгілері бойынша есепке алу әдісі қолданылды.

Түйін сөздер: археология, В.С. Волошин, Орталық Қазақстан, тас ғасыры, палеолит, тұлғаның даралығы

ARCHAEOLOGIST V.S. VOLOSHIN – ON THE WAY TO THE TRUTH

V.K. Merz

A famous Kazakhstan archaeologist Valery S. Voloshin is 70 years old now. Compared to present standards it is not old age yet, but nor youth. Concerning science there is already a whole path overpassed, and in a case with Valery S., as far as I can judge on a long-term collaboration and longer communication, his path is certainly exceptional, personal or even unique. The source in such cases is usually hidden in the identity of the person. In student's years, for example, the strategy of archaeological investigation by bicycle accepted by him gave a very good result – tens of new sites of the Stone Age including settlement-workshop sites of the Paleolith of Vishnyovka-3–6 and Tuyemoynak, sites of the Neolithic of Vishnyovka-1, Bokaly-Bulak, Esinkabul-Bulak, Kokchetau-1, Molodyozhnoe and others were revealed. Congenial intuition and proactive work with literature helped to deal with the situation quickly: there were allocated complexes of Acheul (Vishnyovka-3), the Middle Paleolithic (Tuyemoynak), specific chipper group (Vishnyovka-4–6) – he used the method of how to register the artifacts' surface nature basing on signs of Aeolian corrosion and chemical aeration to divide the industries from open deposits.

Keywords: archaeology, V.S. Voloshin, Central Kazakhstan, Stone Age, Paleolithic, identity of the person

About the Author:

Merz Viktor K. Candidate of Historical Sciences, Director, A.Kh. Margulan Center of Archaeological Research, S. Toraigyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Kazakhstan; v_merz@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 05.05.2019.

**ПОСЛЕДНЯЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ГАНИ ИСКАКОВА
(13.01.1970–23.06.2019)**

© 2019 г. Ж.К. Таймагамбетов

Кем был для меня Гани? Он был моим верным и надежным соратником, преданным археологии, и благодарным учеником. Он родился в 1970 году, в с. Каратобе Жана-Корганского района Кызыл-Ординской области. После окончания средней школы служил в Советской армии, а в 1990–1996 гг. учился на историческом факультете КазГУ. Я преподавал ему археологию в университете, принимал экзамен по предмету. После окончания вуза он занимался средневековой археологией, а с 1993 года, с момента работы Казахстано-Российской археологической экспедиции в Казахстане, стал тесно сотрудничать с нами и серьезно занялся проблемами каменного века. В 1998–2001 гг. проходил стажировку в секторе палеолита НИИ «Археология и этнография» в Сибирском отделении РАН (г. Новосибирск), обучался в аспирантуре по специальности «Археология» и в 2006 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию. После защиты, на основе личного участия в археологических экспедициях, Гани написал и опубликовал в различных изданиях около 70 научных работ. В 2006–2007 и в 2009–2011 годах Искаков Гани Тынысбекович работал заведующим кафедрой археологии, этнологии и религиоведения МКТУ им. Ясави. В 2013–2016 гг. был доцентом кафедры археологии, этнологии и музеологии факультета истории, археологии и этнологии КазНУ им. аль-Фараби. После перебрался в г. Туркестан, был заведующим отдела музея-заповедника «Әзірет-Сұлтан», затем и замдиректора по научной работе. В последний год работал в должности старшего научного сотрудника в научно-исследовательском центре археологии МКТУ им. Ясави. И где бы он ни работал, показал себя только с положительной стороны. Он был порядочным человеком.

Ключевые слова: археология, Гани, археология каменного века, международные археологические экспедиции и проекты

Как обычно, в последние четыре года, в середине мая мы встречаемся с Гани в Усть-Каменогорске для участия в совместной Казахстано-Российской археологической экспедиции. Так было и на этот раз. Он приехал из Туркестана, а я из Астаны. Мы сняли квартиру, так удобнее и, получив в Департаменте полиции миграционной службы ВКО разре-

шение для въезда российской команды археологов в пограничную зону, 17 мая выехали на двух автомашинах в Зайсанский район. После переправы через Бухтарминское водохранилище мы, 12 человек, заночевали в палатках. Гани радовался встрече со своими старыми друзьями, с которыми работал еще на юге и западе Казахстана, в Сибири и постоянно

снимал их на смартфон, а затем пересылал адресату. Саша Кандыба уже в этом году успел поработать во Вьетнаме и привез оттуда для Гани сувенир – камуфляжную кепку спецназовца с большой вышитой красной звездой. Впоследствии Гани надевал ее только при выезде в Зайсан или Шиликты, говорил, что она парадная, надевал ее по торжественному случаю.

На следующий день, купив в Курчуме, а затем в Зайсане необходимые продукты, мы прибыли к месту назначения в с. Карасай для продолжения раскопок на палеолитической стоянке Ушбулак. Было очень холодно, лежал снег и мы временно разбили лагерь намного ниже раскопа. Сразу приступили к работе, т.к. нужно было очистить прошлогодний раскоп от снега и земли и наметить место для закладки новых шурфов. Когда растаял свежеевыпавший снег, мы разбили стационарный лагерь на старом месте, у родника. Гани с ребятами поехал в село Шиликты, чтобы забрать у знакомого оставленное в прошлом году на хранение экспедиционное снаряжение. После приезда он вызвался самостоятельно выкопать яму размерами 2×1 м для сбрасывания пищевых отходов. С ним неизменно была его саперная лопата, с которой он не расставался никогда в экспедиции. Буквально за короткое время он выкопал яму глубиной более 1 м. Силы ему было не занимать. Обустроив лагерь, на следующий день мы начали вести раскоп, который пред-

Рис. 1. Гани Искаков. Стоянка Ушбулак, 2019

Fig. 1. Gany Iskakov. Ushbulak, 2019

варительно был нами и подготовлен. Распорядок дня был жестким. В горах на востоке рано светает и смеркается рано. Подъем в 6.30, завтрак в 7.00, работа с 8.00 до 18.00, обед в 13.00, отдых до 15.00, ужин в 19.00. И так каждый день. Гани вместе с Сергеем Гладышевым оставались в лагере и занимались промывкой почвы, привезенной из раскопа. Благодаря этой процедуре, им удалось выявить мельчайшие артефакты и кости ископаемых животных и грызунов. В нужное время они работали на раскопе, занимались разведкой и поиском новых памятников каменного века.

По заранее утвержденному графику с 1 июня я должен был одновременно руководить следующей Казахстанско-Германской международной археологической экспедици-

ей на юге Казахстана, а с июля месяца приступить к работе с командой из Японии. Казахстано-Российская экспедиция должна была завершить полевой сезон 25 июня и ребята должны были уехать. С ними оставался Гани, который должен был по завершении работ проводить их и присоединиться к нам. попрощавшись с Гани до встречи в конце июня на юге, а с ребятами из России до следующего года, я улетел в Шымкент, где меня ждала экспедиция, в которой участвовали ученые из Германии, США, Англии, Бразилии, Греции. В неделю 2–3 раза я переговаривался с Гани и руководителем экспедиции из Новосибирска Антоном Анойкиным о ходе работ на Ушбулаке. Все было хорошо. Впервые за многие годы я оставил российскую команду одних, но там был Гани, и я был спокоен, что он все сделает правильно и как

надо. У него был большой организаторский и полевой опыт, ведь на протяжении 25 лет он работал в экспедициях не только в Казахстане, но и в России.

Работая далеко, в другой экспедиции, меня не покидала мысль, что нужно слетать и посмотреть на раскоп, ведь Ушбулак – уникальный памятник, подобных ему нет в Казахстане. Известны аналогичные памятники в сопредельных территориях, на Алтае – Кара-Бом, а в Китае – Лотоши. И все. Окончательную точку при разговоре по телефону поставил Антон Анойкин. При очередном разговоре он сообщил, что артефакты в большом количестве идут намного ниже уровня русла родника. Я принял решение и 17 июня из Шымкента вылетел в Усть-Каменогорск, а затем на такси поехал в Зайсан. В Зайсане меня встретил Гани с ребятами, и мы

Рис. 2. Гани и Сергей Гладышев за промывкой почвы. Стоянка Ушбулак, 2019
Fig. 2. Gany and Sergey Gladyshev. Ushbulak, 2019

Рис. 3. Состав Казахстано-Российской экспедиции. Стоянка Ушбулак, 2019
Fig. 3. Members of the international expedition. Ushbulak, 2019

поехали в лагерь, который находился в 100 км, у подножья горы. Мы не виделись три недели, Гани был рад моему приезду, все время шутил и говорил, что с моим приездом закончились дожди.

На следующий день после знакомства с раскопом, а сделали ребята очень много, Антон в лаборатории знакомил меня с артефактами, наиболее значимые из них я фотографировал. В один из таких моментов Гани попросил меня сфотографировать его на память. Я сделал несколько снимков. В последующие дни я вместе с Володией Харевичем из Красноярска занимался экспериментальной археологией. Брали привезенные гальки, получали необходимые формы, расщепляли их и изготавливали орудия, используя отбойники и рог оленя. Иногда к нам присоединялся Гани. В эти минуты он преображался, у него

хорошо получались формы призматических нуклеусов.

22 июня мы с Антоном Анойкиным произвели разведку в Тарбагатайском районе, возвратились поздно. Шел ливневый дождь, было очень холодно. Все ребята сидели в кухонной палатке. Гани доложил, что с утра они приступят к разборке лагеря и что он договорился с нашим знакомым из Шиликты, до обеда отвезут к нему оборудование на хранение. А к вечеру мы должны были отвезти Гани в гостиницу Зайсан, утром он садится в автобус и едет к себе домой в Туркестан. Билет был у него на руках. Мы поужинали и легли спать. Через некоторое время, сквозь сон, я услышал голос Гани, он с кем-то разговаривал по телефону.

На следующий день, рано проснувшись, в хорошем приподнятом настроении я лежал в палатке, на-

блюдая за рассветом. На часах было 5 утра. Неожиданно появился Гани перед палаткой и присел на походный стульчик: «Жакен Кожаметович, мне плохо, тошнит, голова кружится...», - были его слова. На вопрос мой: «Что ты ел и пил вчера?», он ответил: «Бутылку пива выпил, вы же видели». В действительности, так оно и было. «Сейчас я поставлю чайник, посидим, поговорим о дальнейшей работе, ведь ты сегодня уедешь» - сказал я, встал, оделся, прошел в кухонную палатку. Через некоторое время подошел Гани и стал в аптечке искать какие-то таблетки. «Я не буду пить чай, пойду, полежу». Это были его последние слова. В 7 утра его не стало. Я обнаружил его тело недалеко от палатки, в густой траве. Впоследствии медицинская экспертиза дала заключение, что смерть наступила от артериального давления. В последующие четыре тяжелых дня июня, вплоть до его погребения на родине в Кызылординской области, я был с ним. Ребята из экспедиции во главе с Антоном Анойкиным сопровождали Гани до Усть-Каменогорска и только после оформления необходимых документов и погрузки тела в самолет, и то по моему настоянию, поехали к себе в Новосибирск. В трудные дни из Новосибирска моральную и материальную поддержку оказали академик А.П. Деревянко, профессора, директор Института археологии СО РАН М.В. Шуньков, замдиректора А.И. Кривошапкин. Звонили из Япо-

Рис. 4. Гани. Стоянка Ушбулак, 2019
Fig. 4. Gany. Ushbulak, 2019

нии профессор С. Кунитакэ, из Америки профессор Дж. Олсен, из Италии профессор Бонора, из Германии профессор Раду Йовита и многие другие археологи Казахстана и России. Все выражали сочувствие и просили передать слова соболезнования родным Гани. Я и родные Гани благодарны им за это.

Активное участие Гани принимал в раскопках кошкурган-шоктасского комплекса на юге Казахстана, работал в Мугоджарах и Мангыстау, на Арале, в Джунгарии, в Сибири и на Алтае. В последние годы работал в составе Казахстано-Германской, Казахстано-Японской, Казахстано-Российской археологи-

ческих экспедиций. В октябре этого года научно-исследовательский институт Нара собирался пригласить его на трехмесячную стажировку в Японию на основании договора с Международным Казахско-Турецким университетом, к которому немало сил приложил Гани. Он планировал в ближайшее время защитить докторскую диссертацию, но не суждено этому сбыться. Очень жаль, что ухो-

дят молодые в расцвете творческих сил. Он ушел из жизни в последний день экспедиции. Сильный хороший человек. Видно так предначертано судьбой. У него осталась жена и пятеро прекрасных детей. О нём мы всегда будем вспоминать с теплом и благодарностью. Ведь пока мы будем помнить, он всегда будет рядом.

Мы помним о тебе, Гани!

Список основных публикаций Г.Т. Исакова

Автореферат:

Каменная индустрия Мугоджар и Северного Приаралья в мезолите–энеолите: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2006. 28 с.

Участие в книгах:

Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Таласский район. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. С. 66, 69, 70, 148, 163, 169, 200.

Талдыбұлақ үңгірі // Оңтүстік Қазақстан облысының археологиялық картасы. 1-том. Түлкібас ауданы. Түркістан: А. Ясауи университеті, 2004. 51 б.

Қараүңгір тұрағы // Оңтүстік Қазақстан облысының археологиялық картасы. 1-том. Түлкібас ауданы. Түркістан: А. Ясауи университеті, 2004. Б. 167–171.

Статьи:

Исследования палеолитического памятника в травертинах Кошкурған 2 на территории Чимкентской области Республики Казахстан в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 4. С. 71–74 (в соавт. с Деревянко А.П., Петриным В.Т., Таймагамбетовым Ж.К., Гладышевым С.А., Рыбиным Е.П., Рыбалко А.Г.).

Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5. С. 42–45 (в соавт. с Деревянко А.П., Таймагамбетовым Ж.К., Петриным В.Т., Гладышевым С.А., Зениным А.Н., Зениным В.Н.).

Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5. С. 46–49 (в соавт. с Деревянко А.П., Таймагамбетовым Ж.К., Петриным В.Т., Гладышевым С.А., Зениным А.Н., Зениным В.Н.).

Каменные наконечники стрел: морфологическое описание, классификация, типология (по материалам археологической литературы 70–90 гг. XX в.) // Вестник КазГУ. Сер. историч. 2000. № 3 (18). С. 82–103.

Исследования палеолита в Мугоджарах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО

РАН, 2000. Т. 6. С. 64–67 (в соавт. с Деревянко А.П., Петриным В.Т., Зениным А.Н., Гладышевым С.А.).

Итоги изучения палеолита Мугоджарских гор (Актюбинская область, Республика Казахстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 86–93 (в соавт. с Деревянко А.П., Петриным В.Т., Гладышевым С.А., Таймагамбетовым Ж.К., Абсадык Ж.).

Исследования палеолита Павлодарского Прииртышья побережья озер Кудайколь и Карасор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 94–97 (в соавт. с Деревянко А.П., Петриным В.Т., Гладышевым С.А., Таймагамбетовым Ж.К.).

Открытие петроглифов в верховьях р. Эмба в Мугоджарских горах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 7. С. 100–103 (в соавт. с Деревянко А.П., Петриным В.Т., Гладышевым С.А., Таймагамбетовым Ж.К., Ламиным В.В., Абсадык Ж.).

2002 жылы Түлкібас ауданындағы тас ғасыры ескерткіштерінде жүргізілген зерттеулер // Ахмет Ясауи университетінің хабаршысы. Қоғам. ғыл. сер. 2003. № 5 (41). Б. 74–79.

Наконечники стрел эпохи ранней бронзы Северного Приаралья // Ахинжановские чтения – 2004: тез. докл. научн. конф. молодых ученых. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2005. С. 17–18.

Памятник каменного века Мугоджары-32 // Вестник КазНУ. Сер. историч. 2005. № 4 (39). С. 95–101.

Физико-географическая характеристика Мугоджар и Северного Приаралья // Жәнібеков оқулары–III. Түркістан, 2012. Б. 224–230.

Каменная индустрия Аральск-8 // Вестник КазНПУ. Сер. гум. 2014. № 2. С. 86–90.

Разведочные исследования в среднем течении реки Шидерты (Павлодарская область Республики Казахстан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 67–70 (в соавт. с Деревянко А.П., Таймагамбетовым Ж.К., Рыбалко А.Г., Анойкиным А.А., Павленком К.К., Харевичем В.М., Дудко А.А., Кандыба А.В., Присекайло А.А., Мамировым Т.Б.).

Археологическая разведка на территории Северного Казахстана в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 75–77 (в соавт. с Деревянко А.П., Шуньковым М.В., Таймагамбетовым Ж.К., Анойкиным А.А., Рыбалко А.Г., Дудко А.А., Кандыба А.В., Павленком К.К., Присекайло А.А., Харевичем В.М., Мамировым Т.Б.).

Термин «неолит»: проблема дефиниций // Археологиядағы зерттеудің жаңа әдістері: халықар. ғыл.-тәж. конф. матер. Алматы: «Қазақ университеті», 2016. Б. 229–231.

Термин «энеолит»: проблема дефиниций // Түркістан аймағындағы археологиялық ескерткіштердің сабақтастығы: халықар. ғыл. конф. матер. Түркістан: Қ.А. Ясауи ат. ХҚТУ, 2017. Б. 32–36.

Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 19–25 (в соавт. с Анойкиным А.А., Таймагамбетовым Ж.К., Ульяновым В.А., Харевичем В.М., Шалагиной А.В., Павленок Г.Д., Марковским Г.И., Гладышевым С.А., Чехом А.М., Васильевым С.К.).

Археологические работы в Шиликтинской долине на востоке Казахстана в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 93–97 (в соавт. с Деревянко А.П., Шуньковым М.В., Анойкиным А.А., Таймагамбетовым Ж.К., Ульяновым В.А., Харевичем В.М., Козликиным М.Б., Марковским Г.И., Шалагиной А.В., Павленок Г.Д., Гладышевым С.А., Чехом А.М.).

Исследование индустрий рубежа плейстоцена и голоцена на стоянке Ушбулак-1 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 182–185 (в соавт. с Павленок Г.Д., Анойкиным А.А., Таймагамбетовым Ж.К., Ульяновым В.А., Шалагиной А.В., Харевичем В.М., Марковским Г.И., Гладышевым С.А., Чехом А.М., Васильевым С.К.).

Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. 24. С. 18–24 (в соавт. с Анойкиным А.А., Таймагамбетовым Ж.К., Павленок Г.Д., Шалагиной А.В., Бочаровой Е.Н., Марковским Г.И., Гладышевым С.А., Ульяновым В.А., Чехом А.М., Козликиным М.Б., Васильевым С.К., Шуньковым М.В.).

Сведения об авторе:

Таймагамбетов Жакен Кожаметович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, главный научный сотрудник, Национальный музей РК (г. Нур-Султан, Казахстан); zhaken.taimagambetov@gmail.com

ҒАНИ ИСКАКОВТЫҢ СОҢҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЭКСПЕДИЦИЯСЫ

(13.01.1970–23.06.2019)

Ж.К. Таймагамбетов

Мен үшін Ғани кім еді? Ол археологияға шынайы берілген, менің адал да сенімді әріптесім және жақсылығы мол шәкіртім. Ол 1970 жылы Қызылорда облысының Жаңақорған ауданының Қаратөбе ауылында дүниеге келген. Орта мектепті бітіргеннен кейін, Кеңес армиясы қатарында болып, 1990–1996 жылдары ҚазМУ-дің тарих факультетінде оқыды. Университетте оған археологиядан сабақ бердім және пән бойынша емтихан қабылдадым. ЖОО бітіргеннен соң ол ортағасырлар тарихымен айналысты, ал 1993 жылдан, бірлескен Қазақ-Ресей археологиялық экспедициясының Қазақстандағы жұмысы басталған күннен бастап бізбен тығыз ынтымақтастықта болды және тас ғасыры мәселелерімен тұрақты айналыса бастады. 1998–2001 жж. РҒА Сібір бөлімшесінің (Новосибирск қ.) «Археология және этнография» ҒЗИ палеолит секторында тағылымнан өтіп, «Археология» мамандығы бойынша аспирантурада оқыды және 2006 ж. кандидаттық диссертациясын қорғады. Қорғаудан кейін, өзі қатысқан археологиялық экспедициялардың нәтижелері бойынша 70-ке жуық мақала жазып, оларды түрлі басылымдарда жариялады. 2006–2007, 2009–2011 жж. Исаков Ғани Тынысбекұлы Ясауи атынд. ХҚТУ-нің археология, этнология және дінтану кафедрасының меңгерушісі, 2013–2016 жж. әл-Фараби атынд. ҚазҰУ-нің тарих, археология және этнология факультетінің археология, этнология және музейтану кафедрасының доценті қызметін атқарды. Кейіннен Түркістанға қайта ауысып, «Әзірет-Сұлтан» музей-қорығында бөлім меңгерушісі, директордың ғылыми істер жөніндегі орынбасары болды. Соңғы жылы Ясауи атынд. ХҚТУ-нің археология ғылыми-зерттеу орталығында аға ғылыми қызметкер болып жұмыс жасады. Қайда жұмыс атқарса да өзін тек жақсы жағынан таныта алған жан. Ол өте парасатты адам.

Түйін сөздер: археология, Ғани, тас ғасырының археологиясы, халықаралық археологиялық экспедициялар мен жобалар

LAST ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

OF GANY ISKAKOV

(13.01.1970–23.06.2019)

Zh.K. Taimagambetov

Who was Gany for me? He was my faithful and reliable companion devoted to archeology, and a grateful learner. He was born in 1970, in the village of Karatobe of Zhana-Korgan district in Kyzyl-Orda area. After graduating from high school he served in the Soviet Army, and in 1990–1996 studied at the Faculty of History of KazSU. I taught him archaeology at University and administered an exam. After graduating from the University he was engaged in medieval archaeology, and since 1993, when the work of the Kazakhstan-Russian archaeological expedition in Kazakhstan started, he began to cooperate closely with us and seriously engaged in problems of the Stone Age. In 1998–2001 he took an internship in the Paleolithic sector of the Institute of Archaeology and Ethnography in the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), did postgraduate studies in Archaeology and in 2006 successfully defended his PhD thesis. After defence, basing on personal involvement in archaeological expeditions, Gany wrote and published about 70 scientific papers in various publications. In 2006–2007 and 2009–2011 Iskakov Gany T. worked as a Head of the Department of Archaeology, Ethnology and Religious Studies of IKTU named after Yesevi. In 2013–2016 he was an assistant professor of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology of the Faculty of History, Archaeology and Ethnology of KazNU named after al-Farabi. After that he moved to the city of Turkistan, was a head of the department of the museum-reserve “Kazret-Sultan,” then a deputy director of scientific work. In the last year he worked as a senior researcher at the Research Center of Archaeology of IKTU named after Yesevi. And wherever he worked, he rose to the occasion. He was a decent man.

Keywords: archaeology, Gany, Stone Age archaeology, international archaeological expeditions and projects

About the Author:

Taimagambetov Zhaken K. Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan; zhaken.taimagambetov@gmail.com

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АО –	Археологические открытия, г. Москва
ВАН КазССР –	Вестник Академии наук Казахской ССР
ВГО –	Всесоюзное географическое общество
ВКАЭ –	Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ВКОИКМ –	Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, г. Усть-Каменогорск
ГАИМК –	Государственная Академия истории материальной культуры, г. Ленинград
ГИМ –	Государственный исторический музей, г. Москва
ГЭ –	Государственный Эрмитаж
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ИА АН СССР –	Институт археологии Академии наук СССР
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИГУ –	Иркутский государственный университет
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КазГУ –	Казахский государственный университет
КазНПУ –	Казахский национальный педагогический университет им. Абая
КазНУ –	Казахский национальный университет им. аль Фараби
КазПИ –	Казахский педагогический институт им. Абая
ҚазҰУ –	әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті
КазФАН СССР –	Казахский филиал Академии наук СССР
КарГУ –	Карагандинский государственный университет
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии, г. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ –	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

ЛО ИВ АН СССР –	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ЛО ИИМК АН СССР –	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛО ИА АН СССР –	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР, г. Москва; г. Ленинград
МКТУ им. Ясави –	Международный казахско-турецкий университет им. Ясави
НАН –	Национальная Академия наук Республики Казахстан
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
ПСТГУ –	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РА –	Российская археология, г. Москва
РГО –	Русское географическое общество
СА –	Советская археология, г. Москва
СГПУ –	Самарский государственный педагогический университет
СО РАН –	Сибирское отделение Российской Академии наук
СЭ –	Советская этнография, г. Москва
ТИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР
ХҚТУ –	Қ.А. Ясауи атындағы халықаралық қазақ-түрік университеті
ЦГА РК –	Центральный государственный архив Республики Казахстан, г. Алматы
ЦГМ РК –	Центральный государственный музей Республики Казахстан, г. Алматы
ЦКАЭ АН Казахстана –	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция Академии наук Казахстана
ЮКАЭ –	Южно-Казахстанская археологическая экспедиция
СКАЕ –	Central Kazakhstan archaeological expedition
ЕКАЕ –	East Kazakhstan Archaeological Expedition
ІКТУ –	International Kazakh-Turkish University named after Yesevi
СКАЕ –	South Kazakhstan Archaeological Expedition

**АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР –
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS**

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы Ережелер журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Мұқабаның рәсімделуінде керамикадағы мөр бедерінің бейнесі қолданылды. Табылған зат Б.Ә. Байтанаевтың басшылығымен ортағасырлық Сайрамда жүргізілген қазба жұмыстарынан алынған. Суретті Ж. Жанабаев, С. Садықов салды.

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа на керамике. Находка происходит из раскопок, проводившихся под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садыковым.

In the design of the cover, the image of the imprint of the stamp on ceramics is used. The find comes from excavations conducted under the direction of B.A. Baitanayev on medieval Sayram. The drawing was made by J. Janabayev, S. Sadykov.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының эмблемасын М.А. Антонов дайындады
Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана разработана М.А. Антоновым
Emblem of the A.Kh. Margulan Archeology Institute developed by M.A. Antonov.

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Журнал основан 26 апреля 2018 г. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалады.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Баспаға 16.09.2019 жылы қол қойылды. Пішім 70×108 1/16

Шартты б.т. 13,33. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 200 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Подписано в печать 16.09.2019. Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 13,33. Гарнитура Times New Roman. Тираж 200 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Signed to print 16.09.2019. Format 70 × 108 1/16

Printed sheet 13,33. Times New Roman headset. Circulation 200 copies.

"Хикари" баспаханасында басылған

Отпечатано в типографии «Хикари»

Printed in the printing house "Hikari" hikari.kz24.online